

уральский

следопыт

№7 *** 1975

Поиск привел к старо- жи- лам

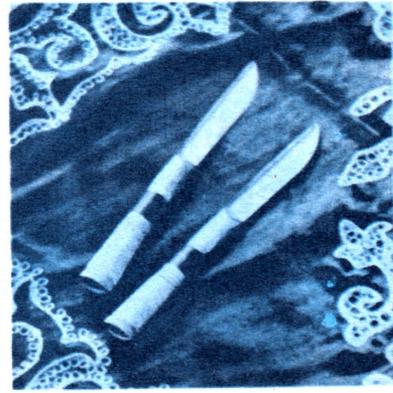

Непросто создать музей. Следопыты казахстанского города Аркалык приложили немало сил, чтобы собрать документы и экспонаты, рассказывающие об истории Тургайской степи. Поиск привел их к старожилам края. Портрет одного из них — Садуакаса Кугентаева — украшает зал, рассказывающий о народном творчестве.

Садуакасу Кугентаеву столько же лет, сколько нашему веку. Он был кузнецом еще в отряде Амангельды Иманова. Аксакал давно на заслуженном отдыхе, но не может расстаться с наковальней. Только теперь не железо, а серебро покоряется его умелым рукам, и появляются на свет изделия, ценимые в народе с незапамятных времен.

Пополняются и другие разделы аркалыкского музея. Поиск следопытов продолжается.

А. НАГИБИН

В номере: Ю. Файбышенко
В ОСАДЕ (Приключенческая повесть) 2

НТ-75. Наука и техника 17

В. Савельзон
СЫН ЧАПАЯ 20

Т. Афанасьева
ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СЕБЯЛЮБИЮ 24

А. Мельник
МУЗЕЙ С ИЮНЯ ПО АВГУСТ 30

СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА 31

Р. Ругин, Ю. Лобанцев
ЗЕЛЕННЫЕ ПАРУСА 32

А. Либерман
БРОННИКОВЫ В ВЯТКЕ 34

Д. Сергеев
ПРЕРВАННАЯ ИГРА. Мой друг — фантастика . . . 36

В. Аринин, В. Паков
ХЛЕСТАКОВ, ОН ЖЕ ВОЛКОВ 61

А. Поляков
КРАСКИ ПРИРОДЫ 65

И. Забелин
ЦЕНТРОСТРЕМЛЕНИЕ 66

А. Коровин
НЯНЯ ДЕТЕЙ ПУГАЧЕВА 69

С. Долгова
ВПЕРВЫЕ О КАПОВОЙ ПЕЩЕРЕ 70

Ю. Подкорытов, И. Шиманский, Н. Николаев, В. Выводнов
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ 72

МИР НА ЛАДОНИ 73

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА.

Технический редактор
 Элла МАКСИМОВА.

Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:

Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефон 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 24/III 1975 г.
 НС 21159.
 Подписано к печати 15/V 1975 г.
 Бумага 84×108¹/₁₆.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 10,6.
 Тираж 275 000
 Заказ 173
 Цена 30 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

1-я стр. обложки — рис.
 В. БУБЕНЩИКОВА.

© «Уральский следопыт», 1975 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

№7 * 1975

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

В ОСАДЕ

Приключенческая повесть

Юлий
ФАЙБЫШЕНКО

Рисунки
Н. Мооса

Гуляев лежал на сундуке и слышал дыхание вечернего сада. Через открытую форточку доносились запахи созревших и подгнивающих груш, земли, освеженной недавними дождями...

Вчера ночью убили сторожа и ограбили склад потребкооперации. С утра Гуляев выяснил обстоятельства дела. Сторожем служил Иваненко, бодрый старик, из солдат еще скобелевских времен. Вывезено было около пятисот аршин мануфактуры, кожа, немного продуктов — вобла, старые, каменной твердости пряники, а также конфеты — подушечки и монпансье, килограммов пятьдесят колотого сахара — все запасы сладкого, которыми располагал городок. По мирным временам кража средняя. Но теперь, когда каждая нитка и каждый кусок на учете, это ограбление стало событием.

Положение в городке было тяжелым. После того, как бандиты батьки Хрена быками растащили рельсы узкоколейки, сообщение с Харьковом прервалось. Конные курьеры исчезали в пути. По всему уезду бурлило не то восстание, не то просто какое-то кровавое гулево. Мужичьи банды всех мастей и оттенков, небольшие группки белой офицерни, непонятно как сбившиеся в шайки дезертиры — все это колобродило и стреляло, а в Сухове только и хватало сил не допустить до своих окраин эту многоликую разбойную вольницу.

Ограбление склада крайне насторожило всех в городке. Значит и здесь подняла голову уголовная братия и вражеское подполье.

Ветер ударил в раму, стекло вызвенело и стихло.

Гуляев жил у Полуэктова в огромном особняке.

Комната его была на мансарде. Он очень любил по утрам смотреть в округлое слуховое окно, постепенно наливающееся розовым соком зари. Отношения с хозяевами были самые несложные: здравствуйте — прощайте. Во всем доме жили старый Полуэктов, купец второй гильдии, крупный когда-то солеторговец и владелец маслозавода, его тихая и неслышная жена (всякий раз при виде Гуляева она немела от ужаса), их племянница, высокая юная с надменным окаменевшим лицом, и старуха — кухарка Пафнутьевна.

Гуляев, вселенный сюда по ордеру, и не пробовал наладить отношений. С утра он спускался вниз, в умывальную, коротко здоровался с хозяином, который в это время всегда торчал вни-

зу, неизвестно что высматривая сквозь заузоренные диким виноградом стекла террасы, оплескивался водой, вытирался своим полотенцем и шел на кухню, где ему принадлежал большой армейский чайник. Он заваривал чай, подсыпая к нему душистую траву, которой снабжал его завхоз милиции Фомич, и, дождавшись, пока вода закипит, уносил чайник к себе. Порой в эти минуты на кухню мельком заглядывала жена Полуэктова, порой входила и ставила на плиту какие-то кастрюли племянница. Кроме утренних приветов, ни с кем ни разу не было сказано ни слова.

Теперь Гуляев сидел в своей комнате на сундуке, где устроена была его постель, и в который раз уже рассматривал картину на противоположной стене комнаты. Картина возбуждала странные мысли и неясные подозрения. По липовой аллее, усыпанной оливково-оранжевыми листьями, в серой мгле рассвета бежала девушка. Вернее, молодая женщина. Она бежала стремительно, далеко отводя локти. Бежала от чего-то ненавистного. Страдание было на милом открытом лице. Страдание — да, но была ли надежда? Скорее отчаяние и решимость...

Гуляев встал, прислушался. Внизу неясно зазвучал разговор, и Гуляев уловил чей-то чужой голос. Часам к семи Полуэктовы обычно садились за ужин. Потом следовало чаепитие. Изредка снизу доносился резкий говорок Пафнутьевны, бас хозяина, тихая фраза хозяйки, и еще реже мартовским ледком вызванивал голос племянницы.

Сегодня у них гость. Слышался мужской голос — то нервный и торопливый, то размеренный, словно декламирующий.

Гуляев прошелся по мансарде. Половицы заскрипели. Внизу все смолкло. Он прислушался. Там перешли на шепот. Боятся его? Он усмехнулся. Что ж, вполне возможно, что боятся. Они — «бывшие», а он — следовательно угрозыска, сотрудник рабоче-крестьянской милиции.

Гуляев подошел к окну, стал коленями на сундук, оставленный по просьбе хозяев в его комнате, нажал и с силой распахнул обе половинки рамы. В саду гулял ветер, знобко подрагивали в косяке тусклого света от нижней веранды молоденькие груши. С далекой улицы не доносилось ни звука. Только где-то далеко, в нижней части города, где жила беднота, рабочие маслозавода и кустари, размашисто катила свои переливы тальянка.

Ограбление склада, думал Гуляев, было делом нетрудным. Иваненко — сторожа — знал весь город и заговорить с ним, отвлечь внимание мог каждый. Но, с другой стороны, Иваненко — старый солдат, службу знал хорошо, ночью не должен был вступать в беседу. Кроме того, город патрулировался. Любой шум мог привлечь внимание патруля. Склад недалеко от базара, а там по распоряжению военкома патрули бывали

Юлий Иосифович Файбышенко родился в 1938 году в Воронеже. Преподавал в сибирском селе Сулкет, в Бодайбо, сотрудничал в иркутской газете «Советская молодежь». Автор приключенческих повестей «Дело чавовщика», «Кишя», «Розовый куст», «Троянский конь». В нашем журнале публикуется впервые.

особенно часто. Нет, разгадка, видимо, в том, что с Иваненко мог заговорить только близкий знакомый, или же сторожа отвлекли другим способом... Могли убить и на улице, потом затащить труп в склад.

Он расспрашивал старшего патруля, тот сказал, что они появлялись на Подъячей улице, где был склад, почти каждые полчаса, все было тихо. Первый раз они встретили сторожа около склада, тот сидел на ступенях и даже окликнул проходящих: нет ли закурить? Второй раз Иваненко прохаживался по улице. После они его не видели — это уже часов с трех ночи, но проверить не стали, решили, что старик зашел в склад.

Значит, убийство и ограбление произошло около трех. Но как могли без шума и так быстро грабители вывезти товары? Хоть было их и не так много, но все равно потребовалось бы несколько подвод. Скрипа же телег или звука колес солдаты из караульной роты не слышали. На руках перетаскать все товары за полчаса, час — слишком трудно...

Ладно, гадать не будем, суммируем то, что имеем: ограбление произошло после двух, грабили профессионалы. Надо порыться в делах уездной управы и полицейского участка. Посмотреть карточки на местную шпану. Впрочем, почему обязательно местную? Сколько за эти грды прошло и осело в городишке разного люда. Могли орудовать и залетные.

Внизу разговаривали в полный голос. Сидят там за чаем, болтают. Гуляеву взгрустнулось. С момента приезда в этот городишко он все время был один. Правда, Санька Клешков — друг, но и с ним у Гуляева не всегда ладилось. Гуляев понимал — почему. Для Клешкова, как и для Иншакова, он был чужак, «белая кость».

Гуляев снова сел на сундук и уставился в стену. Картины в темноте почти не было видно. Лишь чуть-чуть выделялись на темном фоне светлые пятна — золото листьев по краям аллеи.

Можно, конечно, сходить к Саньке, но Гуляев не решился. Саньке поручено вести что-то важное, если судить по тому, как Иншаков отрезал, когда Гуляев попросил придать ему Клешкова. Впрочем, начальник мог отказать и без умысла. Он считал, что только такие пролетарии, как он, могут вершить дела мировой революции. А Гуляев — досадное недоразумение... Что ж, начальник Иншаков другим быть и не может, его не переделаешь. Но и он, Владимир Гуляев, бывший студент таков, как есть. И он тоже нужен мировой революции. Его в этом не переубедишь...

Владимир встал и спустился по винтовой деревянной лестнице. Пафнутьевна, возясь у печи, взглянула в его сторону и что-то пробурчала.

— Вы мне? — спросил Гуляев. Лучше было бы промолчать, но это было не в его характере.
— Говорю, не у себя дома, а будто хозяин.

— А-а, — сказал Гуляев, — на эту тему мы с вами не подискутируем... Можно мне чайник поставить?

— Ставь хоть бочку... Начальники!.. Откуда их набрали, начальства такого, ни вида, ни ума...

Гуляев поставил чайник, долил в него ковшом воды из ведра на лавке, и сразу же пришлось выдержать новое нападение.

— Воду-то брать — это кто же велел! — подбоченившись двинулась на него Пафнутьевна. — Аль не слышал: кто не работает, тот не ест? Ты по дому что — работал? Почто чужую воду берешь?

— Скажи, куда идти, — принесу.

— Эх, злыдень, — останавливаясь против него, пропела Пафнутьевна, суживая глаза. — Людей в могилу спосылаешь, а откуда воду берут, досе не узнал?

Гуляев остро взглянул на нее, подумал: стоит ответить или нет? Решил, что нет. Прихватил пустое ведро, стоящее на лавке рядом с полным, и вышел в сени. У самой двери в темноте наткнулся на кого-то.

— Ч-черт, — сказал он, — извините, ничего не видно.

— Нет-нет, — в ту же секунду перебил его мужской голос, — это моя вина.

Вспыхнула спичка. Перед Гуляевым стоял худощавый мужчина среднего роста в пиджаке, военных галифе и сапогах. Догоревшее пламя последний раз блеснуло в запавших, нервно мерцающих глазах.

— Что-то не узнаю вас, — сказал Гуляев, не спеша уходить.

— Гость, потому и не узнаете, — сказал в темноте незнакомец. — Разрешите представиться: Яковлев, работник здравоохранения, давний знакомый Полуэктовых. А вы, кажется, постоялец?

— Да, — сказал Гуляев, — постоялец. Работник милиции... Позвольте пройти.

— Пардон, — посторонился в темноте Яковлев. — Вы потом не зайдете ли? Перекинемся в пульку, поболтаем.

— Вы же гость, я постоялец, — сказал Гуляев, — а должны приглашать хозяева.

Он сошел по громяющим ступеням во двор, припомнил, что колодец у конюшни, и направился туда. Луна выползала над кровлями.

Скрипел журавель, лаяя вдалеке собаки, чернело небо, загораясь бесчисленными россыпями.

«Знаете ли вы украинскую ночь? — думал Гуляев, вытягивая из колодца полное ведро. — Нет, вы не знаете украинской ночи».

Едва он вошел в кухню и поставил ведро на скамью, послышалось шуршанье платья, и вошла хозяйская племянница.

— Простите, пожалуйста, — сказала она, — дядя и тетя приглашают вас на чай.

Он посмотрел в ее большие глаза, спокойно наблюдающие за ним, шаркнул ногой.

— Благодарю. Сегодня не могу, очень занят. В следующий раз, если позволите.

— Конечно,— сказала она.— Приходите, когда угодно, если вам разрешают это ваши партийные инструкции.

— На этот счет нам инструкций не давали,— сказал Гуляев, враждебно оглядывая ее.— В свою очередь, если вам нужна моя комната или просто захотите навестить квартиранта, прошу не стесняться.

Они помедлили, глядя друг на друга, потом он вышел. Поднимаясь по лестнице, проходя к сундуку, скидывая краги и ботинки, он все вспоминал ее аскетически худое лицо с высокими скулами, светлые волосы над небольшим фарфоровым лбом, чуть вздернутый нос, полные губы. Знает себе цену, чертовка...

Клешкова томили предчувствия. Он и сам не знал, почему осенью они вдруг занимались в нем, как тревожные костры. Может быть, запах увядания, печальная пышность багряных садов вокруг, может быть, обостренное юностью, ожидание чего-то особенного, может быть, тревога самого городка, обложенного разбедами батьки Хрена — все это не давало спать ему по ночам.

В таких случаях он читал. Сейчас он читал затрепанную книгу без обложки про походжения капитана Вельзевула. Это был высокий красавец, объявивший войну всему миру. У него был замок где-то в шхерах, и ему служил Геркулес, способный в одиночку драться с тридцатью человеками. Но Вельзевулу угрожали враги, и капитан то побеждал их, то проигрывал, чтобы опять победить. Читать было интересно.

Клешков шмыгнул носом, поглядел на огарок — он коптил. На страницах лежал тусклый отблеск пламени, глаза побаливали. А именно сейчас он читал рассказ одного из спутников Вельзевула про его схватку с барсом. Зверь прыгнул на него, а спутник Вельзевула «выхватил свой длинный острый персидский кинжал и ударил снизу в брюхо хищника...»

Свеча догорала, сквозь стенку слышалось чмокание и посапывание спящих детей и хозяйки. Клешков задумался: надо же, какие приключения переживали люди. Барсы на них кидались. Тысячи крыс осаждали их среди шхер. Враги подстерегали за углом... А тут...

Он дунул на огарок и, плотнее завернувшись в одеяло, прикрыл глаза. Надо завтра поговорить с Гуляевым насчет этой книги, а то ему скажешь что-нибудь вроде этого: «И с невероятной силой напряжнив мышцы, Геркулес расшвырял нападавших, как котят», а он смеется. Плохие, мол, книжонки читаешь, Саня.

Что-то мешало спать, и Клешков приоткрыл глаза. Окно было странно багровым. Закат, что ли? Какой ночью закат? Что за черт? Он при-

встал, вылезать из-под одеяла не хотелось: ночи стояли холодные и в комнате было прохладно. Стекло накалялось алыми отблесками. Он спустил ноги на пол и, шлепая по холодным доскам, подошел к окну. Издалека сквозь сады, то вскидываясь, то опадал багровый нимб. Потом вдруг ухнуло чуть слышно и высоко ударило злое пламя. Клешков, путаясь и матерясь, натянул галифе, на бегу прицепил пояс с револьвером, выскочил во двор и помчался вдоль забора. Горели полуэктзовские склады. В них хранились собранные за этот месяц запасы хлеба. Последняя надежда городка.

Клешков бежал по спящим улочкам, мимо оград, над которыми буйно полыхало золотое многоцветье листьев и несло густым запахом яблок и груш, мимо пустырей, оставшихся после боев с деникинцами, мимо на отшибе стоящей часовни с выбитыми оконцами. Городок спал, но над ним глухо урчало могучее пламя, шел треск и гигантский огненный хвост метался и ширился над крышами.

«Жуть,— думал на бегу Клешков, судорожно вытирая лоб, — могут весь город сжечь!»

У полуэктзовских лабазов на фоне огромного рычащего пламени дергались и бегали люди. Клешков увидел двух крутящихся друг перед другом всадников. На одном из них пламя вырыжило белую папаху и позолотило оружие, на другом багряно светилась черная кожа костюма и фуражки.

— Товарищ начальник,— отрапортовал он, подбегая к всаднику в кожаном,— оперуполномоченный Клешков явился...

Лошадь начальника затанцевала, оттеснила Клешкова крупом.

— Под трибунал!— кричал Иншаков своим тонким голосом, способным пробуравить даже такую толщу, как рев огня.— Бандиты, а не бойцы революции!

— Кто бандит? — грозно спрашивал комэск Сякин — это он был в белой кубанке.— Революционные бойцы, павшие при исполнении обязанностей? Это они бандиты?!

Клешков отступил от кричащего начальства и осмотрелся. Три огромных деревянных склада были в сплошном огне, хрипели и вздымались обугленные стропила. Два каменных лабаза горели ровным пламенем, однако даже огонь, рвущийся над их крышами, не мог произвести изменений в их грузной каменной присадиности. Внутри лабазов что-то рушилось и гудело, но стены стояли незыблемо.

Около складов металась одиночные фигурки в шинелях и всадники.

Подлетел шарaban, и с него соскочила небольшая плотная фигурка в нахлобученной на лобастую голову кепке. Сейчас же побежали от него какие-то люди, быстро организовали цепь, а всадники куда-то умчались. Несколько

человек вывезли на площадь перед лабазом огромную старую пожарную бочку, потянули брезентовые рукава.

Клешков побежал было к Бубничу, но тот сам уже шел в его сторону, и Клешков остановился в ожидании приказаний. Бубнич подошел и осадил коня Сякина, грудью толкавшего лошадь начальника Иншакова.

— Кто виноват — трибунал выяснит, — сказал он резко. — Сякин, быстро всех своих за водой! Пусть волокут ее, кто в чем может. Надо поставить конных цепью от реки.

Сякин немедленно умчался.

— Иншаков, — приказывал Бубнич, — оцепи пожар. Не подпускай посторонних.

— Клешков! — кричал, удерживая лошадь Иншаков. — Видел лабаз? Вон тот. Негорящий... Стань на часах, и чтоб ни одной души!

— Есть, — кивнул Клешков.

Он пробежал мимо крайнего горящего склада, увидел, как кричит на кого-то Гуляев, выскочил за ограду лабазов и тут увидел толпу спешенных сякинских кавалеристов, держащих коней за повод, и перед ними темные, лежащие на земле, тела. Конники обнажили головы.

«Со своими прощаются, — понял Клешков, — склады охраняли сякинские ребята...»

К стоящему отдельно лабазу летели голдрешки, догорая в бурьяне. На двери был сбит замок. Клешков откинул засов, открыл дверь. Внутри лабаза было хоть шаром покати. Сквозь выбитые окошки врывался сюда неровный свет и тогда в пустых углах вспыхивала рыжим паутина.

Клешков вышел наружу. «Чего тут охранять?» — подумал он. Около складов за цепью милиции и караульной роты уже скапливалась толпа. На огонь направили брандспойты. По цепи непрерывно передавали ведра с водой. Смелчаки уже орудовали баграми, пытаются растащить стропила. Но огонь не убывал. По жестам метавшегося в свете пламени Бубнича было видно, как он объединяет людей на борьбу за лабазы. Деревянные склады он, видно, считал потерянными.

«Чего я тут торчу! — с унылой злобой думал Клешков. — Тоже, мне, выбрал Иншаков местечко...»

Он заметил, что и тут, у лабаза, начинает собираться народ, и крикнул:

— А ну, двадцать шагов назад! — А когда толпа зароптала, вынул наган. — Ат-ставить разговорчики!

Он пошел на толпу, и она отступила. Подскакал Иншаков.

— Как дела, Клешков?

— Охраняю, товарищ начальник.

— Не подпускать никого без приказа!

— Есть!

— Гляди, черт тебя дери! Единственное, что не сгорело, стережешь!

Клешков хотел было сообщить своему грозному начальнику, что тут потому и не горит, что гореть нечему, но Иншаков уже несся к складам.

Бородачи в чуйках — длинных суконных кафтанах — и картузах гомонили перед Клешковым, сзади плясал огонь, странно выхватывая в толпе лица, а он стоял со своим «наганом» и держал здесь свой фронт.

Среди толпящихся перед складом людей он вдруг увидел приземистую фигуру в картузе, которая мелькала то в одной стороне, то в другой. Клешков насторожился.

Горящие склады бомбардировали толпу головнями. Одна упала прямо под ноги Клешкову, и тот сапогом загнал ее в близкие лопухи. Толпа впереди странно заволновалась, он оглядел и охнул. Приземистый мужик в колушке и картузе, держа тлеющую головню, заворачивал за угол.

Клешков решил было кинуться вдогонку, но услышал гомон и обернулся.

— Назад! — кричал он, увидя сплоченно напирющие чуйки. — Назад, ну! — и трижды выстрелил над их головами.

Толпа попятилась. Он шагнул вперед и увидел, как сбоку опять метнулся в сторону человек в колушке и картузе. Клешков повернул голову — из разбитых окошек лабаза потянулся дымок. Он кинулся было к двери, но толпа опять загалдела и он остановился: все равно в лабазе ничего нет.

Клешков стоял, высвеченный пламенем, высокий, худой, в своем штатском пальто и кепке перед шумящей толпой и она не решалась смять этого готового на все парня с наганом в руке.

У лабазов люди одолевали огонь. В движениях тех, кто тушил, уже чувствовался единый ритм, ведра точно переходили из рук в руки, из брезентовых рукавов хлестали струи, несколько человек подбирались к самым стропилам, спасая крышу, раскидывая в стороны горящие балки.

Толпа перед Клешковым снова заволновалась.

— Комиссары, — гудел огромный бородач, — они доведут! Один амбаришко приберегли и тот загорелся.

Клешков оглянулся. Лабаз, порученный его наблюдению, пылал.

Он повернулся к толпе, выставил вперед руку с наганом. Толпа подалась, выкрикивавший брань великан исчез за чужими спинами. Клешков выматерился, и тут же перед ним заплясал конь Иншакова.

— Прошляпил, раззява?! — Иншаков замахнулся плетью, Клешков отскочил. — Под трибунал! — кричал, наезжая на него конем, Иншаков. — Под трибунал пойдешь, зараза.

У Клешкова от обиды и злости свело скулы.

Гуляев высунулся из окна. Не веря своим глазам, смотрел вниз, во двор: по выгоревшей траве по направлению к каменному сараю, где держали арестованных, брел в распоясанной косоворотке, обритый наголо человек, странно похожий на Клешкова. За ним, старательно вынося штык, вышагивал парнишка-конвоир.

— Саня!— крикнул Гуляев, все еще не веря.

Спина узника дрогнула, он на ходу оглянулся, махнул Гуляеву рукой и побрел дальше.

Клешков! За что?!

Первой мыслью было — выручить. Бежать к Иншакову, к Бубничу...

Скрипнула дверь. Гуляев обернулся. Вошел и спокойно сел за его стол Иншаков.

— Товарищ начальник,— шагнул к нему Гуляев,— я сейчас...

— И я сейчас!— перебил Иншаков и замолчал. Одутловатое лицо его будто враз постарело — под глазами трещинки морщинок, даже короткий задорный нос не веселил.

— Вот что, Гуляй,— сказал Иншаков после недолгого молчания,— как там у тебя с ограблением кооперации?

— Пока ничего конкретного.

— Бросай. Не до нее. Берись за склады. Там, правда, Бубнич сидит, но он просит прибавить от милиции кого-нибудь.

— А с кооперацией?

— Отложим. Тут, понимаешь, какое дело? Вдарили нас под самый поддых. Ловко сработали, гады. Склады-то полуэктовские — последнее наше добро. И то, почитай, не наше. Отослать мы этот хлебушек должны были. Да Харьков до лучшей поры разрешил самим пользоваться. Теперь выхода нет: будем реквизировать у буржуев. А тех мы недавно и так трясли. Теперь ежели не вытянем у них крупно продуктов, рабочий нам такого не простит.— Он помолчал.— Дела мутные... Да тут еще Сякин с его эскадронцами. Лучшее бы его напрочь не было, понимаешь?!— закончил Иншаков с ожесточением.

— Товарищ начальник,— сказал Гуляев,— я займусь полуэктовскими лабазами. Только можно ведь туда Клешкова бросить! Я бы тогда кооперацию довел до конца.

— Про Клешкова забудь,— вставая, отчеканил начальник.— Клешковым трибунал занялся.

— За что?— изумленно спросил Гуляев.

— За дело,— бросил Иншаков.— А твое дело — сторона.

Гуляев вошел в обгорелый лабаз, где в углу за досчатым столом сидел на деревянной скамье Бубнич. Неподалеку от них отлого поднималась гора зерна. От нее шел запах гнильцы и духоты.

Бубнич невидяще посмотрел на Гуляева и снова уставился перед собой. Лобастое крючконосое лицо уполномоченного ЧК было угрюмо.

— Иншаков прислал?— спросил он своим скрипучим голосом.

— Иншаков.

— Садись.— Бубнич подвинулся на скамье.— Видел убитых?

Гуляев кивнул.

— Что об этом думаешь?

— Похоже, взяли их всех вместе.

— Думаешь, ребята были в будке?

— Похоже на это.

— Сякинские хлопцы, конечно, подраспустились. Но вояки они опытные, сплошь из госпиталей... Что-то не верится, чтобы они могли бросить посты и так запросто отправиться отдыхать.

— Тогда бы их не взяли, как кур. Семь человек! Едва ли нападающих было больше. И ни выстрела, ни крика...

— Соседи говорят, что вскрики они слышали.

— Это уже, когда их рубили.

— По всему видно: работал батька Хрен. Но вот, как он провел свою сволочь сквозь патрули, как разузнал, что, где и как — вот вопрос...

— В городе, видимо, действует подпольная организация,— сказал Гуляев.— И ограбление складов потребкооперации тоже не просто грабеж. Опять все искусно, профессионально.

— Да,— сказал Бубнич,— подпольщина — это сейчас главная забота. Мы тут кое-какие меры приняли... Но что делать с поджигателями? Обратились на маслозавод, к ребятам с мельницы, в ячейки, просили сообщать любые слухи, которые дойдут до них об этом факте. На счету каждый человек.

— Товарищ уполномоченный,— воспользовался поводом Гуляев и прямо взглянул в суженные жесткие глаза Бубнича,— людей так мало, а они за пустяк трибуналом расплачиваются.

— Ты это о чем?— спросил Бубнич.

— Я про Саньку Клешкова. Сгорел там один амбар, а он его охранял... Ну вы же видели, какая обстановка была. Обыватель набежал. Тут можно было не уследить.

— В революции, товарищ, надо уметь за всем уследить,— резко ответил Бубнич.— А тот, кто не дюж, пусть за этот гуж не берется.

Гуляев опустил голову. Конечно, Санька был виноват. Но это же Санька!

— Санька, товарищ Бубнич,— сказал он медленно,— никогда своей жизни не щадил. За революцию! Если мы таких парней шлепать будем, тогда уж не знаю.

— Ладно,— сказал Бубнич, внезапно улыбнувшись,— товарища любишь — это правильно. Ты за Клешкова не беспокойся, все будет по справедливости... А задание тебе такое. Придумай что-нибудь сам, любым способом проникни к сякинцам, повертись там,— он встал и прошел к двери лабаза,— послушай, что они обо всем говорят.— Он выглянул в дверь и повернулся к Гуляеву.— А ну, лезь в зерно. Затаись!

Гуляев, зачерпывая в краги зерно, проваливаясь по пояс, влез на самую вершину груды и лег там в тени. Ему был виден край лабаза, где стоял стол Бубнича. Уполномоченный ЧК сидел за столом и что-то писал.

С грохотом отлетела дверь. Вошел и встал в проеме рослый человек в папахе. Он стоял спиной к свету и Гуляев не видел его лица. Потом человек двинулся к Бубничу и в тусклом свете из окон стал виден весь: в офицерской бекеше, перекрещенной ремнями, в белой папахе, в красных галифе и сапогах бутылками. Шашка билась и вызывала, кобура маузера хлопала по бедру, зябкий осенний свет плавился на смуглом лице с мулатским придавленным носом и белесым чубом на лбу.

— Ша,— сказал человек, останавливаясь перед Бубничем,— ша, комиссар! Увожу своих ребят резать бандитву в поле! Они мне втрое заплатят.

Бубнич ждал, пока оборвется этот низковатый хриплый голос, потом взглянул в окошко.

— Садись,— сказал он, и Сякин, оглядевшись, сел прямо на зерно.— Комэск красной рабочей и крестьянской армии, товарищ Сякин,— сказал Бубнич,— на что ты жалуешься?

Сякин вскочил и плетью, зажатой в руке, ударил себя по колену.

— А ты не знаешь, на шо жалоблюсь? Семейных ребят моих срубали, а ты спрашиваешь!

— Ты, Сякин, из Сибири?

— Кубанский,— сказал Сякин,— ты мне шифты паром не забивай, комиссар. Говори: будет такой приказ идти на банду, иль мы сами махнем.

— Комэск, товарищ Сякин,— сказал Бубнич,— ребят твоих срубали, потому что в твоём эскадроне нет никакой дисциплины, потому что ты с бойцами запанибрата и ищешь дешевого авторитета. Они ж не охрану несли, товарищ комэск, они ж пили в будке, их там и накрыли.

— Кто?— крикнул Сякин.— Покажи, кто! По жилке раздерем!

— Это ты должен был знать— кто,— встал Бубнич.— И учти, Сякин, момент тяжелый. В уезде плохо, в городе народ волнуется, потому что ты — понял?— ты не уберег складов, где было все наше продовольствие. Мы еще продолжим этот разговор на исполкоме.

— А!— махнул рукой Сякин, поворачиваясь к выходу.— Продолжай хучь у самого господ бога, которого нонче отменили. Я тебе, комиссар, говорю так: либо выступаем, ни грамма не медля, банду резать, либо я вам не товарищ! Все!

Четко прозвенев шпорами, он вышел и грохнул дверью.

Гуляев спустился вниз.

— Вот какова обстановка,— сказал, подрагивая желваками, Бубнич,— вот наша опора. Эс-

кадрон — единственная реальная военная сила в уезде. А какова она — эта сила? Почти те же бандиты.

— Его надо арестовать,— сказал Гуляев,— а то бузу разведет.

— Это для дураков,— сказал Бубнич.— Арестуй его — эскадрон весь уйдет к Хрену. С ним надо ладить. Пока ладить. Этот анархистствующий казачок, кстати, на фронте был на месте. Не обратил внимание на его оружие? Почетное. Врагов рубал без жалости... Нет, к Сякину нужен подход. И что делается в эскадроне, надо знать. Это тебе задание на сегодня. А завтра с утра найдешь меня здесь же, доложишь... И грабителей мы будем искать по-иному... Пока.

Прежде всего надо было переодеться. Серое в талию пальто и краги — вытертые до рыжики — все же сильно примелькались в городке. Гуляев почти бегом пустился к Полуэктовым. Открыл своим ключом дверь веранды, чувствуя молодую легкость в ногах, одним махом взлетел по лестнице и остановился. Дверь его комнаты была открыта. Он неслышно ступил туда, и легкая тень метнулась к окну. Он безотчетно выхватил из кармана наган, шепнул:

— Стой!

Тень остановилась. Теперь в проеме окна обозначился женский силуэт с высокой талией и округленными бедрами. Гуляев сунул в карман револьвер, хотел было спросить хозяйскую племянницу, что она делает тут, но вспомнил, что сам приглашал ее заходить к нему. Она стояла, замерев, с прижатыми к груди ладонями, и он, насторожась, обшарил глазами комнату. Все было на месте. Женщина на картине по-прежнему бежала куда-то сквозь осенний рассвет. Только крышка сундука, стоящего под картиной, была закрыта неплотно.

— Садитесь, пожалуйста,— он кивнул ей на единственный стул у окна.— Вы так легко одеты, а тут прохладно...

Она с трудом вздохнула, опустила руки, прошла и села.

— Испугалась,— сказала она, улыбаясь,— думала кто-то чужой.

Теперь свет падал на нее сбоку, выгодно оттеняя голову с тяжелой косой, фигуру в строгом черном платье, шаль, брошенную на плечи.

— Мы с вами не знакомы по-настоящему,— сказал Гуляев, пристально оглядывая ее.— Меня зовут Владимир Дмитриевич, если хотите, просто Володя. А вас?

— Нина Александровна,— сказала она, вставая, с полупоклоном.

«Что здесь она делала?» — подумал он и спросил:— Скажите, чья эта картина?

— Кто художник?— она повернулась на стуле и посмотрела на картину.— Не знаю. Вернее, не знаю имени... Какой-то сибиряк...

— А кто владелец?— спросил Гуляев, наблю-

дая за ней. Она только делала вид, что спокойна, а сама очень волновалась.

— Владелец?— она усмехнулась.— Купила я, по случаю. Еще когда училась в Москве на курсах. А вам она нравится?

Он, чувствуя ее напряжение и не забывая о том, что в комнате до его прихода происходило что-то непонятное, искал повод выпроводить эту племянницу вниз — необходимо было установить, чем она здесь занималась.

— Что вы спросили?— он прошелся по комнате.

— Я спросила: вам очень нравится эта вещь?— голос ее набирал силу.

— Очень, — сказал он. — Я неплохо знаю школы живописи. Но этот автор — что-то совсем свежее, совсем особое.

— Да, я когда-то очень любила эту картину, — сказала она и села поудобнее.— Простите, — она взглянула на него чуть кокетливо и даже с вызовом.— Я не ожидала, что красный Пинкертон может оказаться столь образованным человеком.

— Вы многого еще не знаете.

«Как ее выгнать отсюда хоть на минуту?» — думал он.

— Простите, что я так вольничаяю, — сказала она, — но думаю: не выпить ли нам по случаю внезапного знакомства чаю?

— Извините, — сказал Гуляев сухо, — я ведь забежал по делам, должен переодеться, кое-что взять. Но если вы подождете минут десять, я согрею чай.

Некоторое время она сидела молча, покачивая носком ботинка, торчащим из-под платья, потом на лицо ее упала дымка безнадежности.

— Нет, — сказала она, вставая, — я заварю чай сама. И не ваш, кирпичный, а китайский. У буржуа он есть еще, — слабо усмехнулась она. — Будем пить его, если вы не передумали...

Он послушал, как топчут по расхлябанным доскам лестницы ее каблуки, — ему же удалось добраться сюда неслышанным...

В шкафу, вделанном в стену, висела порыжелая шинель, стояли кирзовые сапоги и на голенище одного из них — папаха. Не из тех кавказских, франтовских, в которых щеголяли конники Сякина, а потрепанная солдатская, времен германской войны. После операции против банды Краскова лично Иншаков распорядился снабдить обоих — Гуляева и Клешкова — комплектом такой одежды. Теперь она пригодилась.

Быстро намотав портянки и натянув сапоги, которые немного жали, Гуляев прошелся по комнате к окну и оттуда, опасаясь, что снизу можно это услышать, на цыпочках прошел к сундуку. Крышка открылась без труда. Он заглянул внутрь и ахнул. Сундук был туго наполнен сахарными головками, какими-то банками, пачка-

ми развесного чая, под этим видны были длинные коробки. Он хотел было раскрыть одну из них, но женский голос сзади сказал:

— Вот и чай.

Он опустил крышку сундука и оглянулся. Она стояла с подносом, на котором еще пошипивал утконосый фарфоровый чайник, и смотрела на Гуляева с непонятным выражением не то страха, не то насмешки. Он сразу налился яростью. Его провели. Почему они хранят в его комнате продукты?

— Ставьте на подоконник, — сказал он.

Она опустила на подоконник поднос и сказала, точно прочла его вопрос:

— Мы сохранили кое-какой запас продуктов. Дядя лишенец, его никуда не берут на работу. Мы вынуждены прятать то, что у нас есть. У вас, к несчастью, не спросили...

Он помолчал, взял себя в руки, прикинул: пока придется принять это объяснение. Сберечь с хозяевами прежние отношения.

— Если вам кажется, что эта комната неплохое хранилище, — сказал он, — пусть будет так.

Она облегченно вздохнула и посмотрела на него детским открытым взглядом.

— Какой вы молодец. Господи!

Он заставил себя улыбнуться...

Клешков сидел в камере и глядел в стену. Каменная стена с отколупнутой штукатуркой пошла трещинами. В пазах между камнями виден был поседевший мох. Клешков мотал головой и, обхватив руками туловище, качался, сидя на рогожке. Нет, это же чепуха какая-то! Такого быть не могло. Работник красного угрозыска Саня Клешков под арестом. Его ждет трибунал! И кто будет судить рабочего Клешкова — свои! Такие же рабочие, как он. Такие же красные, как он! Такие же советские, как он! Да это ж мур! Сон! Очнись, Санька!

Он дергал себя и щипал, он закрывал веки, накрепко стискивал, разлеплял. Все вокруг было то же: стены амбара, превращенного в предварилку. А за стеной был двор милиции, его рабоче-крестьянской милиции, суховского райотдела, и он, сотни раз мерявший этот двор своими шагами, слышал теперь сквозь дверь, как ржут во дворе лошади, звякает оружие и ходит у двери часовой. Ярость ударила в голову. Ладно! Судите!

Он представил себе, как его выводят на зады, как он идет по жухлой траве к оврагу, а все его товарищи — и Володька Гуляев, и Бубнич, и сам крикун Иншаков — смотрят на него, и как он становится перед взводом, и как поднимаются на уровень груди черные зрачки винтовок, и как Иншаков фальцетом командует, и как он кричит им в лицо, всем им в лицо:

— Да здравствует мировая революция!

Распахнулась дверь, возникла и тут же пропала полоса света.

— Клешков, где ты?— спросил, темнея в проеме двери, Бубнич.

— Тут я,— сказал весь в жару смертной обиды Клешков.— Тут я, товарищ уполномоченный.

— А,— сказал Бубнич, возникая рядом и шаривая у стены какой-то ящик,— а у меня к тебе дело первостепенной важности. Поговорим, Санек!

— Поговорим,— сумрачно буркнул Клешков.

На Верхней улице, где размещался по квартирам сякинский эскадрон, метались всадники. Заезжали в открытые ворота дворов, выезжали обратно, за плетнями видны были головы в папах и кубанках, долетали выкрики.

Гуляев завернул в один из дворов. Эскадронцы вершили там быструю расправу: какой-то мужичок, острый на язык, не понравился им, и тогда сякинский конник Багров выхватил шашку. Толпа эскадронцев взревела. Высоко взмыл вой, и сразу все прекратилось.

Толпа раздалась, и Гуляев увидел тело мужичка на траве. Голова, почти полностью отделенная от шеи, лежала рядом. Толпа стояла молча, Багров невозмутимо обтирал шашку о жилет мертвого.

— Вы шо ж такое робите?— закричал вдруг маленький казачок в широчайших галифе.— Окститесь, хлопцы. То ж измена!

— Измена?!— грозно ворохнул в его сторону глазами Багров.— Хлопцы,— закричал он вдруг пронзительным женским голосом,— шо ж они нас замордовали так, те коммунисты? Некормлены, непоены, братков своих теряем каждый день от пули да от ножа, а они надсмешки строят, да брешут, шо, мол, веруйте в светлое завтра! Гайда, хлопцы, у этого хмыря,— он кивнул на зарубленного,— во дворе пошарим. Гайда посмотрим, как они жизнь свою провожают!

Он кинулся к лошади и несколько десятков людей за ним сыпануло из ворот. Под свист и улюлюканье они понеслись ко двору убитого.

Гуляев ошеломленно смотрел, как вся эта толпа ломится в чужой двор.

— Товарищи!— крикнул Гуляев остальным: они мялись, не зная, что предпринять.— Товарищи бойцы, это ж провокация! Они позорят честь красного казачества! Остановите их, или вы тоже будете бандитами в глазах сознательных рабочих!

Вокруг него стояли, слушали, не поднимая глаз, но никто не откликнулся на призыв, не шевельнулся помочь. Из двора мужичка слышался рев и треск: там бушевал грабеж. Уже появились из ворот первые казаки с узлами в руках. Эскадронец со шрамами, собрав вокруг себя еще нескольких, о чем-то с ними договаривался. Вот

они скинули с плеч винтовки, защелкали затворами.

«Сейчас начнется мятеж»,— мгновенно сообразил Гуляев.

Надо пресечь! Но как? Из двора убитого вывалила толпа, навьюченная узлами и сумками. В середине ее ехал крутогрудый богатырь Багров. Толпа хохотала и гомонила. Гуляев тут же принял решение. Багров начал бучу, он несомненно служит бандитам и как-то связан с ними. Надо убрать его — в этом выход.

Сдерживая дрожь, Гуляев вышел на улицу, прижался к плетню, и когда толпа возвращающихся оказалась совсем близко, вырвал руку с наганом и, не целясь, несколько раз выстрелил в надвигающуюся широкую грудь убийцы.

Пока, тяжело храпя, сползал с коня Багров, на улице стояла страшная тишина, потом сразу и со всех сторон кинулись к Гуляеву люди. Он был стиснут, сбит с ног, придавлен потными, хрипло дышащими телами. Он бился, вился в беспощадных руках, вывертывался, пытался оторвать от горла чьи-то деревянные ладони. Потом кто-то высоко и яростно крикнул над всей этой кипящей грудой, и Гуляев почувствовал, что можно дышать. Держась за горло, он поднялся. Вокруг него стояли разъяренные казаки, а над ним высился хмурый Сякин на своем белоногом коне.

— За что убил моего бойца?— спросил он, подъезжая так близко, что в ноздри Гуляеву ударил кислый запах конской шерсти.— Кто ты?

— Я из милиции,— сказал он, с трудом выдерживая режущий взгляд узких степных глаз Сякина.— Этот человек спровоцировал твоих бойцов на погром и грабеж. Он должен был за это ответить.

Вокруг зашумели.

— Мол-чать!— гаркнул Сякин, поднимая коня на дыбы.— Охрименко, так было дело?

Казачок в широчайших шароварах затравленно огляделся, потом плюнул себе под ноги и махнул рукой.

— А ось як стою на цеим мисте, так воно и було. Так, Иван?

— Так,— сказал названный Иваном.— Ты, товарищ командир, в отсутствии был, а хлопцы бузу развели. И верно, что Багра шлепнули, а то как бы хуже не было.

— Покажь свои бумаги,— приказал Гуляеву Сякин.

Молча просмотрел гуляевское удостоверение, сунул его себе в карман и скомандовал:

— А теперь гони отсюдова, милиция! Рысью! А то как бы горше не стало.— И услышав ропот остальных, крикнул, перекрывая его.— Вали на митинг, братва, а то мы енти щи век не расхлебаем!

Гуляев, все убыстряя и убыстряя шаг, кинулся по улице. Он еще только подходил к ограде

милиции, когда мимо него пронеслись два всадника и один из них, бросив повод второму, соскочил с коня и, отстранив часового, ворвался в ворота милиции.

Гуляев, узнав Сякина, промчался мимо дежурки и по лестнице взбежал к иншаковскому кабинету. Там громко звучали раздраженные голоса.

— Можно?— приоткрыв дверь, спросил Гуляев.

— Входи!— донесся голос Иншакова.

У окна, сунув руки в карманы кожанки, стоял Бубнич. Иншаков, сверкая сплошной кожей костюма, тонул в кресле. Сякин оседлал стул, опустив подбородок на сложенные на спинке руки.

— И ты, командир эскадрона,— глядя в стол, запальчиво повышал голос Иншаков,— командир эскадрона Красной рабоче-крестьянской армии, допускаешь дебош и резню.

— А кто резал?— спросил Сякин, отрывая подбородок от рук.— Я резал? А ну, повтори!

— Ты, Сякин!— крикнул Иншаков.— Ты, Сякин!

— Заладил — «тысякин», «тысякин»!— сказал Сякин, одной рукой заламывая папаху, а другой шаря в кармане.— Твои «снегири» моих эскадронцев стреляют, а я ишо их же и спасать должен.

Бубнич повернулся к Сякину и с хмурым любопытством смотрел, как тот закуривает.

— Орут, орут, ядри твою качель,— сказал Сякин, словно не замечая упорного взгляда Бубнича.— Пошумели хлопцы, так понятно: убили товарища, жратва хреновая... А твоя жандармерия, Иншаков, в моих ребят палила,— повысил он голос.— Это как понимать? Шо за контру ты под своим крылышком прячешь?

— Брось выламываться, Сякин,— сказал Бубнич.— Ты красный командир или бандюк?

— Эт-то как по-нять?— с расстановкой сказал Сякин и легко поднялся во всю свою ястребиную статью.— Эт-то кто ж бандюк? Эт-то кого же вы так об-зываете?

— Я тебе сказал, Сякин,— зло прищурился Бубнич.— Твои люди совершили погром, убили человека, ограбили двор, добыли самогон. Ты должен выдать зачинщиков, чтобы они предстали перед трибуналом.

Сякин стоял, оставив ногу, глубоко заглядывая дым самокрутки, с его согнутой в локте руки свисала нагайка.

— Штой-то много у меня грехов, комиссар,— сказал он, выставляя в усмешке ровные обкуренные зубы.— Оно ведь так завсегда ведется: гриб можно стоптать, о пенек спотыкаешься. Хлопцы мои во всем виноваты, а комиссары завсегда безвинные.

— Ты-ы!— вскочил Иншаков.— Я твою идею наскрозь вижу!

— Сядь,— приказал Бубнич и повернул голову к Сякину.— Выдашь зачинщиков?

— Я беспорядков не видал, кого ж выдавать?— весело оскалился Сякин.

— Пойдешь под трибунал,— сказал Бубнич и резко приказал Гуляеву.— Обезоружить.

Тот шагнул, но комэск, отскочив к стене, схватил клинок, и резкий свист его окружил Сякина непроходимой завесой.

Гуляев вынул наган и посмотрел на Бубнича. Но тот, стоя у окна, глядел в пол. Сякин прекратил вращать шашкой и прижал ее лезвие к сапогу.

— Ну,— сказал он,— попробуй возьми Сякина!

В тишине слышно было, как Иншаков бессмысленно перебирает бумаги на своем столе.

— Гляди, комиссар,— пообещал Сякин,— не выйду отсюда — мои хлопцы добре за это расплатятся.

Дверь кабинета распахнулась, и широкая оплывшая физиономия дежурного показалась в проеме.

— Товарищ начальник, эскадронцы!

Бубнич посмотрел в окно. Даже сквозь двойные стекла был слышен гул во дворе.

— Так шо вот как!— победно оглядывая присутствующих, сказал Сякин.— А ты гутаришь, комиссар, мол, никакой дисциплины. За командира — хучь в огонь!

— Панченко,— крикнул Иншаков,— тревогу!

Голова Панченко исчезла.

— Давай замиряться, комиссар,— сказал Сякин, растирая на полу тлеющий окурок.— У меня хлопцы заводные. Могут чего напутать, милицию ету разнести. Народ нервный, пулей меченный.

— Уйдешь отсюда только тогда, когда прикажешь выдать зачинщиков убийства и грабежа,— сказал Бубнич.

По всему зданию лязгало оружие. Гуляев, подойдя к окну, выглянул через стекло во двор. Там грозно выстраивался эскадрон. У калитки виднелись две пулеметные тачанки. Бледные лица всадников были искажены. Видно было, как среди них мечутся и что-то кричат несколько человек.

И вдруг до Гуляева дошло, что все происходящее — недоразумение. Ведь Бубнич и Иншаков не знали всего, что произошло, а Сякин из самолюбия не желал оправдываться.

— Товарищ начальник, товарищ Бубнич,— вмешался он, и все трое посмотрели на него с каким-то странным ожиданием.

— Я присутствовал при происшествии,— сказал он.— Комэск не виноват. Конечно, настроения нехорошие в эскадроне, но в этот раз произошло все вот как. Мужичок, у которого стояли на квартире трое из эскадрона, начал их уличать и назвал бандитами. Они его потащили на сходку...

— Ага, значит и сходка была!— поднял голос Иншаков, но Бубнич так двинул ему локтем в бок, что тот сразу притих.

— Там был один бузотер — Багров. Он зарубил мужика и подбил часть бойцов на грабеж. Часть, а не всех... Потом прибыл комэск и все прекратилось. Багрова я вынужден был ликвидировать, потому что боялся, как бы не начался мятеж... Вот и все.

— Так,— сказал Бубнич после молчания,— ясно. Тут без чаю не разобратся. Ты свободен, Сякин. Но будут твои махновцы так себя вести, не миновать тебе трибунала.

— Ничо,— сказал, обтряхивая колени от пепла, Сякин,— живы будем — не помрем.

— Зачинщиков дебоша накажи в эскадроне!— сказал Бубнич.

Сякин секунду смотрел ему в глаза, потом ухмыльнулся и взял под козырек.

— Слухаю, товарищ начальник.

Он прозвенел шпорами, и дверь за ним хлопнула.

— Надо было брать!— вскочил Иншаков.— Анархист, понимаешь, какое дело.

— Возьмем,— сказал Бубнич, зябко поведя плечами под кожанкой,— если надо будет. А пока он еще повоюет... За революцию.

Вечером, затеплив на стуле около своего изголовья огарок, Гуляев прилег и раскрыл книгу. В комнате было тепло. Внизу топили. Пахло обжитыми запахами уюта, прогретой пыли, чуть-чуть — дымом. После всего случившегося за день было так хорошо, скинув сапоги, лежать на сундуке, упершись локтем в подушку, покрытую красной наволочкой, читать о странном и ущербном человеке из «Мистерии» Гамсуна, встревожившим мир и покой прибрежного городка.

Вдруг он оторвался от книги и сел. За сегодня он ни разу не попробовал пробиться к Саньке Клешкову, ни разу не попытался добиться смягчения его участи. Конечно, слова Бубнича его несколько утешили. Не могли начальники из-за одной ошибки так просто забыть заслуги Саньки. Он поймал за голенище сапог и начал его натягивать. Сейчас он пойдет в отдел, договорится с ребятами и его пропустят к Саньке.

В это время на лестнице послышались шаги. Он поднял голову и прислушался. Это, похоже, шла Нина. Он нахмурился. Почему его это так волнует?

Постучали.

— Войдите,— сказал он, успевая натянуть второй сапог, благо портянка была уже намотана.

Вошла Нина.

— Владимир Дмитриевич,— сказала она, держась за ручку двери,— наше семейство пожелало узнать, не хотите ли принять участие в вечернем чаепитии?

Он смотрел на нее. В полутемноте огарок высвечивал лишь бледное лицо и золото волос.

— Спасибо,— сказал он,— я приду.

Она кивнула и вышла.

Он посидел, раскидывая мозгами. Конечно, ему, следователю рабоче-крестьянского угрозыска, не имело смысла связывать себя дружескими отношениями с «бывшими». С другой стороны, он сам «бывший», а стал человеком. Значит, порядочность позволяет ему сойти вниз. К тому же, не все они безнадежны. Скажем, Нина. Ее можно образумить, перековать.

Краснея и чувствуя, что во всех этих размышлениях он старательно обходит то самое главное, что заставило его принять приглашение, Гуляев надел свой серый пиджак, причесал волосы, поднеся поближе огарок, последний раз взглянул на картину, задул свечу и сошел вниз.

За огромным столом с водруженными посреди самоваром и семисвечником сидело семейство Полуэктовых и Яковлев.

— Добрый вечер,— сказал Гуляев, входя.

— Здравствуйте, здравствуйте,— сказал, поднимаясь во всю грузную свою статью, хозяин,— вот, наконец, сподобил бог узнать жильца, а то...

— Онуфрий!— перебила хозяйка, пожилая дебелая, с грустным моложавым лицом.— Садитесь, гостем будете, имя-отчество-то ваше вот не знаю.

— Владимир Дмитриевич,— сказал Гуляев, садясь на стул, придвинутый ему Яковлевым.

— Вот попросим отведать чаю,— басил купец, встряхивая длинными сивыми волосами.— По нынешнему-то времени оно и не так чтоб плохое угощение, а по прежним дням острамился бы, так гостей принимая...

Его снова пресекла жена, что-то шепнувшая ему. Гуляев уже испытывал раскаяние, что пришел сюда, но хлебнул чаю и стало немного легче. Нина подвинула ему вазочку с вареньем, Яковлев какие-то пироги. Гуляев откусил пирога, и от сладости его, от забытого аромата теплой избыточной пищи, весь сразу как-то отяжелел. Когда за последние годы ел пирог? В семнадцатом году, дома, в Москве, на Пречистенке. Еще жива была мать... И тут он отложил пирог и выпрямился. Перед ним сидело купеческое семейство, ело пироги и угощало его, красного следователя, а вокруг орудовали враги, может быть, друзья этого купчика, и рабочие маслозавода не получили сегодня пайка совсем.

Он посмотрел на купца, тот спокойно доедал пирог, поглядывал на гостей, собираясь еще что-то изречь.

— Владимир Дмитриевич,— спросила Нина,— вы поете?

— Пою? — изумился Гуляев.

— Смешно звучит в наши дни,— улыбнулась понимающая она.— Но знаете, мне кажется, когда все так ужасно, лучше отвлечься...

— Ну, положим,— холодно сказал Яковлев, тряхнув своей учительской бородкой,— отвлечься почти невозможно. Вчера сожгли продовольственные склады, город остался без хлеба и продуктов. Сегодня уже была в двух местах стрельба, пахнет новым бунтом, резней. Закрывать на это глаза нелепо.

— А что вы можете предложить?— спросила Нина.— Смотреть на все эти ужасы широко открытыми глазами? Мы уже четвертый год смотрим!

— Но прятать голову в песок и ждать, пока тебя зарежут, это не самое лучшее,— сказал Яковлев, проницательно поглядывая на Гуляева и на Нину, словно бы соединяя их этим взглядом.— Не так ли, Владимир Дмитриевич?

— Правильно,— согласился Гуляев.— Что вы предлагаете?

— Ничего особенного,— сказал Яковлев.— Просто хочу посоветовать властям во всех этих событиях лучше применить имеющиеся силы. Мне, например, не по душе еще одна резня. На германском фронте я командовал ротой, а теперь сижу в канцелярии. Завтра же попрошу использовать меня по назначению.

— Вы учтены по регистрации офицеров?

Яковлев со странной, почти торжествующей усмешкой посмотрел на Нину. Она отвернулась.

— Не регистрировался,— ответил он.

— Как так?

— Когда устроивался на работу, в анкете не упомянул, что был офицером.

Гуляев молча глядел на него. Яковлев ответил коротким насмешливым взглядом.

— Не нравится, Владимир Дмитриевич? Мне самому сейчас не нравится. Но раньше я думал иначе. Ни за белых, ни за красных. Ни за кого.

Гуляев допил свой стакан, изредка черпая ложкой из чашечки варенье.

— Не можете ли вы мне сказать, товарищ, красный товарищ,— спросил вдруг купец,— что нынче еще не будет главной-то заварухи?

— Какой главной?

— Ну, этой... Из деревень-то не пришли еще грабить? Этот Хрен-то?

— Госюди, царица небесная, ужаси какие говоришь, отец!— перекрестилась купчиха.

— А то ведь стреляли,— пояснил купец, сжимая в толстых руках крохотную чайную ложечку,— до двух раз. Один раз за полудень, второй — ближе к вечеру.

«Один раз эскадронцы, а второй?» — подумал Гуляев.

— Ничего страшного, Онуфрий Никитич,— сказал Яковлев,— у нас в канцелярии исполкома народ дошлый, все знают. Первый раз стреляли — в эскадроне бунт начинался. Но его быстро прикончили. А второй — около нас — бежал тут один. Его из трибунала вели, а он и сбежал.

— Целый?— спросил купец.

— Целехонек,— усмехнулся Яковлев и повернулся своим ловким туловищем в обтертом кителе к Гуляеву,— говорят, наш товарищ... Служил у нас, совершил какое-то должностное преступление и вот...

«Клешков?!» — подумал Гуляев и похолодел от этой мысли.— Нет, не может быть. Клешков бы не сбежал. Принял бы любой приговор. Да и не могли его осудить на смерть. Там, в трибунале, тоже соображают...»

— Большое спасибо,— сказал он, вставая,— у меня дела. Нужно еще кое-чем подзаняться.

— Покидаете?— с грустной усмешкой сказала Нина.— Как хотите. Но дайте слово, что будете теперь к нам заглядывать.

— Даю,— Гуляев поклонился и вышел. Что-то не нравилось ему во всем этом чаепитии. Может быть, то, что он согласился? Это же враги по классу. Но пусть не думают, что раз красный — значит дикарь... А впрочем, какое дело ему, что они подумают.

Он поднялся к себе, зажег, ощупью найдя, огарок и сел на стул у окна, обдумывая прошедшее. Он считал себя решительным человеком, но решительность его пропадала, когда подступали чувства. Тут дело обстояло именно так. Ему не надо было начинать отношения с хозяйками, но он не хотел плохо выглядеть в глазах Нины. И ему надо было забыть о Клешкове, потому что Санька находился под судом революционного трибунала. Но забыть Саньку он не мог... Неужели его все-таки присудили к расстрелу? И неужели Санька, до последней капли крови преданный революции, бежал после приговора? Если это так, решил Гуляев, значит, Санька не согласен с решением трибунала и бежал, конечно, не в банду, а в губернию за справедливостью...

Он встал. От калитки долетел сильный стук, шум голосов. Что бы это могло значить?

По всему дому загромыхали сапоги, загремели хриплые голоса. Гуляев, на всякий случай держа руку с наганом в кармане галифе, спустился вниз. На кухне возились, не слушая криков и ругательств Пафнутьевны, два солдата, заглядывая во все кастрюли и миски. В гостиной семейство Полуэктовых стояло по углам, Яковлев у дивана, а повсюду в доме, нещадно переворачивая мебель, орудовали солдаты и милиционеры. Всем командовал плотный красноносый человек в кожанке и картузе.

— Здорово, Фомич,— сказал Гуляев, узнав в командире завхоза милиции.— Ты чего тут бушуешь?

— При исполнении обязанностей,— сказал Фомич.— А ты чего тут?

— Я тут на квартире.

— А!— сказал Фомич.— Хлебные и прочие излишки изымаем. У твоих-то,— он пальцем ткнул

в хозяев,— у толстобрюхих этих, небось много заховано.

— Ищите,— сказал Гуляев, чувствуя на себе взгляд Нины и краснея.— Откуда я могу знать.

— Должен знать, раз на постое стоишь,— сказал Фомич.— Муку мы тут нашли — три мешка, картошку в подполе обнаружили. Кое-что хозяевам оставим, чтоб не сдохли. Хоть они и буржуйского класса.

Купчиха издалека закланялась, сложив руки на животе.

— Спасибо, гражданин начальник, спасибо вам.

— Наверху кто смотрел?— спросил Фомич пробежавшего молодого солдата. Тот остановился.

— Не видал.

— Ты и посмотри.

Гуляев почувствовал на себе умоляющий взгляд Нины, отвернулся и вдруг почти бессознательно потянул Фомича за локоть.

— Там наверху — моя комната. У меня излишков нет.

— Ясное дело. Отставить, Филимонов,— командовал Фомич.— Там нашенский товарищ живет.

Обыск продолжался. Гуляев, весь красный, боясь дотронуться до полыхающих щек, вышел в сени. Здесь тоже ворочали какие-то кадки, ругались и переговаривались солдаты и парни в кепках, рабочие маслозавода.

— Во многих домах были?— спросил Гуляев одного из них.

— По всей улице шарим,— сказал малый, отодвигая кепку со лба.— Нашли кой-чего у буржуев. Награбили при царизме!

В сени вышел Фомич.

— Гуляев,— сказал он,— слышал-нет, что вышло-то?

— Что вышло?— насторожился Гуляев.

— Да Клешков-то! С тобой работал, помнишь? Его трибунал к решке, а он сбежал! Вот, братец, беда-то! Бдительность надо держать! Нам Иншаков речь сказанул, до кишок прожег! Раз уж наши ребята могут шатнуться... Тут в оба надо.

«Эх, Санька, Санька,— думал Клешков,— как тебя угораздило...»

Они шли по переулку. Кругом неистово пахли осенние сады. Листья поскрипывали под сапогами. Клешкову было не по себе. Он оглянулся. Конвоир Васька Нарошный выставил вперед винтовку.

— Ты топай, Сань, топай.

— Передохнем, Вась?— попросил Санька.— Я знаю тут местечко в саду, нигде такого не видел. И яблоки там — с полпуда!

— Брешешь,— сказал, опуская винтовку, Васька.— С полпуда? Это что тебе — дыни?

Санька отвел глаза. Васька был простодушный человек, грешно было его обманывать, но поделаться с этим ничего нельзя.

— Ну, не полпуда, так по кило каждое...

— Айда,— с неожиданно загоревшимися глазами сказал Васька,— я с утра не жрал, а хочется, аж пузо трескается.

Они развели доски ограды и нырнули в сад. Тут у вдовы Мирошниковой яблоки действительно были удивительные. Васька одной рукой, подпрыгивая, ловил огромные румяные шары, уже готовые свалиться с ветвей, другой удерживал на весу винтовку.

Санька тоже сорвал штук пять яблок. Они присели на кучке сгребенной кем-то листвы. Васька положил, наконец, винтовку и, обеими руками держа яблоко, смачно вгрызся в него.

— Зря они тебя,— сказал он, поглядывая на Саньку маленькими темными глазами.— Мало что бывает — ошибка, а они...

Санька закрыл глаза, секунду думал о том, сколько нехороших дел придется совершить ради служения одному — большому и хорошему.

Рывок. Васька отлетел в сторону, а винтовка его была уже в руках Саньки.

— Ты, Вась, на меня не сердись,— сказал Санька,— сам понимаешь — на смерть меня ведешь. А на кой мне смерть, раз я не виноватый?

Васька, сидя на земле, машинально жевал.

— Так вот ты гад какой,— сказал он, подтягивая под себя ноги.— А я-то думал — наш, только ошибся маленько...

— Так что ты, Вась, служи дальше,— сказал, смеясь, Клешков,— а я, пожалуй, к Хрену подамся.

В этот миг Васька бросился на него и успел ударить в живот головой. Винтовка выстрелила. Инстинктивно Клешков ударил Ваську прикладом, и тот упал.

Клешков перескочил ограду и тут же увидел на улице двух сякинских кавалеристов в папехах. Те, словно только и ждали этого, сорвали с плеч карабины, и пока он, петляя, улепетывал обратно через сад, садили ему вслед. Он уже проскочил сад вдовы Мирошниковой, летел уже по следующему, когда ворвался в сплошной и цепкий кустарник. Смородина, понял он. Он лез, пытаясь раздвинуть кусты локтями, но колючие ветки цеплялись, царапали, рвали одежду. Неожиданно сзади густой бас сказал:

— Это кто же, анафема, тут мне ягоду ломит, а?

Он оглянулся. Огромный бородач в расстегнутом жилете и торчащей под ним рубахой в распояску, смотрел на него подбоченясь.

Санька, держа обеими руками винтовку, полез обратно.

— Пикнешь — убью!— сказал он, поводя стволем.

Бородач засмеялся.

— Шустрый. Это ты, что ли, тикал от красных?

— А ты откуда знаешь?

— Не видно, что ли...

Он оглядел Саньку с ног до головы.

— Айда за мной. Есть добрые люди, приютят, — и ходко зашагал между кустами.

Санька двинулся за ним. По улицам недалеке еще звучали выстрелы, и выхода не было.

Бородач ввел его в низенький домик, стоявший посреди сада, властно взял у него из рук винтовку, посадил, угостил хлебом и квасом, представился:

— Дормидонт. Дьякон тутошний.

Затем удалился, сказав, чтобы ждал.

Саньке ничего больше не оставалось, потому что дьякон захлопнул ставни и запер дверь на замок.

Ожидание было тягостным, но Кleshков заставил себя успокоиться. Прилег на лавке у стены и, накрывшись чьим-то полушубком, брошенным здесь же, заснул.

Очнулся он вечером, от звука открываемого замка. Сел.

Вошли трое. Давешний бородач, пройдя комнату, поставил на стол горящую лампу. За ним живенько вбежал в комнату, оглядел Кleshкова и засеменил, чему-то посмеиваясь, щуплый жидкобородый старенький мужичонка в чиновничьей старой шинели и треухе. Третий, невидный в скудном свете лампы, вошел и встал в углу, до самых глаз укрытый в бурку, в насунутой папахе. Только рука его с длинными пальцами и торчащим ногтем на мизинце — ею он придерживал полы бурки — видна была в свете лампы.

— Дизертира, значит, привел господь уви-

деть,— сказал старик, похихикивая.— Ну, садись, сиротинушка, покалякаем.

Дьякон принес и подставил старику лавку. Тот сел. Лицо у него было узкое лисье, глаза слезились.

— Вот раздокажи-ка нам,— запел старик, во все глаза глядя на Клешкова,— раздокажи-ка ты нам, милой, что по садам-то в такое время делаешь, да еще с ружьем?

— Сбежал я,— сказал Санька, он остерегался того жидкобородого и потому решил говорить как можно меньше.

— От кого же сбежать-то у нас?— гундосил старичок.— Али власть у нас плохая? Для бедных людей власть, трудящихся защищает.

— А я ничего и не говорю,— сказал Клешков, подыгрывая старику,— власть как власть. Только к стенке становиться я не согласный.

— К стенке? Ай-ай-ай,— весь засострадал старичок.— В могилку, значит... Дак за что же тебя, милый ты мой выюнош, к стенке? Чем ты прогневил большевиков-то?

— А за лабазы,— сказал Клешков. Он оглядывал исподлобья молчаливо спящего по комнате дьякона, расставлявшего по столу снедь, мрачную фигуру в углу.

— А что ж лабазы-то? — тянулся к нему старик, весь — внимание и забота.

— Пожег кто-то лабазы,— хмуро сказал Клешков.— Выставили меня возле одного. Тот еще не горел. Тут толпа. Я пока с ней занимался, кто-то и последний лабаз поджег. Вот меня и к стенке.

— Значит, сам-то у красных служил?— сочувственно кивал старик.

— В милиции,— пояснил Клешков,— да они мне никогда и не верили. А тут — случай. Ну и — в расход.

— А чего ж они тебе не верили, сокол?— спрашивал старичок, разливая квас. Дьякон густо сопел за спиной у Клешкова.

— Дядька у меня лавку в Харькове держал, а они дознались.

— Происхождением не вышел,— с внезапным восторгом отметил старичок и даже похлопал по ляжкам сухими ладонями.— Нет, ты гляди, а? Купчик, а в большевики лезет! Сам-то тоже в лавке бывал?

— И торговал,— сказал Клешков. Он вспомнил, сколько времени когда-то проводил у Васиши Полосухина, купеческого сына, с которым дружил, вспомнил, как был в одиннадцать лет половым в трактире у вокзала. Тут старичку его не взять.— У дядьки еще и трактир был,— добавил Клешков.

— Трактир,— запел, раскачивая головой, старик.— По питейной части, значит, владелец. Ай ты там и понятие имел, кому что подать?

— Все законы знал,— сказал Клешков, склоняя голову.

— Ан проверим,— шурился старичок.— Дуплет российский к выпивке канцелярской?

— Горчица с перцем,— хмуро ответил Клешков.

— А столоначальникам дуплет к штофу?

— Икра паюсная да сельдь.

— Красно говоришь. Какую материю купец любит?

— Кастор, драп, а женский пол — для праздника крепдешин или крепсатен, панбархат, шелк, атлас. Для буден — гипюр...

— Стой-стой! — со сверкающими глазами закричал старик.— Бостон в какую цену клал?

— Дядя за аршин по десять, а то и пятнадцать брал,— хитро, но с достоинством и не медля ни секунды отвечал Клешков.— Для визиток сукно первого сорта до двадцати за штуку материи догонял.

— Что ж, голубь,— сказал старичок, склоняя голову и не отводя глаз от Клешкова,— все говоришь красно, и молод и умен — два угодя в тебе... Да вот... — он жестко вперился в глаза Клешкову.— При обысках бывал?

Клешков помолчал.

— Бывал,— сказал он, подымая глаза,— почтенных людей обыскивали. Страдал, но присутствовал. Не совру.

— Степенный, степенный,— одобрил его старик.— И своей рукой в расход выводил?

Клешков вздрогнул.

— Не было этого,— он вскочил, но могучая лапа дьякона снова приплюснула его к скамье.

— Дать ему, Аристарх Григорыч? — спросил дьякон.

— По-годь, по-годь, Дормидоша,— с дрожью в голосе тянул старичок.— А вот видели тебя, мил-человек, видели тебя за этим занятием.

У Клешкова задрожало веко. Ложь! Он никогда никого не расстреливал.

— А видели,— сказал он, с ненавистью глядя на старика,— так приведите мне сюда того, кто видел. Я ему сам тут вот глотку перегрызу... Никого я не стрелял, никого, слышите?!

— А вот оно и ладно,— опять пел старичок.— И куда же собрался ты стопы направить, сокол сизый?

— К Хрену — куда же! — сказал, с трудом успокаиваясь, Клешков. — Один он укроет.

— Э,— сказал старичок, впервые оглядываясь на человека в бурке, тот сделал какой-то едва заметный знак,— укрыть и другие укроют... А к батьке Хрену — оно, может, и попадешь. Видать, такая твоя дорога.

— Да,— сказал молчаливый в бурке из своего угла,— живые сведения о красных. Он послужит доказательством...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ТРИПТИХ «ВОДА, ЗЕМЛЯ, КОСМОС» (линогравюра)

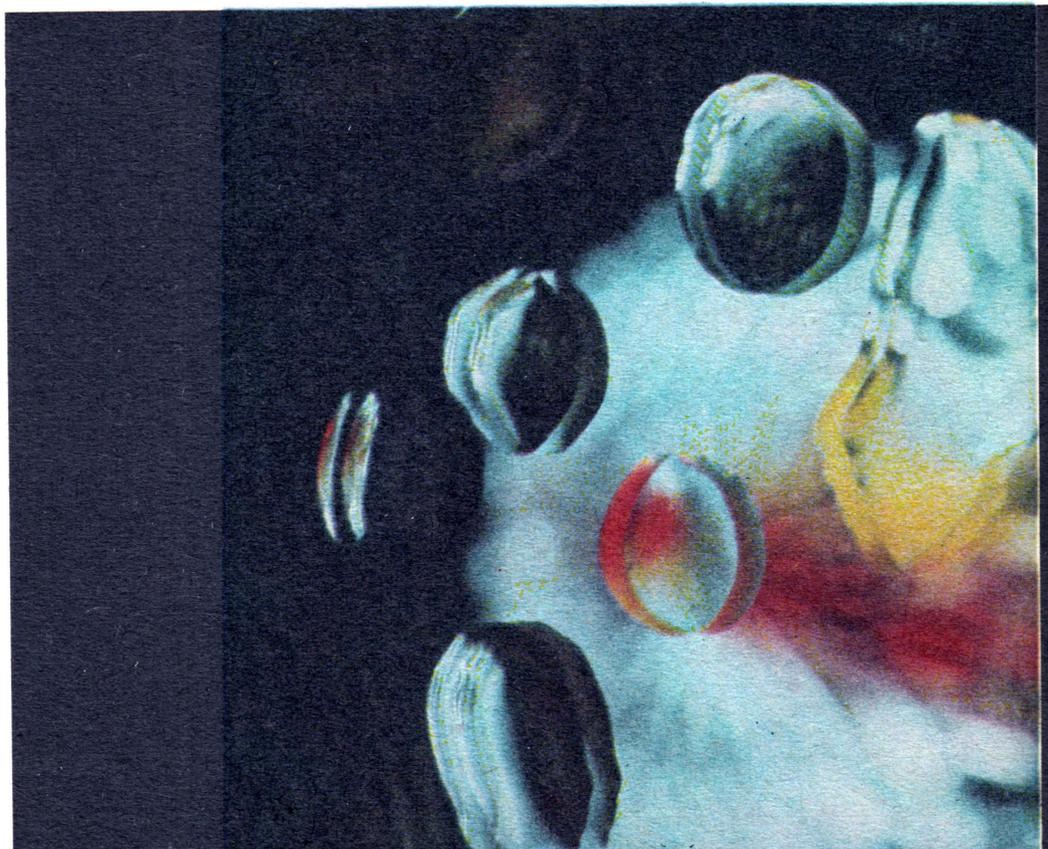
Спартак КИПРИН (г. Свердловск)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТРИПТИХА.

ПРАВAYA ЧАСТЬ ТРИПТИХА.

Капля в мире

Есть ли красота в мире растений? Вопрос риторический: роза, к примеру, воспета поэтами всех времен и народов, ее увековечили живописцы. Дивен кипучий мир птиц и животных, великолепен безмолвный мир самоцветного камня. Что же, художники и фотографы проникли во все уголки сущего, открыв все миры прекрасного! Как неисчерпаем мир для науки, так же неисчерпаем он и для искусства. И фотохудожники не перестают изумлять тем, что открывают новые и новые, непривычные сферы прекрасного...

Вот перед вами кадры — удивительные. Это всего лишь капли воды. Но пытливым фотограф увидели в них необычную красоту и показал ее нам...

Может быть, и вы, дорогой читатель, открыли неизвестный мир красоты и хотите, чтобы люди тоже увидели его. Присылайте нам свои работы (слайды форматом 6×6 см), и ваше удивление перед прекрасным разделит читатели «Уральского следопыта».

Фото Владимира ХОЛОСТЫХ

«Телевизионные профессора»

Студенты Новосибирского электротехнического института слушают лекции «телевизионных профессоров...»

От института до академгородка примерно тридцать километров. Привозить оттуда на лекции академиков и профессоров не всегда удобно. Между институтом и академгородком действует двусторонняя телевизионная линия. Ученые теперь имеют возможность читать лекции студентам НЭТИ как бы не отходя от своего рабочего места. Так как связь двусторонняя, то студенты могут задавать вопросы и тут же получать ответы от преподавателя.

Мчится

магнитоплан

800 километров в час сможет развивать скорость так называемый магнитоплан, который проектируют ученые Технологического института Массачусетского университета. Этот поезд движется в герметичном туннеле под воздействием быстро меняющегося магнитного поля. Модель магнитоплана уже испытана. Она имеет цилиндрическую форму и напоминает самолет. А летит поезд в туннеле на высоте тридцать сантиметров.

Титан и взрыв

На Пермском моторостроительном заводе имени Свердлова освоена оригинальная штамповка деталей

сложной конфигурации. Раньше эти детали сваривали, затем обрабатывали на станках. Теперь все эти операции заменила штамповка взрывом. Она ведется под водой, которая, выполняя роль пуансона,

и формирует из титанового листа изделия.

Взрывом пермяки штампуют детали двигателей для самолетов и вертолетов.

Соли Камские

250 миллионов лет назад здесь плескалось Великое Пермское море. Теперь от него остался гигантский соляной пирог площадью в 3200 квадратных километров. Верхне-Камское калийное месторождение — так называется эта крупнейшая в мире залежь калийных солей, расположенная на северо-западном Урале.

Каменная соль «пермянка» известна с незапамятных времен. Место, где ее добывали, называлось Солями Камскими. В солеварнях купцов Строгановых здесь получали пищевую соль. В царской России не добывали калийных удобрений. Их покупали в Германии.

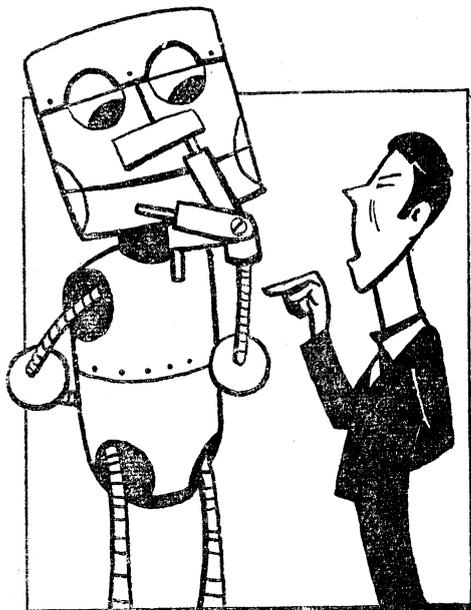
Советское государство отправило на Урал научную экспедицию. В 1925 году из первой же скважины была извлечена калийная руда — сильвинит. Дальнейшее бурение обнаружило невероятно мощный пласт.

И в 1927 году в трех километрах от Соликамска была заложена первая в СССР калийная шахта, а через несколько лет Соликамский калийный комбинат вступил в строй. Поля страны получили первые тысячи тонн удобрений. Затем были построены два Березниковских комбината.

Сейчас объединение «Уралкалий» выпускает более половины всех калийных удобрений, вырабатываемых в СССР. С вводом в строй новых предприятий «Уралкалий» будет добывать около 30 миллионов тонн удобрений в год.

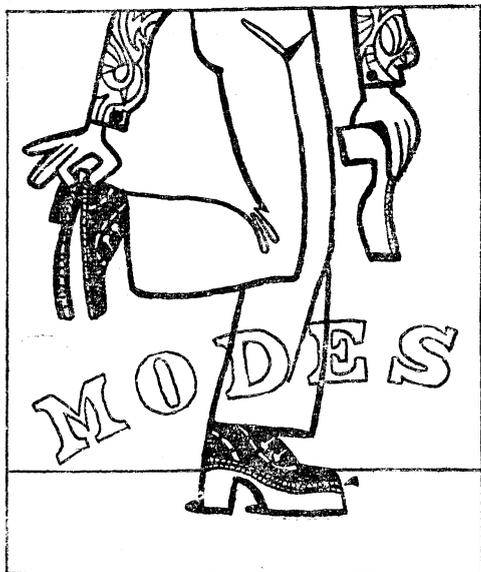
Быстроглазый автомат

Люди, я вас слышу!

Японские ученые и инженеры в лаборатории университета Васеда создали человекоподобного робота.

У «Вабота-1» (так назван робот) сравнительно ловкие руки, имеющие семь степеней подвижности. Они также «чувствуют» предметы. Робот устойчив при ходьбе и может менять походку в зависимости от груза, какой он несет, и от неровностей дороги. «Вабот-1» не только «видит», но и «слышит» команды оператора и даже способен ответить ему — на японском языке.

Научная фотография — чемпион в сфере информации. Она моментально запечатлевает огромное количество сведений. Если изображение на снимке размером в почтовую открытку представить в цифрах, потребуются десятки миллиардов чисел. Поэтому-то и появились специальные автоматы, например, для обработки снимков звездного неба. Есть подобные устройства у биологов, у физиков.

И вот создан универсальный фотограмметрический автомат! Новосибирские ученые назвали его «Зенитом». Как он работает? Телевизионная камера смотрит на фотографию через микроскоп. Она может двигаться в поле его зрения с разными скоростями. «Зенит» быстроглаз, успевает замечать все детали, он делает двести тысяч измерений в секунду.

Еще шаг — и научные снимки, сделанные почти моментально, и прочитываться будут мгновенно. Тогда-то и разрешится давний конфликт с фотографией: она запечатлевает настолько много сведений, что исследователям приходится тратить уйму времени на изучение снимков.

В бочках... медведи

В канадский городок Черчилль белые медведи приходят безо всякой опаски, потому что охота на них в этой провинции давно запрещена. Звери разгуливают по улицам, пугая пешеходов и вызывая заторы автомобилей.

Канадцы остроумно решили «медвежьей» проблеме». При въезде в Черчилль установлены ловушки — металлические бочки на автомобильных прицепах. Попавшихся «мишек» отбуксировывают в этих бочках за десятки миль в безлюдную местность и там отпускают на волю.

Подошвы против вибрации

Вибрация вредна. Медики уже это доказали на самом высоком научном уровне. Но инженеры еще не могут сделать станки и машины, которые бы совершенно не трясло. И они изобрели специальную подошву к ботинкам. Такие подошвы испытаны, и специалисты Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта передали их операторам буровых станков, которых трясет на рабочем месте сильнее, чем кого-либо...

Модельеры многих стран и ранее пытались сделать виброзащитную обувь. Это были надувные галоши, в которых человек терял устойчивость. Это были туфли на амортизаторах, весьма неудобные. Обувь ленинградцев — с надувной подошвой. Воздух в нее поступает из резервуара, который, словно манжет, облегает ногу. Давление — до четырех атмосфер. Подошва напоминает альпинистский ботинок. Она в шипы. Меняя число шипов, можно «настроить» ботинок на смягчение той или иной тряски.

Что нового в УНЦ?

**Корреспондент
«Уральского следопыта»
попросил
рассказать
о работах ученых
Уральского научного
центра АН СССР
в 9-й пятилетке,
о новых направлениях
в их работе
первого заместителя
председателя
президиума центра
доктора
экономических наук
М. А. Серегева.**

— Уральскому научному центру — четыре года. Теперь это девять институтов, два отдела и Ильменский государственный заповедник. Зона действия, регион УНЦ — пять областей — Свердловская, Челябинская, Пермская, Курганская, Оренбургская — и Удмуртская автономная республика. В УНЦ работают 5 академиков, 11 членов-корреспондентов АН СССР, более 80 докторов наук и около 600 кандидатов.

Что нового в УНЦ? Организованы новые научные учреждения. Это Институт экономики в Свердловске с лабораториями в Перми и Оренбурге. В Перми созданы также отдел физики полимеров и отдел Института экологии растений и животных. Укрепляется материальная база, строится комплекс институтских корпусов, здания для исследовательских лабораторий, правда, строительство идет еще медленно. Но Свердловский академгородок — будет.

И — другое. Пересмотрены планы исследований: малоперспективные темы исключены, взят курс на комплексные направления, чтобы решать крупные проблемы, такие, к примеру, как рациональное использование природных богатств и охрана окружающей среды.

В Институте металлургии созданы новые способы переработки шлаков, это позволит получать больше ценных составляющих, то есть полнее использовать минеральное сырье. Институт химии разработал новые методы очистки сточных вод предприятий цветной металлургии. Это не только защита водных ресурсов, но и возможность утилизировать ценные металлы. Как избежать накоп-

ления в почве и воде пестицидов, применяемых в сельском хозяйстве? У химиков Урала есть положительные результаты и в этой области. Со своей стороны «выходит» на проблему охраны окружающей среды Институт экологии. Он разработал рекомендации по сохранению биологических ресурсов Крайнего Севера и методы озеленения промышленных предприятий. Проблемы комплексного использования богатств уральского севера вплотную занимается Институт экономики.

Возросло в 9-й пятилетке влияние науки на прогресс производства. Тесные связи УНЦ с «Уралмашем», «Уралхиммашем», «Уралэлектротяжмашем». С этими заводами-гигантами заключены генеральные договоры о долгосрочном творческом сотрудничестве. Здесь специалисты центра ведут разработки по десяткам тем. Например, ученые под руководством академика В. Д. Садовского разработали на «Уралмаше» новую технологию обработки массивных стальных колец для турбогенераторов, и их исследования расширяются. В этом году Институт электрохимии выполнил хозяйственных работ в два с половиной раза больше, чем планировалось.

Научные сотрудники УНЦ помнят слова тов. Л. И. Брежнева, сказанные в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС: «В эпоху, когда все в большей мере проявляется роль науки как непосредственной производительной силы, главным становятся уже не отдельные ее достижения, какими бы блестящими они ни были, а высокий научно-технический уровень всего производства».

Чтобы успешнее решать

эту задачу, нужен дружный труд всех работников науки и производства, а фундаментальные исследования должны быстрее питать идеями прикладные разработки.

В институтах УНЦ решаются важные производственные проблемы. Внедрены в практику магнитные и электромагнитные методы контроля качества продукции. Получены новые технические материалы с повышенными физическими свойствами. Лаборатория тугоплавких металлов Института химии освоила промышленное получение безвольфрамовых твердых сплавов, которые в два раза легче вольфрамовых. Внедрение этого метода на Кировоградском заводе твердых сплавов даст годовую экономию 19 миллионов рублей.

Каков общий взнос УНЦ в пятилетку? Трудно в деньгах оценить итоги фундаментальных исследований. Прикладные разработки в 9-й пятилетке дают экономический эффект не менее 35 миллионов рублей. Рекомендации по комплексному развитию и оптимальному размещению производительных сил Урала позволяют значительно повысить эффективность народного хозяйства нашего региона.

На пороге новой пятилетки, в преддверии XXV съезда КПСС связи институтов УНЦ с практикой становятся все многообразнее и полнокровнее — на уровне масштабов задач, стоящих перед промышленностью и сельским хозяйством Урала.

СЫН ЧАПАЯ

**Вильям
САВЕЛЬЗОН**

— Александр Васильевич, вам в наследство досталась от отца такая фамилия — Чапаев. Трудно всю жизнь быть Чапаевым?

Прищурился, взглянул прямо:

— Очень трудно.

— Спрос особый?

— И это. Ответственность большая. Но в армии я уже сорок лет и до армии работал агрономом в Оренбургской области и могу сказать честно: отцовской фамилии ни разу не осрамил.

И эта откровенность и искренность как-то задали тон всей беседе.

Чапаев невысок и худощав. Генеральский мундир сидит ладно, сразу виден кадровый военный. Какой он еще? — потом у нас часто спрашивали. Ловкий, легкий в быстрых и точных движениях. Верткий, как конник в горячей схватке, — так даже будет вернее сказать.

Быстро увлекается, смеется с удовольствием, заразительно, до слез. Говорит энергично, четко — о юности своей, о работе и службе. Об отце вспоминает раздумчиво, негромко, потирает коротко остриженную голову.

Мы-то ведь Чапаева Василия Ивановича представляем себе в основном таким, каким его Бабочкин сыграл в кино, документальных снимков немного. И как же угадал его Бабочкин! Это понимаешь, беседуя с младшим Чапаевым. Семейные чапаевские энергия, страстность, убежденность, ум.

Для полного сходства только усов не хватает да форма генерал-майора не похожа на ту, что носил отец. Отец...

— Отца я помню с ранних лет. Я его помню еще в пятнадцатом году, когда он работал плотником в Симбирске. Потом переехал в Мелекесс. Из Мелекесса он и был призван на фронт в первую мировую.

Воевал он смело, лихо, несколько раз был ранен и приезжал для излечения домой.

Помню, как-то раз приехал с фронта. Прижал меня к себе, потом свои Георгиевские кресты мне на рубаху прицепил. Я надулся от гордости. И до того мне захотелось чем-нибудь отличиться! Схватил веник и ну подметать, пыль столбом. Отец засмеялся и говорит: «Нет, награды не для того, чтобы пол в них мести!»

А в семнадцатом году он служил в Саратове. Солдаты отстраняли офицеров и ставили своих командиров. Тогда отца выбрали командиром роты. Он всегда страшно скучал без семьи. Я был старшим, вот он меня взял к себе, и я жил у него месяц.

— А в последний раз когда вы его видели?

— В девятнадцатом. Он уезжал в Москву учиться. Я его спросил: «На сколько, папа, едешь?» Он ответил: «На год». А через несколько месяцев вернулся. Я обрадовался: «Что, папа, год уже прошел?» Он засмеялся: «Прошел!» Приехал он не один, всегда с ним вместе приезжали товарищи, бывали и раненые, оставались у нас дома, лечились, выздоравливали и уходили снова на фронт.

Так и на этот раз. Узнали его товарищи, что он вернулся, пришли к нам. Он мастер был на все руки. И вот в тот вечер сразу: раз-два, скрутил, сделал усы, приклеил мне. Посадил меня на колено, надел на меня свою папаху, придерживая, чтобы она меня всего не накрыла. Спрашивает: «Ну как, похож? Вылитый Чапаев!»

Сын легендарного полководца майор А. В. Чапаев (слева) с бойцами... 1942 год.

А потом уехал. Навсегда.
Замолк Александр Васильевич. В комнате незримо присутствовал его отец. И зримо: небольшая скульптура — Чапаев на коне, фотографии, большой портрет на стене.
За окном гремела московская улица (это в районе станции метро «Сокол», там же, по совпадению, и улица имени Чапаева). Александр Васильевич крепко провел ладонью по лбу, решительно прихлопнул рукой по столу.

— Ну, ладно. Давайте рассказывайте про Оренбуржье. Как там у нас дела?

Это «у нас» очень просто прозвучало. И не нарочито. Генерал дотошно расспрашивал об урожае, о сортах пшеницы, о том, сколько земли и техники сейчас в тех колхозах и совхозах, в которых он работал агрономом.

Он так и сказал:

— Погоны на меня война надела, надо было воевать. А в душе я так хлеборобом и остался, хоть и мало довелось на земле поработать.

— Как ваша хлеборобская юность прошла, Александр Васильевич?

— Я вам скажу, сейчас молодежь повольготней живет. А тогда нам приходилось трудновато, жизнь нас не баловала, трудиться мы были приучены сызмальства. В 29-м кончил я сельскохозяйственный институт в Кинеле и получил назначение в Оренбуржье. Нам, комсомольцам, не терпелось применить свои молодые силы в настоящем деле. И не только хлеб растить. Тогда такое время было — и ликвидацией безграмотности занимались, и колхозы организовывали.

У нас иной раз еще похлеще было, чем у Шолохова в «Поднятой целине». В Поволжье, в Оренбуржье отчаянная была классовая борьба с самой гражданской войны. Отец, собственно, и начинал свою боевую деятельность с подавления кулацких и белогвардейских контрреволюционных восстаний. И в Оренбуржье он прошел всю западную часть области, а одна его бригада принимала первой в Красной Армии присягу в селе Сухоречка под Бузулуком.

В мои молодые годы классовая борьба не кончилась, она только по-другому проявлялась. Мы проводили большую работу в селах. Один крестьянин говорит:

— Я согласен в колхоз, записывай меня.

Другой тоже:

— И меня пиши.

Третий, четвертый.

А наутро приходит, мнетя:

— Я передумал.

Как это вдруг передумал? Почему передумал? Мы стали внимательно смотреть. И дознались, что из других сел приезжают зажиточные люди, крепкие хозяйчики и ведут свою работу. Кого отговорят, кого припугнут.

Но мы ж не одни действовали, нам местные жители хорошо помогали. Вот раз мы накрыли поздно ночью такую сходку.

— Кто такие? Что вам здесь нужно? Сельсовет не знает, партийная организация не знает, — что за ночное собрание?

Смотрю, один бородач глазами зырк, как волк. Разорвал бы нас, если б смог. А голос елейный:

— А мы на спевку собрались, скоро пасха.

— Знаем мы эту спевку. Против Советской власти поете!

И нашим мужикам говорю:

— Кого вы слушаете? Что же вас Советская власть — толкает на худшее, что ли? Вы чего верите этому Тит Титьчу? Вы его, мироеда, разве не знаете?

В общем, сходку прекратили, а тех изолировать пришлось, кто против Советской власти пел. А как же? Классовая борьба. Сколько наших пулю получили из обреза в спину!

Знаете ли вы Оренбургскую степь?

Зимой она морозная, голубая в полдень, розовая на закате. А если ударит буран... Помните у Пушкина: «Я выглянул из кибитки, Все вокруг было мрак и вихрь... завоет, окружит — счастье ваше, если рядом жильё».

А летом наша степь кажется бескрайной. Тает, мерещится в мареве горизонт, и два цвета во всем мире: желтый внизу — это зреют хлеба, и голубой вверху — небо.

Едешь и едешь, и все поле, поле, поле.

В те годы, когда у нас в восточных районах области работал Александр Васильевич Чапаев, было здесь много вековой целины. Сейчас она осталась только островками.

Что такое целина? Бежит горячий ветер по долине и ковылю, стоят столбиками смешные и любопытные сурки, мчатся наперегонки с ветром табуны горбоносых сайгаков, заливается в звонкой степной тишине жаворонок, плывут под облаками орлы.

Ехал по такой степи с назначением в Кваркенский совхоз молодой агроном. Худой, невысокий, быстрый, в сапжовой рубашке и брюках, заправленных в сапоги.

И тут — пожар!

Он бросился к конторе. Зной стоял страшный, под сапогами хрустела, ломалась пересохшая трава, воздух был сухой и обжигал легкие. Казалось — и он может вспыхнуть.

Схватил трубку телефона, крутнул, срываясь пальцами, ручку:

— Алло, девушка, мне директора!

В трубке трещало и свистело, чуть пробивался тонкий голосок:

— А кто говорит? А что надо?

Парень рывкнул:

— Пожар, вот что надо! Директору скажи: секунда дорога!

Бросил трубку. Круто повернулся к старичку-сторожу:

— Давай, батя, в село, подымай народ: степь горит.

Хлопнул дверью, выскочил на порог и помчался туда, где суетились маленькие фигурки и клубился белесый терпкий дым. Пот заливал глаза, громко билось сердце, нечем было дышать. Что делать?

Вдруг он увидел в стороне юрту, обыкновенную казахскую юрту.

— Снимайте кошму! Живо! — крикнул он. — А ты лошадей гони сюда! Ты, ты и ты — бочки с водой подкатить!

Паника разом прекратилась. Все почувствовали: надо подчиняться этому парню. Степь горит — полоса огня небольшая, это не лесной пожар. Но степной пожар быстро продвигается.

И вот подогнали лошадей. Одна идет по эту сторону огня, другая — по ту. За ними на веревках тянутся кошмы, сбивая пламя. А чтоб войлок не тлел, сверху его поливают водой.

Неяркое пламя, белесый дым: шипенье пара, запах гари, крики, ржанье лошадей.

По приказу молодого агронома тут же и косилки подцепили, обкосили хлеба, плугами опахали вокруг. Сам он носился в дыму, и на косилку сядет, и заупрямившуюся лошадь успокоит и заставит снова идти в огонь.

Сбили пламя.

Директор подоспел с подмогой, когда все уже было кончено.

— Кто это тут распорядился? Как фамилия?

— Агроном Чапаев.

Чапаев стоял, откашливаясь от дыма и гари. Молодой, сухощавый, еще не остывший от сражения с огнем. Степной ветер шевелил волосы, сушил мокрое лицо.

Директор изучающим взглядом окинул его: так вот он какой, сын легендарного Чапая! Александр спокойно ждал. Привык на эти полувопросительные взгляды отвечать работой, только она могла доказать, что не зря у него такая фамилия.

— Ну, спасибо, товарищ Чапаев. Если бы не задавили пожар, хлебов бы погорело... Молодец! Какие просьбы есть? Может, что-нибудь надо?

— Просьбы? Сейчас нет. Войду в курс дела, тогда от просьб не отмахивайтесь, будут.

— Нет, для вас лично?

— Не надо ничего. Все равно жить до холодов буду в поле, а тут и постель на сене, и кулеш сварить.

И побежали дни. От ранней зорьки до позднего заката Чапаев в полях. Дел у агронома по горло, и все срочные, сиюминутные. Прокалится на степном солнце, почернел, а волосы выгорели.

Вечером упадет в копну, сон навалится мгновенно, и не слышит Александр, как фыркают лошади, жуют в темноте влажное свежее сено, как смеется, перешучивается за ужином у костра поздняя смена косильщиков.

А утром, чуть забелеет на востоке, его словно кто в плечо толкает: пора! Умоется холодной водой из бочки, наскоро перекусит и снова с головой уходит в работу.

Вспоминает о тех трудных годах, Александр Васильевич улыбается с нежностью: какая молодость была! Какое счастливое время!

— У нас тогда в совхозе, это я хорошо помню, было 80 тысяч гектаров земли. Это же целый район где-нибудь в центральной России! Правда, освоено было 54 тысячи, остальные не хватило сил поднять.

Работать приходилось на лошадях, на быках, на верблюдах, даже на коровах. Тракторы тогда были только покупные, заграничные.

И вот, помню, к осени привезли со станции оливеровский комбайн. Осторожно везли, чтобы, не дай бог, чего не поломать. Почтение было к хитрой заморской технике. Разгружали ящики с такой осторожностью, словно в них лежал хрусталь. А с ящиками приехал американский инженер. По-нашему, конечно, ни слова. И держится надменно, даже с переводчиком через губу разговаривает.

Стали под его руководством комбайн собирать. Сначала он командовал, а потом что-то скис. Не получается ничего. Может, сам в чертежах не разобрался, а может, липовый был инженер.

Не идет дело — и все тут. Он ругаться начал: все, мол, перепутали, надо делать точно, что я говорю! Ладно, снова разобрали. Стали собирать — снова не идет. Американец уж и сам взялся за дело — и так, и сяк примеривался, как барабан устанавить.

А у нас свои умельцы были. Смотрели-смотрели да и говорят:

— Ну его, давайте сами соберем, мы уже поняли — как.

Американец спрашивает переводчика, что они говорят. — Скажи, — говорим, — пусть в холодке посидит и не мешаает. Сами быстрее соберем.

И собрали! Я таких умельцев сколько на своем веку повидал — золотой народ, цены им нет, все могут, все понимают.

Тогда не только с техникой трудно было — и кадров не хватало, не только механизаторов, но и просто рабочих на тока или погонщиков. Начинается весенний сев — стекаются отовсюду люди. Кончили — расходятся до уборки, особенно казахи, народ был в ту пору темный. Бывало, бухгалтер приходит: «Александр Васильевич, опять казахи деньги не получили, уехали». — «Давайте деньги, поезд догонять». — «Берите, они все равно расписываться не умеют, неграмотные». На коня — и в степь. Догоняю: — «Получите деньги, вы же их заработали». — «За что деньги? Не надо, нас ведь кормили, когда мы работали». Чуть ли не силой заставляешь их взять заработок и договариваешься, чтоб к уборке снова пришли.

В те времена урожай в 10 центнеров с гектара считался очень хорошим. Я сейчас далек от сельского хозяйства, но по газетам слежу, стараюсь не пропускать, как дела у оренбуржцев. Горжусь тем, что в том Кваркенском и других целинных районах, где мы начинали, двадцать лет назад стали поднимать целину. Столько земли поднять, вернуть к жизни! Знаю, что техники сейчас много, с моими временами и не сравнить: мощные трактора К-700, новые комбайны. Знаю, что хорошие урожаи стали собирать, раза в два выше, чем тогда. Знаю и горжусь.

Впервые солдатскую шинель Александр Васильевич Чапаев надел в Оренбургской области. Потом учился в военном училище имени Верховного Совета. Войну встретил в должности командира батареи. Первое боевое крещение принял в кровавой купели тяжелого боя. Немцы оседали шоссе. Их танки лавиной двинулись на восток. Их самолеты господствовали в воздухе, уютжа наши боевые порядки.

Из песни слова не выкинешь — случалась и неразбериха, вспыхивала паника, крики: «Окружение!.. Котел!.. Клеши!»

Капитан Чапаев посмотрел в прицел. В перекрестье — угрюмая громада танка с крестом на боку. За ним по шоссе растянулась танковая колонна, машины с пехотой. Идут, не скрываясь, как офицерские полки в кинокартине об отце. Чапаев уступил место рыжему наводчику: держи головной! Оглядел свои пушки: не густо. Но замаскировались хорошо, в стогах, в рощице.

Надо еще чуть подпустить и бить наверняка. Но не выдержал кто-то из необстрелянной пехоты, хлопнули первые выстрелы, ударил пулемет. Чапаев скомандовал:

— Огонь!

Головной танк вздрогнул, замер, из него повалил дым. Молодец, рыженький! На шоссе образовалась пробка. Чапаевские пушки подошли еще танк и две машины. Но фашистов было много, очень много. Задние танки столкнули горевший головной, обошли по кювету. С машин посыпалась вражеская пехота, пошла в атаку.

Метрах в сорока подбросило стог, завалило на бок пушку. Тут же была подбита еще одна пушка. «Юнкерсы» появились, ударили сверху.

Наши отбивались из последних сил, но немецкая армада наваливалась, как сказочный змей, которому голову отрубить — две вырастают. Настал тот критический момент, который бывает в каждом тяжелом бою. Все напряжено до предела, до страшного равновесия, когда чуть качнутся весы — и дрогнет, посыплется оборона, а наступающие, ободренные первым проблеском успеха, нажмут, переселят, погонят.

И в грохоте взрывов, в злой гари, в дыму, в обессиливающем ужасе близкой смерти не выдержали несколько пехотинцев. Поползли в тыл, потом побежали, бросив оружие, пригнувшись и петляя. Паника. Это тебе не степной пожар, здесь дело серьезней. Побегут десятки — и всем конец и всем позор.

Сейчас все решится.

Чапаев рванулся было к ним:

— Стойте! Куда? Трусы!

Но что могли сделать слова, тут же погребенные грохотом взрыва? Чапаев зло выругался, подбежал к пушке, снова отгтер рыжего от прицела. Ствол пушки описал полукруг, и столбы предупредительных взрывов встали на пути бегущих в тыл.

Остановились. Капитан Чапаев крикнул комиссару Истомину: верни пехоту! Развернул пушку, сквозь пыльную завесу поймал в прицел танк и совсем почти в упор всадил в него снаряд за снарядом.

Нет, не все еще потеряно! Бьют наши пушки! Еще два танка пылают!

Пехота опомнилась, стала вести прицельный огонь, ударила из противотанковых ружей. Может быть, ошеломленный противник решил, что к русским подошли резервы, может быть, быстро слынула наглая самоуверенность, но, крепко получив по зубам, немцы попятились. Уцелевшие танки развернулись, за ними побежала пехота.

Чапаев склонился в нашу сторону.

А после боя Чапаева гневно расpek генерал, ему доложили, что капитан стрелял по своим.

Чапаев молча выслушал. А в оправдание сказал твердо:

— Я дал предупредительные выстрелы. Меня, товарищ генерал, с детства учили: Красная Армия не отступает! Бежать от немца не буду и другим не дам.

Генерал покосился сердито, прошелся по землянке. А потом подошел и миролюбиво улыбнулся:

— Ладно, так и войой, капитан Чапаев. Бегать от врага не приучены.

В августе 1941 года в газете «Красная звезда» тогда командующий фронтом, а позже Маршал Советского Союза А. И. Еременко писал:

«Среди наших командиров мне довелось встретить сыновей славных героев гражданской войны. Они не уступают отцам в героизме. На одной батарее, громившей немцев прямой наводкой, я встретил капитана — сына легендарного Чапаева. Он дерется самоотверженно и честно».

И снова судьба связала Александра Васильевича с Оренбуржьем и оренбуржцами.

— В начале 42-го года, — рассказывает он, — я был отозван в Оренбургскую область. На ее территории формировались новые части, и я был назначен командиром артиллерийского истребительно-противотанкового полка. И с ним — снова на фронт, воевать. Должен сказать не для красного словца, что оренбуржцы, которые попали в нашу часть, воевали отменно, просто отменно. Смело воевали и с умом. С ними я был под Москвой, в самом пекле Курской дуги, в Прибалтике. С ними делил радости и беды, награды и ранения.

...В степной знойной тишине послышался неясный слитный рокот. Горизонт заволочило рыжее облако пыли. Любопытные сурки встали столбиками, насторожились.

Все ближе и ближе рокот. И вот уже не рокот, а рев и грохот тяжелых тягачей. Покойно лежат в своих ложах зачехленные ракеты. Закончились учения в условиях, приближенных к боевым.

Александр Васильевич приказал остановить газик на обочине, вышел, наблюдал, как проходит колонна за колонной эта мощная боевая техника. Все в порядке, хоть и устали ракетчики за дни учений.

Пропылила очередная колонна. Пыль отнесло ветром на посадки вдоль дороги и на желтое, местами с проседью, большое хлебное поле.

Генерал взглянул на часы, сощурился и вдруг ловко, по-молодому вспрыгнул на сиденье газика.

— Времени немного есть, давай-ка в поле, посмотрим, как там дела.

Шофер-солдат довольно улыбнулся, он знал давнюю любовь генерала к селу, к хлеборобам. Газик свернул на тряскую степную дорогу, потом на еле заметную межевую. Чапаев несколько раз останавливал машину, входил в хлеба, растирал колоски, сдувал мякину, оглядывал зерно.

Подъехали к тихому до уборочной страды полевому стану. На лавочке, спиной привалившись к вагончику, мирно дремал дед в старой зимней шапке и валенках, несмотря на жару.

Заслышав машину, дед проснулся и не сразу понял — во сне или наяву явился вдруг генерал.

— Здравствуй, батя! — сказал Чапаев. — Сторожить?

— Так точно, товарищ генерал, — щегольнул дед старой солдатской выучкой. Но тут же, увидев колоски в руках генерала, не по-уставному спросил с хитрой улыбкой: — Интересуетесь, значит?

— Интересуюсь.

Дед дипломатично промолчал, дело генеральское, захотелось колоски собирать — собирай.

— Интересуюсь, батя. Пшеничка у вас хорошая, а рожь похуже.

— Это где же? — оживился дед. — На каком поле?

— А вот на том. Сеяли поздно?

— Есть маленько.

— Да еще пары, наверно, плохо подготовили, бороновали раз-два и все? И подкормить пожалели как следует. Азотные удобрения есть в хозяйстве? Мочевина есть? — напирал Чапаев.

Дед даже ахнул.

— Да вы никак агроном, товарищ генерал?

— Был, батя. Был агрономом.

— Значит, не отпускает земля-то? Я вот тоже как отвоёвался — никуда больше, только домой, к земле. А вы, значит, в армии... Это хорошо. Без вас и нам бы хлеб не растить.

Похвальное слово себялюбия

Тамара
АФАНАСЬЕВА

Прочитав в первых номерах журнала статью «Приглашение к разговору», приняла это приглашение на свой счет. Многие годы занимаюсь я проблемой, получившей неудобнопроизносимое название — «профорентация молодежи». И чем дольше занимаюсь, тем больше прихожу к убеждению, что у нынешних школьников и их воспитателей огромный интерес ко всякой публикации, которая хоть немного помогает им сориентировать себя (а воспитателям, соответственно, своих подопечных) в безбрежном океане человеческих дел. И сочинения уральских старшеклассников еще раз подтвердили мое убеждение. Значит, есть «социальный заказ» ученым, публицистам, «властителям дум» — удовлетворить этот интерес, эту духовную потребность.

Однако потребность эта никак не удовлетворяется, несмотря на то, что литература о профессиях буквально заполонила библиотечные полки, что профорентации посвящается значительная часть радио- и телепрограмм, документальных фильмов. И «производственные» художественные произведения, и всякого рода выставки, лектории, экскурсии, встречи тоже должны бы способствовать утолению этой жажды. А нет! Все тот же голод.

Что же происходит? Есть спрос, есть и предложение. Нет только «стыковки» предлагаемых знаний с теми, кто в них нуждается. Отчего до сей поры столь поверхностны и беспомощны суждения выпускников о собственном назначении? Отчего многие юноши и девушки недоуменно пожимают плечами в ответ на естественный вопрос: кем ты будешь?

Тамара Михайловна Афанасьева — автор многих статей по проблемам воспитания и профорентации. В издательстве «Молодая гвардия» в 1972 году вышла ее книга «Ранняя ориентация или поздний самоанализ?». В нашем журнале публикуется впервые.

Этому парадоксу можно дать много объяснений, но главное, на мой взгляд, состоит вот в чем. Чтобы «примерить» к себе разные специальности, их требования, нужно, как минимум, знать собственные «параметры». Хотя бы в грубом приближении. Без этого — все знания о внешнем мире будут бесполезны. Хуже того: чем больше сведений и разной информации о профессиях получит школьник, тем больше растерянности и даже страха будет испытывать он, если параллельно не вырастут его знания о собственной персоне. Вот в этом разрыве, — к сожалению, все увеличивающемся, — видится мне основная причина того, что ходят ребята у воды и не могут напиться.

Не знаю, утешит ли уральцев утверждение о том, что болезнь эта — отнюдь не их местного характера и производства. Мне часто приходится бывать, в силу своей журналистской профессии, в разных городах и всяех, в разных школах. Картина всюду довольно однообразная. Приятные исключения редки. Хотя, конечно же, в каждой школе есть ребята, которые точно знают: чего хотят, что могут, какими средствами будут достигать желаемого. Но много ли таких?

Как-то во время встречи со старшеклассниками одной московской школы я провела такой эксперимент. Попросила поднять руки тех, кто точно представляет, какое занятие в будущем может составить счастье их жизни. Из 87 присутствующих таких оказалось только одиннадцать. Спрашиваю дальше: «У кого намечены определенные варианты на будущее, дела, которыми они хотели бы заниматься?» Еще сорок рук поднялось. Выходит, многим больше половины старшеклассников как-то обдумали свое житье. А остальные что же?

— За что вы так себя не любите? — спрашиваю эту, вторую «половину».

Вижу, не понимают меня ребята. Думают, что я их к эгоизму склоняю. Я пояснила свой вопрос: мы всегда стараемся получше узнать тех, кого любим и уважаем. Если же человек не может сказать ничего определен-

ного о том, что сделает его самого счастливым или несчастным, значит, он попросту себя не любит. А мудрейшие из людей говорили: «Если не я за себя, то кто за меня? Но если я лишь за себя, то за чем я?» В переводе на современный язык это означает, что в нерасторжимом соединении общественного и личного интереса и заключается смысл человеческого бытия. И действительно: разве могут построить счастливое общество несчастливые люди? И напротив, может ли считаться счастливым общество, в котором значительная часть его членов не вкусила личного счастья и даже не знает, в чем оно состоит? Никак нет.

Но может зря мы так, напрямую, связываем понятие человеческого счастья с работой, с профессией? Есть ведь и другие желания, радости, удовольствия, которые могут приносить удовлетворение или разочарование. Да, разные у нас мечты, надежды и потребности. Но чего бы мы ни желали: славы, любви людской, удовольствий, развлечений — в нашем обществе все достигается трудом, с его помощью или через него. И вообще, труд есть «средство самореализации и самоутверждения», — так определил его Владимир Ильич Ленин. Иными словами, труд — это средство достижения счастья, высоко или низко оно нами задумано — все равно. Высоким оно будет в том случае, если то, что мы собираемся в себе реализовать, достаточно высоко и значительно, и если не низким способом собираемся мы утверждать себя в миру людей, дел, отношений, природы, вещей.

Значит, истинная пружина всех наших стремлений, поступков находится внутри нас. И нужно постараться эту «пружину» обнаружить и оценить. Но ведь специалисты говорят, что все мы — разные, как и отпечатки наших пальцев, как форма ушей, тембр голоса. А коли так, то и наилучшие советы и решения, пригодные для твоего друга или соседа, могут оказаться совсем непригодными для тебя самого. Что хорошо для Пети, плохо для Мити, невозможно для Лены. И все-таки нет иного способа самопознания, как сравнение себя с другими. Важно только предварительно определить цель, с которой ты принимаешься за такого рода исследование. Хочешь ли ты убедиться в том, как ты несовершенен, обделен какими-то свойствами или хочешь спокойно и объективно взвесить, чем владеешь, оценить свои способности и возможности? В первом случае тебя непременно ждет печальный финал: у каждого твоего знакомого найдется что-то такое, чем не обладаешь ты сам. От таких «открытий» легко впасть в пессимизм и похоронить себя, как

бездарь, заживо. Во втором же случае можно вполне надеяться на успех. Способности только до той поры в нас сидят тихо, пока мы их не обнаружим и не предьявим другим. А тогда они уже будут требовать работы для их применения, для их развития, превратятся в потребность. Эта потребность неутолима, как жажда в пустыне: чем больше пьешь, тем больше хочется. Зная эту особенность человеческой природы, я и решила написать «похвальное слово себялюбию», потому что считаю более плодотворными поиски собственных преимуществ, нежели недостатков.

Вот прочтет эти строки критически настроенный юный читатель, глянет на себя и ухмыльнется: ну, что тут может открыться пусть даже пристальному, пусть дружелюбному взгляду? В таком обычном, привычном, заурядном субъекте? Какие богатства здесь прячутся? А они часто и не прячутся вовсе. Напротив, многие драгоценности у всех на виду лежат. К примеру, удивительные, чудесные механизмы познания и общения с миром: зрение, слух, осязание, обоняние, речь, руки, ноги... Смешно?.. Ничуть! Порой, чтобы оценить такого рода достояние, надо пережить, хотя бы мысленно (и лучше мысленно), его потерю...

Недавно мне довелось побывать в институте дефектологии Академии педагогических наук СССР, в научно-исследовательской лаборатории, которая занимается разработкой методов обучения и приобщения к полезному труду слепоглохонемых детей. Пациенты этой лаборатории — дети, лишенные основных каналов источников связи и взаимопонимания с нашим световым-звуковым-словесным миром, — в конце концов обретают способность участвовать в наших делах, вкушают счастье самостоятельного (в определенной мере, конечно) бытия.

Я не могу здесь рассказывать, какими способами это достигается. Слишком специальный вышел бы разговор, хотя и весьма поучительный для нас всех, не умеющих извлекать максимум пользы и радости из того, что нам даровано природой. Я вспомнила об этом для того, чтобы показать, чего добиваются сверстники наших вполне благополучных читателей, лишенные того достояния, которое так мало мы ценим, плохо используем для дела. Располагая лишь двигательной способностью, повышенной чувствительностью кожи рук, сильно развитым чувством ритма, виброточувствительностью, слепоглохонемые ребята овладевают множеством рукодельных ремесел и операций. Они шьют (на машине), вяжут, занимаются картонажным, переплетным делом, производят слесарные, сборочные работы, опери-

руют разнообразными инструментами и станками. Некоторые из них, у кого сохранилось остаточное зрение, увлекаются лепкой, скульптурой.

Сколько же возможностей открывается перед человеком с обыкновенным, нормальным здоровьем, если он примерится, приглядится к своему организму, к этой «саморегулирующейся и самосовершенствующейся системе», как назвал наше тело великий физиолог И. П. Павлов. (Я особо обращаю внимание читателя на это «само», усиленное возвратной частицей «ся»: сам себя, значит, должен отрегулировать и усовершенствовать человек, так это определено природой).

И вот — первая приблизительная попытка определить: что в нас есть и на что годится?

Острое зрение, точный глазомер, верная рука. Эти качества испокон веков ценились в людях. Они были и будут основой многих почетных профессий, древних и вполне современных: охотника-промысловика, гарпунера, лоцмана, правщика-доводчика при изготовлении изделий, требующих высокой чистоты и точности, формовщика по точному литью, фармацевта, инструментальщика-лекальщика, сборщика изделий из миниатюрных деталей, кройщика, резчика. И всех тех профессий, где главное требование: семь раз примерь — один отрежь. Или: имей такой глаз, чтобы резать без примерки, «на глазок».

Этот перечень — лишь для разгона. Уверена, что многие читатели смогут его продолжить. Как и мой список специальностей, где находит применение верное чувство цвета. Прежде всего им должны обладать колористы в текстильной, полиграфической промышленности, на предприятиях и в цехах, изготавливающих предметы широкого потребления, на поприще промышленной и бытовой эстетики, в малярно-отделочном ремесле. И везде — контролеры, принимающие «цветовую» продукцию, работу с цветом.

Я умышленно оставляю «на потом» профессии, которые, наверное, прежде всего приходят на ум моим читателям: художнические. Конечно, их великое множество, кому требуется глазомер, чувство цвета, точность руки: монументалисты, живописцы, граверы, резчики по металлу, камню, дереву, ювелиры, ковровщицы, вышивальщицы, кружевницы и так далее. Хотя я и говорила, что лепкой, скульптурой, резьбой по дереву занимаюсь и те, у кого сохранилось остаточное зрение, все-таки возможности этих людей весьма ограничены. Непременные качества данной группы творческих профессий — это творческая фантазия, особое видение мира, его художниче-

ское восприятие. Мало здесь и одного лишь «остроглазия».

Дальше. Хороший слух, способность различать звуковые оттенки, широкий диапазон приема звуков различной высоты и частоты. И снова выношу за скобки профессии художественные, артистические: музыкантов, композиторов. К ним — особые требования! Одного хорошего слуха достанет для успешного освоения таких специальностей, где он больше всего и необходим: на фабриках, изготавливающих музыкальные инструменты, на заводах, производящих радио- и телепроигрывающую аппаратуру. Обладатели хорошего слуха могут стать настройщиками такой аппаратуры и инструментов. И еще — тонмейстерами, звукооператорами и звукорежиссерами в студиях грамзаписи, на радио и телевидении. Существуют и разного рода акустические службы. К примеру, радисты — на судах, метеостанциях... И снова — многоточие: продолжение списка предоставляю читателям.

Обостренное обоняние — важнейшее свойство для овладения специальностью парфюмера. Требуется оно селекционерам, что работают над выведением новых сортов цветов, а также в промышленности, выпускающей товары бытовой химии.

Высокая вкусовая чувствительность нужна дегустаторам, создателям новых сортов фруктов и овощей, составителям новых рецептов блюд и новых пищевых продуктов, консервов, концентратов.

Я умышленно начала «инвентаризацию» наших возможностей, способностей с тех свойств и достоинств, про которые обычно никто и речи не ведет: что, мол, за способность — хорошо видеть. Иное дело — хорошо запоминать формулы, стихи, решать быстро задачи. Почему-то сложилось у нас такое представление, что физиологические наши свойства — несущественная деталь. А между прочим, Карл Маркс так характеризовал их значение: «Образование пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории»¹. Он же ставил эти пять чувств в один ряд с такими «человеческими отношениями к миру», как мышление, созерцание, желания, деятельность, любовь. С их помощью происходит «очеловечивание» детеныша, его приобщение к бытию культуры, накопленной до него.

Мы же, отдавая предпочтение «мыслительным» способностям, порой и не подозреваем, что любое

самое высокое интеллектуальное свойство, качество тоже имеет в своей основе определенную физиологическую подоплеку. Как признают ныне все специалисты, изучающие человеческую личность, «чистой» психики не бывает вообще. Выдающийся знаток детской души, замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский, на чьих глазах и с чьей помощью складывалась судьба и характеры сотен и сотен мальчишек и девчонок, прямо выводил зависимость умственных способностей от умелости ребячьих рук. «Источники способностей и дарования детей — на кончиках их пальцев, — уверял он. — От пальцев (как и от других каналов восприятия мира, добавим мы. — Т. А.), образно говоря, идут тончайшие ручейки, которые питают источники творческой мысли»¹. А сделать пальцы любознательными, чуткими, ловкими, умелыми — для большинства ребят не так уж и трудно. Была бы охота. И в процессе ручной работы можно было бы открыть в себе немало умственных способностей, развить их, натренировать, а потом — сконцентрировать на каком-то одном, наиболее интересном направлении, деле.

Значит, захоти человек, и с помощью только этих пяти-шести первоначальных способностей он может стать удачливым. Но, как правило, наше достояние не исчерпывается одним даром, одним свойством. Интеллектуальные возможности каждого человека огромны. Достаточно напомнить, что наш мозг располагает пятнадцатью миллиардами клеток, готовых к приему, хранению, обработке, трансформации гигантского потока всяческих сведений, знаний, навыков, умений. И, как правило же, мы очень неразумно, бесхозяйственно распоряжаемся этим главным сокровищем нашим.

Вот, к примеру, память. Самое необходимое качество в любой человеческой деятельности, потому что 90—95 процентов содержания наших знаний, действий, поступков, работы есть запоминание, повторение, воспроизводство того, что добыто нашими предшественниками. И только пять — десять процентов составляют наше собственное творчество.

Наделены мы этим качеством не одинаково. Увы! Одни гордятся своей памятью, другие на нее сетуют, третьи уверяют, что вовсе ею обделены. Однако специалисты, исследующие эту проблему, говорят, что нехватка памяти — это зачастую не столько беда, сколько вина «беспамятных». Многие из них не знают, каким именно видом памяти они располагают и поэтому пользуются не тем инструментом, который для

них более удобен, а тем, который лучше действует у других. Так, есть люди, у которых хорошо развита моторная память, они же пользуются слуховой, зрительной или логической. Моторная память предполагает быстрое и прочное заучивание, при участии двигательных центров, то есть когда необходимые сведения записываются, зарисовываются, «проигрываются», скажем, рукой — на бумаге или просто в воздухе.

Безуспешно затверживая задания по методу «слушачей» или «зрительной», «моторщики» нередко приходят в отчаяние, «убеждаются» в собственной бездарности и, таким образом, закрывают себе путь к профессиям, где нужна хорошая память. Точно такая же история происходит и с другими людьми, которые пользуются не своей, а заимствованной методой запоминания. Так натура мстит за пренебрежение к ней.

Так же бывает и со способностями к разного рода умственной работе: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем». Есть у нас и здесь свои сильные и слабые стороны. На всю историю человечества приходится считанные единицы универсалов. Теперь же и подавно трудно в равной мере успевать в технике, точных, гуманитарных, естественных науках и в искусстве. Все мы дополняем друг друга, тем и интересны. Но нет, мы путаем призвание с признанием и поворачиваем головы, словно подсолнухи, в сторону профессий, наиболее освещенных общественным вниманием. За право называться громко, модно: «физик», «лирик», «артист» многие молодые люди заплатили очень дорогой ценой: судьбой несостоявшихся личностей. Об этом справедливо напомнил нам комментатор опубликованных в журнале сочинений. Мне хочется только добавить, что подобная катастрофа не может произойти с самолюбивым человеком. Он никогда не встанет под чужие «штандарты». Тот, кто себя знает и ценит, не устыдится своего увлечения, призвания, как бы мало привлекательным ни казалось оно другим. Больше того, он постарается добиться уважения к предмету своей страсти, привлечь к нему всеобщее внимание.

Вот не так давно познакомилась я с известным сейчас не только в нашей стране молодым ученым-физиком Сергеем Аверинцевым. Когда он учился в школе, все его сверстники бредили физико-математическим факультетом. Сергей Аверинцев же увлекался античным искусством. Все вокруг посмеивались над этой непонятной приверженностью и призывали его вернуться на землю, где гремит и бушует двадцатый

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, стр. 593—594.

¹ В. А. Сухомлинский. «Сердце отдаю детям». Стр. 258—259.

век. Сергей не уступил уговорам друзей и взрослых. Он продолжал заниматься древнегреческой и древнеримской литературой. А потом сказал свое слово. И оно было столь значительно, глубоко и интересно, что заставило физиков и математиков отложить на время свои формулы и вслушаться в то, что открыл в глубинах веков их упрямый современник. На лекции Аверинцева в Московском университете собирались слушатели со всех факультетов, как и сейчас на его лекции в Политехническом музее Москвы устремляются толпы людей, чьи профессиональные интересы неизмеримо далеки от антики.

Точно так же мы все вслушиваемся в то, что рассказывает о своей работе знаменитый полевод Терентий Мальцев, токарь Евгений Моряков, модельер одежды Вячеслав Зайцев. Они сделали в своей специальности открытия, которые важны каждому думающему человеку. Интересны нам не только результаты, важно постижение мастерства, путь к совершенству, что бывает сходным у людей разных профессий и разных уровней достижений. Их успехи поднимают ценность и значение избранного ими дела. Вот такой получается круг: сначала они послужили делу, потом дело воздало им сторицей — уважением и славой, а затем слава снова обратилась на их работу.

Мы нередко слышим похвалы человеку, который достиг в какой-то области заметных результатов: «Вот постарался, приложил силы, волю и добился своего». При этом мы делаем акцент на слове: «добился», хотя рядом стоит равнозначное с ним, но часто остающееся без внимания определение: «своего». Своего добился, а не чужого. Люди ведь обычно и достигают своей цели, своей мечты, вершины. Чужое, как известно, впрок не идет.

— Хорошо, — скажет опять мой молодой критически настроенный читатель, — знаменитостей оттого и мало, что талант, большое дарование — явление редкое. Что достанется от этих лавров тому, кто питает высокую страсть, но имеет средние способности?

Любовь к своему делу, искренняя и бескорыстная преданность ему — сами по себе уже драгоценный дар, который может принести глубокое и полное удовлетворение, если дар этот найдет себе применение, пусть даже результаты будут не столь громкими. На счет собственных достижений такой человек может занести успехи тех, кого он зажег своей страстью, увлек за собой, и тех, кто пойдет за его последователями.

Случается и так, что любовь к профессии поражает сердце челове-

ка, лишеного необходимого дарования совсем. Себялюбивый не позволит страсти увлечь себя на торную стезю, овладеть специальностью насильственным путем и стать плохим работником в избранной им отрасли. Он найдет иную форму служения, более подходящую для его особы. К примеру, любя театр, но не имея артистических способностей, он найдет себе дело за кулисами, в разного рода мастерских, в будке осветителя, в кабинете администратора.

Поскольку мы заговорили о чувствах, то самое время напомнить, что мы излишне высокомерно или невнимательно относимся и к разного рода сердечным, душевным свойствам нашим (или, как говорят психологи, нравственной направленности личности). Появилась даже немудрая пословица: «Нет такой профессии — хороший человек».

Была и есть такая профессия! Она прежде так и называлась: «сестра милосердия». Хороший человек — односложное профессиональное качество для всех специальностей, где дело построено на общении людей друг с другом: в медицине, в педагогике, в сфере обслуживания и торговли. Обязательно оно и для руководителя любого масштаба. Специальные знания и навыки труда здесь прежде всего — форма проявления душевных свойств. Не случайно в профессиограмме, составленной психологами, с перечнем свойств, обязательных для руководителя, львиную долю занимают как раз нравственные достоинства: принципиальность, решительность, справедливость, мужество, бескорыстие, сдержанность, сочувствие, гибкость, великодушие, вежливость, щедрость, честность, трудолюбие, энергичность, искренность, ответственность, коллективизм, преданность делу и друзьям, совестливость, чувство юмора. Как видим, речь идет о богатстве чувств, их глубине и устойчивости.

Многим из выпускников вузов и техникумов придется впоследствии возглавлять какую-то группу людей: школьный класс, участок, цех, больничное отделение и т. д. Значит, и каждому абитуриенту необходимо выверить перед поступлением в институт не только свои интеллектуальные способности, но и проверить свой нравственный багаж. «Налегке» подниматься на высокие вершины весьма легкомысленно. Как говорится: «Пошел на день, бери с собой на неделю».

— Вот тут, — скажет наблюдательный читатель, — и не найдется места себялюбивому человеку. Все выше перечисленные гуманные свойства противоречат природе себялюбца — существа, замыкающегося на самом себе.

Конечно, «похвальное слово себялюбия» — лишь полемический прием. Но если даже говорить без экивоков, уважения достойны бывают те люди, которые нашли возможность обратить на добро те качества своего характера, которые мы привыкли в быту считать неудобными, непривлекательными. Например, замкнутость, нелюдимость. Бесконечное разнообразие профессий позволяет это. Какой необходимой, к примеру, станвится склонность к уединению, индивидуальному труду там, где профессия предполагает долгое одиночное житье и работу. Лесники, путевые обходчики, зимовщики на отдаленных метеостанциях, опять же охотники-промысловики, сторожа, а теперь — и аппаратчики, диспетчеры на химкомбинатах и заводах-автоматах, на распределителях-коллекторах воды и электроэнергии, наконец, комбайнеры и водители грузовых машин. Тут артельность работы практически исключается, а значит, общительность будет только помехой.

Если без предвзятости присмотреться, то большинство свойств нашей личности, разумеется, кроме паталогических, может быть приспособлено к общей пользе. Значит, опять анализ не должен вызывать чувства ущербности и «комплекса неполноценности», когда вдруг обнаружится свойство, не значащееся в реестре признанных добродетелей. Надо только поискать, где оно может сгодиться. Как меня однажды с грустью спросил десятиклассник: «А что утешительного вы скажете человеку, который сам ничего выдающегося сделать не может, зато любит критиковать других?» Ну, что ж, коли он хорошо критикует других, со знанием дела и ради дела, а не ради того, чтобы кого-то уязвить, унижить, то это может стать очень полезным общественным занятием. Даже профессией. Например, вся обширная служба общественного и промышленного контроля состоит из работников, которые скрупулезно и беспристрастно оценивают, критикуют чужие труды; сюда же относится и товароведение, наконец, арбитражная, судейско-прокурорская работа, всякого рода надзоры. И всем специалистам-критикам не обязательно уметь больше тех, кого они оценивают, но знать и понимать им надо значительно больше. Иначе люди откажут им в праве исполнять эту сложную миссию. К контролерам всегда предъявляются повышенные нравственные требования. Так что «только критиковать» — занятие едва ли не из самых трудных.

Однако мы здесь все рассуждаем об одном каком-то качестве, профессиональной склонности, способности. Человек же чаще всего не укладывается в рамки и не исчерпывается одним делом, увлечением,

даже страстью, талантом. Он страдает порой не от недостатка, а от избытка возможностей и потребностей в работе. Невостребованные способности тоже ищут выхода. И во многих современных кнопочно-автоматных профессиях при высокоом нервно-мышечном напряжении требования к умственным и нравственным способностям весьма ограничены. Это тоже пугает заинтересованных. Так вот тем, кто затрудняется с выбором специальности из-за того, что мучает тяга сразу к нескольким делам или страх обеднить себя узкой специализацией, можно напомнить: нам нечего бояться однобокости, собственной «машинизации» до той поры, пока есть еще один неисчерпаемый океан разнообразных дел, где нас ждут, где найдется применение любым нашим способностям, выдумкам, фантазиям. Этот океан зовется прозаическим словом — общественная работа. Посмотрите, сейчас разного рода клубы, кружки, секции, ансамбли растут, как грибы после дождя. В них мы отдаем и получаем то, что не может взять и дать любимое дело. Получаем и реализуем еще одну важнейшую ценность — счастье человеческого общения.

Токарь Герой Социалистического Труда Е. Н. Моряков, о котором я упоминала выше, как-то в интервью тележурналистам сказал, что станку нужны, в основном, его руки, а подросткам, молодым рабочим, с кем он проводит все свободное время, нужен он весь, его душа, опыт, мысли, чувствования. Поэтому он и не довольствуется одними рабочими обязанностями, а взял на себя нелегкую ответственность наставника.

Не может стать интересным для общения человек, неинтересный самому себе. Значит, все-таки необходимое качество — себялюбие. Общественно полезное. «Познай самого себя и ты познаешь мир». Потому что каждый из нас представляет собой огромный, сложный и прекрасный мир, открыть его себе и другим — святое наше дело.

Профессия по способностям

Я знала одну девочку, которая трижды поступала в Ленинградский университет, мечтая о профессии археолога. У нее хватало упорства, и в третий раз она все-таки добилась своего, хотя ее целеустремленность стоила двух «провалов» и трех лет жизни, в которые надежда не однажды сменялась разочарованиями, горькими сожалениями об уходящем времени, даже сомнениями. Сейчас она — выпускница университета и, наверно, очень счастливый человек. На пользу пошли девушке три года перед поступлением, когда она побывала в археологических экспедициях, в которых увидела не только внешнюю романтику...

А сколько ребят прельщается лишь этими внешними признаками? Из десятка профессий, которые у них имеются на примете, они нередко выбирают ту, что «красиво» звучит, оставляя без внимания многие другие, возможно, куда более интересные. Если бы о них рассказали старшеклассникам — может быть, к одной из них, доселе неведомой, потянулась бы душа.

В статье «Приглашение к разговору» нельзя не обратить внимание на ответы ребят из города Первоуральска. У них хорошая ориентация в океане профессий. У них больше, чем у кого-либо, серьезного отношения к выбору специальности и, можно сказать, реального подхода к делу. Телефонистка, киномеханик, термист, химик — смотрите, какие жизненные профессии они выбирают! И объяснение этому очень простое. Для того, чтобы каждый школьник определил для себя будущее дело — надо, чтоб он и знал больше о делах этих разных. А чтобы привлечь его к профессии наиболее нужным — вслед за информацией требуется агитация, увлечение примером. В Первоуральске давно перестали относиться к выбору профессии молодыми людьми, как к проблеме только личной. Здесь все заинтересованы в том, каким будет выбор, и все помогают школьникам в этом трудном деле. Ведущие предприятия готовят информационные справочники по «дефицитным» профессиям. Эти данные поступают в городской совет профориентации. В школах проводятся практикумы и факультативы, встречи с рабочими, шефские беседы. Сотни профкон-

сультантов рассказывают учащимся о всевозможных профессиях и их профилях. С одной стороны — устные беседы, магнитофонные записи с рассказами о профессиях; с другой — «карты интересов», которые заполняют сами школьники, и в них нередко прочтешь в графе «кем хочу быть» не только распространенные рабочие специальности, но и не всегда выбираемые учащимися других городов профессии сферы обслуживания: часовщик, портной, мастер по ремонту бытовой техники, мужской парикмахер, повар, почтальон, обувщик...

В торговых города кадры полностью комплектуются за счет местной молодежи, выпускников школ. Первоуральск преодолел нехватку работников и в сфере общественного питания, открыв свое торгово-кулинарное училище. Все заявления поступающих в училище просматривает специальная комиссия. Учитываются семейные традиции, мнения самих учащихся об избранной специальности и их родителей, рекомендации школ. Если в характеристике написано: «замкнута, может ни слова не сказать за день» — двери училища перед таким абитуриентом вряд ли откроются. С неразвитой речью, с медицинскими противопоказаниями тоже не возьмут: надо уметь разговаривать с людьми, надо быть готовым стоять весь день на ногах. Бывает так, что родители буквально толкают дочь в торговлю, а она хочет, например, в медицину — против желания тоже не примут. Вопрос ставится так: хочешь ли ты работать и годен ли ты к этой работе? Процент «случайных» людей сведен к минимуму.

Городской совет профориентации располагает многочисленными приборами, которые позволяют изучить способности и наклонности учащихся: рефлексометр, нейхронометр, тестометр, интеллограф...

Словом, взрослые не стоят в сторонке, когда ребята мучаются над вопросом: «Кем быть?» Их помощь, добрый совет, большая информационная и агитационная работа специалистов по профориентации дают ребятам ответы на многие вопросы, а городу — многие дефицитные кадры.

Нина
АНДРЕЕВА

Я с четвертого класса мечтал стать военным моряком-офицером. Окончил десятилетку (в 1974 году), но врачебная комиссия меня «збравковала», так как в детстве я ломал руку. Тогда я решил поступить в мореходное училище (гражданский флот), но и здесь неудачно. Чтобы не терять времени, этой зимой я сдал на права шофера. Одно твердо знаю: я сделаю все, чтобы работать на море. Пусть на это уйдет не один год моей жизни, но я добьюсь своего. Я знаю, какие трудности ждут меня впереди, но это я решил твердо. Не пишу, почему решил стать именно моряком, могу только сказать, что не по материальным соображениям: будешь любить свое дело, относиться к нему добросовестно, тогда и зарабатывать хорошо будешь. Не берусь судить, сможет ли стать настоящим морским офицером тот парень, который пишет: «Эта профессия привлекает меня и романтикой, и в материальном отношении».

**Валерий А.
г. Нолинск**

Я живу в Западной Сибири, в поселке Черный Яр. «Уральский следопыт» читаю регулярно. Мне очень понравился рассказ Бориса Иванова «Старое седло». У меня с героем этого рассказа — Владимиром — очень много общего. Я так же, как и он, люблю лошадей, и меня не манит к современным наукам. Особенно люблю ездить верхом. Не буду хвалиться, что я хороший наездник, но все же немного езжу. Коней в моем поселке мало и все они беспородные, но я все же их полюбил. Сперва я, как и Владимир, часто бывал на конном

дворе, но конюхи у нас тут неинтересные и злые люди, и я не смог с ними подружиться, поэтому езжу верхом, когда посчастливится. Я уже скоро кончу школу и мне бы хотелось быть на такой работе, чтобы иметь дело с конями. Я знаю несколько «лошадных» профессий: жокей, объездчик, табунык. Я вас очень прошу сообщить мне, где, в каких местах, республиках, краях и областях есть крупные заводы (конные) и фермы, и какие на них есть работы, кроме перечисленных мной.

Сергей Т.

Вот что сказал нам, ознакомившись с письмом Сережи Т., главный зоотехник Свердловского областного сельхозуправления В. А. Царапкин: — Конезаводы и конесовхозы имеются почти в каждой области. Глубоко заблуждаются те, кто думает, что в наш век технической революции коневодство изживает себя. Оно развивается и будет еще больше развиваться в той области, где у лошади нет конкурентов, а именно в области спорта.

При областных ипподромах имеются специальные службы по коневодству, где можно справиться насчет работы. Но юноше, который видит свое призвание в работе с лошадьми, я бы посоветовал сначала приобрести общее животноводческое образование. Это могут быть курсы животноводов при сельхозуправлении или сельскохозяйственное ПТУ, наконец, зооветтехникум или зоотехнический факультет сельскохозяйственного института. Есть хорошая «Книга о лошади» (под редакцией С. М. Буденного), которую я также настоятельно советовал бы прочитать всякому, кто любит лошадей.

Сначала я хотел быть геологом, но со временем интерес к этой профессии пропал, так как я боюсь высоты, а ведь геологу и по горам приходится лазить. Да и дома мне говорили: «Загремешь ты костями со скалы и поминай как звали».

Затем последовательно хотел быть: радиотехником, электриком, слесарем. Но ни одна из этих профессий не захватила меня серьезно. И, наконец, твердо решил — буду лесником. Меня давно манили лес, река. Люблю смотреть вечерами на закат, люблю сидеть в лодке с удочкой, зимой хожу в лес на волжские остро-

ва. Хочу поступать после восьмого класса в лесной техникум. Но, к сожалению, я не знаю, где он находится.

Дорогая редакция, прошу помочь мне.

Где есть в городе Горьком или поблизости лесной техникум или ПТУ? Очень прошу помочь найти мне его!

**ТЕЛЕХОВ Женья,
8 класс,
г. Горький**

В редакцию приходит много подобных писем от старшеклассников с просьбой помочь им найти то или иное интересное их учебное заведение. Так, Владимир Шендо просит сообщить адрес горного техникума или училища в Красноярском крае, Ира М. из Магаданской области интересуется условиями зачисления и программой вступительных экзаменов в юридический институт, а Лена Никулина — точным адресом геологоразведочного техникума в Свердловской области.

Напоминаем нашим юным читателям, что издательством «Высшая школа» периодически издаются справочники для поступающих в высшие и средние учебные заведения СССР. Эти справочники содержат и условия приема, и программы вступительных экзаменов, и перечень всех высших и средних специальных учебных заведений нашей страны.

Обратившись к такому справочнику, авторы писем узнали бы, что в Горьковской области (пос. Красные Баки) есть лесхоз-техникум. Специальность — лесное хозяйство. В Красноярском крае имеется Черногорский горный техникум. Специальности: открытая разработка ископаемых, горная электромеханика, строительство горных предприятий (г. Черногорск, ул. Красных партизан, 30). А точный адрес Исовского геологоразведочного техникума — Свердловская область, пос. Ис, ул. Фрунзе, 63.

Справки о профессионально-технических училищах можно запросить в областном управлении профтехобразования.

Я выбрала профессию педагога — может быть потому, что хочу походить на свою первую учительницу, а может и потому, что это трудная, ответственная, но вместе с тем интересная работа. Ведь как хорошо каждый раз приходиться первого сентября в школу, вместе с ребятами волноваться, жить их ребячьей

жизнью. Я много читаю об этой профессии, да и мама у меня скоро будет педагогом. Но вот как раз мама с папой и советуют мне поступать после десятого класса в кооперативный техникум учиться на товароведа. Это неплохая профессия, но у меня не лежит к ней сердце. Я, конечно, могу попробовать поступить в техникум, но если не поступлю, тогда поеду работать в деревню учителем. У нас в сельской местности не хватает учителей и приглашают выпускников. А через год-другой возьму направление от школы и буду поступать в педагогический институт, на заочное отделение.

Татьяна ЕЛПАНОВА.
Курганская область.

Дорогая Таня!

Нам кажется, что ты очень верно решила: пойти после школы работать учителем. За год-два можно хорошо проверить себя, свои педагогические способности, свой характер. А там уж ты будешь знать, стоит ли идти в пединститут или, может быть, действительно поступить в кооперативный техникум. Во всяком случае, не нужно спешить с окончательным выбором, ведь это — на всю жизнь.

Пишут вам ученицы десятого класса подружки Лера и Лара. Нам очень понравилась ваша статья — разговор о выборе будущей профессии, и мы решили рассказать немного о себе, о своих мечтах. Мы очень давно дружим, в школе нас даже зовут близнецами, хотя внешнего сходства и нет. О своих будущих профессиях мы часто говорили на школьных диспутах, классных собраниях, да и просто между собой. Немного обидно, что у нас разные желания: Лера с детских лет мечтает о профессии модельера, она читает специальную литературу, хорошо рисует, выписывает журналы мод, прекрасно шьет и кроит. А Лару привлекает профессия бортпроводницы. Быть стюардессой ей кажется очень почетно. Но вы не думайте, что ее соблазняет внешняя сторона этой профессии. Нет! Лара думает в первую очередь о повседневной, черной работе.

Мы обе просим при случае рассказать о профессиях модельера и бортпроводницы — думаем, что многие выпускницы будут вам за это благодарны.

Лариса ДРОЗДОВА
и **Валерия БЕСПАЛОВА.**
Новосибирская обл.

МУЗЕЙ С ИЮНЯ ПО АВГУСТ

Где это, интересно, такой музей, с «летним расписанием» работы? А вот где: в пионерском лагере «Красная гвоздика» в Сысертском районе Свердловской области. И оговорки здесь нет, именно музей — с витринами для минералов, с богатейшим гербарием и интересной коллекцией насекомых. Экспонаты его можно рассматривать не час, и не два...

Сбором материалов для музея занимаются уже несколько поколений ребят, приезжающих на лето отдыхать в «Красную гвоздику». А руководит ими бесценно один и тот же человек — краевед и журналист Виктор Михайлович Колегов.

Интересный поиск ведут натуралисты лагерного клуба «Следопыт». Они выявили семнадцать разновидностей орхидей, открыли кварцевые месторождения, исследовали заброшенные железные и медные рудники, разработки на которых велись сто и более лет назад. Ребята создают также маленький ботанический сад, с гротами и беседками, лесные растения хорошо в нем приживаются.

Вот такой это лагерь — «Красная гвоздика». Он стал юннатским.

А. МЕЛЬНИК

Фото автора

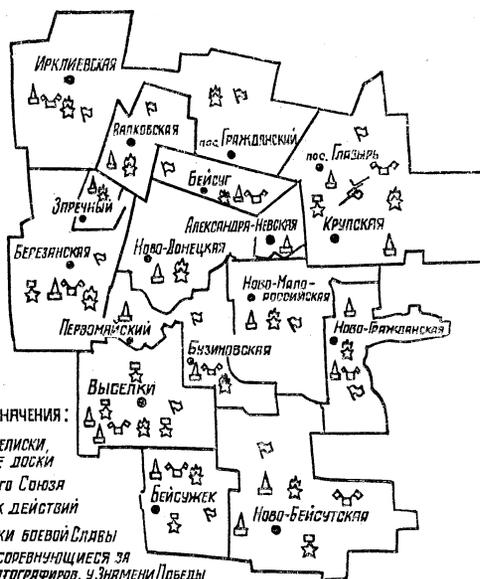
● В страну Тофаларию

● Люди нашего села

● Памятная карта

В горах Восточного Саяна расположилась экзотическая Тофалария, где живут тофа (карагасы) — чуть ли не самый малочисленный народ земного шара — искусные охотники на соболя и белку, отличные животноводы.

Каждое лето, преодолев многие километры нелегкого пути, приходят в Тофаларию следопытские отряды школы № 48 города Нижнеудинска Иркутской области, чтобы продолжить изучение природных особенностей, полезных ископаемых этого края, истории и быта местных жителей. Страницы отчетов ребят о походах к тофам-карагасам составят, возможно, когда-нибудь интересную книгу.

Условные обозначения:
▲ Памятники, обелиски, мемориальные доски
✠ Герои Советского Союза
✕ Места боевых действий
☼ Клубы и уголки боевой славы
☒ Коллективы, соревнующиеся за право быть фототриггерами, у Знамени Победы
☼ "Зарница"

Любить историю родного края — не значит вспоминать только его далекое прошлое. Любовь к земле своей прививается на примерах близких и более современных. На такой основе строит свою работу краеведческий музей Каргалинской школы Шегарского района Томской области.

Учащиеся любовно оформили стенды «Люди нашего села», «Маяки колхоза», немало в музее и разных экспонатов. Скоро десять лет как существует этот сельский школьный музей.

Учащиеся Газырской школы № 6 Краснодарского края решили узнать, кто освобождал их поселок от фашистов. После длительных поисков, запросов в архивы, военкоматы, разговоров с очевидцами установили: поселок Газыр в сорок третьем году освободили войска 157-й отдельной стрелковой бригады, входившей в состав Девятой армии Закавказского фронта. Школьники завязали переписку с бывшими командирами бригады. Их воспоминания сейчас хранятся в школьном музее. Экспонаты его рассказывают о многих страницах войны: о подпольном райкоме,

работавшем в оккупированном районе, о подробностях боев, о героизме воинском и гражданском.

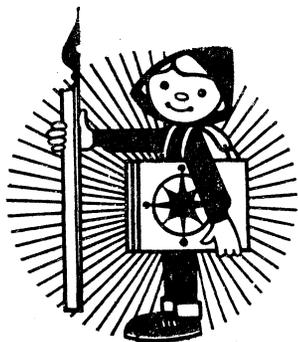
Создана следопытами и памятная карта. В нее занесены места боевых действий и установленные после войны памятники, обелиски, мемориальные доски; обозначены клубы и уголки боевой славы.

Школьный музей в Газыре тоже нанесен на карту, рядом изображена пушка — она обозначает, что в этом месте шли бои.

следопытская

ХРОНИКА

ЗЕЛЕННЫЕ ПАРУСА

Роман
РУГИН

Костры

Когда чуть теплятся костры,
Лесным укрытые туманом,
Мой край до утренней поры
Стреножен ночью, как арканом.

И все ж неверно,
Что кругом
Все замирает, засыпает...
Во мгле невидимым костром
Поэта сердце вновь пылает.

У сердца давний разговор
С седой Полярною звездой,
И с белизною дальних гор,
И с многодумною тайгою,

С рекой, что стихла подо льдом,
И даже с камнем неказистым.
И слышно: песни в камне том
Звенят, как будто снег зернистый.

И пламя сердца, словно медь,
В ночи нетающей пылает,
Чтобы теплом своим согреть
Всех тех, кто по лесу петляет.

Когда заснут в золе костры
За потемневшими лесами,—
Сердца поэтов на земле
Горят высокими кострами.

На небе ни звездочки.
Тьма.
Лишь ветер находит дорогу.
От ветра, как бубен, дома
Гудят, поднимая тревогу.

Девать ему некуда сил?
Волну приподнял он речную
И лодку в волне утопил,
И в чащу вломился лесную.

Но там, в приполярных лесах,
За ночь обломал свои крылья,
Бескрыло забился в ветвях
И выдохся, взыв от бессилья.

Земле приносящие зло,
Они исчезают, как ветер...
Ни звездочки в небе.
Светло.
И звонкая тишь на рассвете!

Деревья

Для костра деревья выбирая,
Береги подлесок.
Осторожно!..
Вон сосна, засохшая, седая,
Предлагает:
«Мне в кострище можно».

Старые деревья неказисты,
Но зато горят они искристо.
Как у них тревожно и счастливо
Рвутся к небу огненные гривы.

Им уже потомства не прибавить,
Значит, счастье — хоть прибавить света,
Рухнуть не в болотное бесславье,
А пылать, как солнечное лето...

Не руби березку в перелеске.
Пусть она плывет под небесами,
Над землей и радостно, и дерзко
Зелень поднимая парусами!

*Перевел с хантыйского
Лев Сорокин*

Марко Поло

Рассказы Марко Поло о его путешествиях, записанные сочинителем рыцарских романов Рустичано, не лишены выдумки: иначе они были бы неправдоподобны для итальянцев.

**Юрий
ЛОБАНЦЕВ**

Век вещает со всех орбит.
Информация — как река...
Ну, а мне не хватает бит,
словно воздуха для глотка.

Знаешь, век,
не хочу я жить,
на секреты твои ропща...
Что ты скрыл от меня, скажи?
Мы подумаем сообща.

Нам с тобою, век,
по пути.
Не таись,
чтобы в поздний час
я газетных страниц петит
не раскладывал как пасьянс.

Я не верю, что знать грешно
мне вину твою и беду.
Исповедуйся!
Все равно
докопаюсь, пойму —
дойду!

Дождусь, когда огреет март
метлой лучей бока сугробов,
вдохну в себя лесов суровых
еще студеной аромат,

забуду про добро и зло
и, привалясь к сосне спиною,
поверю в то, что снизошло
ко мне спокойствие земное.

Я от природы пригублю,
хлебну лесного откровенья,
и вдруг себя остановлю
на самом старте вдохновенья.

И, захмелевший, я очнусь,
нашарю курево и спички,
и суматошно обернусь
на дальний посвист электрички.

Ну, Рустичано, подточи перо.
Я расскажу тебе о дальних странах,
быть может, для тебя немного странных,
но если странно — значит, не старо.

Нас было много. Выбрались не все.
Мне повезло — судьба оберегала.
Я молод был. Теперь я, видишь, сед.
Я много знал. Теперь я знаю мало.

Я видел мир. Я обошел Китай.
Семнадцать лет служил у богдыхана...
Но отложи бумагу, Рустичано.
Сперва послушай, а потом — катай.

...Жаль умереть. Но это — полбеды.
Жаль умереть, когда тебе не верят.
Пески пустынь сотрут твои следы,
и волны щепку выплунут на берег.

И люди позабудут чудака,
который к ним вернулся для того лишь,
чтоб рассказать, что не видал чудовищ, —
а жизнь везде счастлива и горька.

Венецианцы шли ко мне толпой,
купчишки любят небыли и были.
Когда я врал — кивали головой,
от истины — зевая, уходили...

Кто много видел — не всегда хорош.
Он много видеть не имеет права,
покуда есть на белом свете ложь,
которая правдивее, чем правда.

Кричи, герой!.. По клетке мира бей!
Но с двух сторон молчанием ответят:
с одной — гранит неверия людей,
с другой — высокомерие столетий.

Я — человек. Не слабостью я плох,
а тем, что я вернулся слишком рано.
Еще людьми с небес не свергнут бог,
еще есть прелесть в рыцарских романах,

еще крепки решетки бытия,
и в душах мало истины и света...
Я честен. Но Италия моя —
Италия тринадцатого века!

А, может, впрямь — пока полезней миф,
а правда — враг, стирающий границы?
Так пусть смеется просвещенный мир
Над Марко, сочинявшим небылицы!

Поймет и он: без ночи нет зари,
и песен новых нет без песен старых.
Пиши, мой друг... Да похитрее ври —
я расскажу тебе о дальних странах...

Рисунок В. Меринова

БРОННИКОВЫ В ВЯТКЕ

**Азриель
ЛИБЕРМАН**

Отец мой, часовых дел мастер, умер рано, оставив мать с малолетними детьми. В голодные двадцатые годы мать продала отцовский инструмент — нужно было кормиться. В память об отце и его профессии остались только часы — необыкновенные деревянные карманные часы, в деревянном футляре, с деревянной цепочкой. Правда, я не помню, чтобы часы когда-нибудь ходили. Много лет лежали они в ящике письменного стола как семейная реликвия. Иногда показывали их гостям или товарищам и тогда не было предела удивлению ювелирной работе мастеров, их создавших.

На оборотной стороне задней крышки часов стояла четкая надпись: «М. С. Бронников и сын в Вятке».

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба наших часов, не попади я однажды в Оружейную палату Московского Кремля. Здесь же экспонируется коллекция уникальных часов.

Вот одни из первых пружинных часов и самые древние бронзовые настольные часы, старинные нагрудные часы мастера «Леграна из Руана». А вот часы «Бахус», украшавшие царские палаты. Скромные круглые часы в серебряном футляре. Они были взяты из казны в хоромы царя Петра Первого. В музей они попали вместе с его вещами. Часы турецкой, греческой работы ярко раскрашены эмалью, усыпаны алмазами и жемчугами.

Разные мастера делали эти точные приборы — произведения искусства.

Часы, часы, часы самой разнообразной формы — бронзовые, серебряные, золотые и... деревянные!

Я не поверил своим глазам: в застекленной витри-

не лежала точная копия моих деревянных часов, а на крышке футляра — четкая клейменная надпись «Бронниковы в Вятке».

В конце XVIII и начале XIX века наряду с сельским хозяйством, которое являлось основным занятием большей части населения в Вятском крае, существовала и промышленность. Прежде всего это были всевозможные промыслы. Распространенной отраслью мелкой ремесленной промышленности в богатом лесном крае была обработка дерева, изготовление из него различных вещей домашнего обихода.

С древних времен русские мастера, используя естественную красоту дерева, сооружали громадные храмы и дворцы, церкви и соборы, поражающие великолепием и изысканностью отделки. Из дерева делали корабли, кареты, телеги, сани, мебель, ткацкие станки, прялки, посуду — ложки, чашки, ковши, солонки. В этих изделиях сочетались мудрая простота и декоративная причудливость.

Вятские умельцы делали из дерева не только добротную мебель и посуду, но даже сложные механизмы. Крестьяне Марк Шабалин и Иван Баданин мастерили из дерева швейные машины, Яков Санников и Ефим Шампоров — велосипеды. Вятские столяры Макаровы положили начало производству красивых предметов домашнего обихода из капа.

Кап — своеобразный, свилеватый нарост или наплыв на стволе, а иногда на сучьях березы или других деревьев. Кап крепок, красив, изделия из него не коробятся, не трескаются, не разбухают и не рассыхаются. Поэтому он высоко ценится как поделочный ма-

териал для мелких столярных, резных и токарных изделий и фанерования.

Первые изделия Макаровых появились в 1820 году и сразу получили признание и широкую известность. В 1829 году вырезанные ими табакерки, папиросницы, солонки, шахматы экспонировались на первой Российской мануфактурной выставке, где авторам дали серебряную медаль «За трудолюбие и мастерство» и большую денежную премию.

Лука Леонтьевич Пересторонин делал из капа шкапулки с деревянными шарнирами, со сложными тайниками и секретами. Шкапулки работы Пересторонина имели большую известность в России и за рубежом.

Появился в Вятке еще один искусный кустарь-краснодеревец — Семен Иванович Бронников. Он не стал подражать ни Макаровым, ни Пересторонину. Он говорил, что кап — редкий и весьма ценный материал и из него надо делать такие вещи, чтобы удивить весь мир.

И решил Семен Бронников сделать из капа деревянные карманные часы.

В то время в Вятке была организована торгово-промышленная выставка по случаю приезда наследника престола — Александра. В числе прочих экспонатов выставки внимание наследника привлекли изящные деревянные карманные часы, изготовленные Семеном Бронниковым. Кстати, они были выставлены по настоянию Александра Ивановича Герцена, жившего тогда в Вятке в ссылке и принимавшего деятельное участие в организации выставки.

Бронниковы — выходцы из древнего города Бронницы Московской губернии —

были сосланы за участие в одном из бунтов против властей в Слободской уезд Вятской губернии. Это было в давние времена.

Семен Иванович Бронников первый выехал в город, тогдашнюю Вятку, где поселился с семьей и впоследствии получил звание мещанина. У него был свой дом. У Семена Ивановича и его жены Екатерины Григорьевны было семь сыновей — Николай, Михаил, Василий, Владимир, Роман, Алексей и Иван. Семен Иванович был хорошим краснодеревцем, но, познакомившись с каповым промыслом, стал делать из капа и карельской березы всевозможные шкапулки, коробочки с потайным дном, с потайными замками и другими фокусами, запонки, брошки, пудреницы и солонки. Им были сделаны и первые деревянные карманные часы, а также деревянное блюдо с гербами всех губерний России, заказанное городскими властями к приезду в Вятку наследника престола. На этом блюде городские власти преподнесли наследнику хлеб-соль. И блюдо и часы очень понравились будущему царю, и он пожелал приобрести оригинальные поделки вятского мужика.

Семену Ивановичу было милостиво предложено переехать в Петербург и стать резчиком по дереву при дворе. Бронников отказался от такой милости, а попросил помочь получить образование младшим детям. Василий, Владимир, Роман, Алексей и Иван были переведены в гимназию, где учились бесплатно и даже получали стипендию по 25 рублей в месяц каждый, все они окончили гимназию, а впоследствии трое из них — университет.

Василий Семенович впоследствии получил звание доктора медицины, защитил диссертацию по изобретенному им инструменту для удаления камней из мочевого пузыря. Роман умер от туберкулеза вскоре после окончания гимназии. Рано умер и Алексей.

Владимир Семенович в гимназии, и в университете был первым учеником. Иван Семенович, будучи учителем, а затем и инспектором реальных училищ в

Сызрани, продолжал увлекаться токарным делом.

Старший сын, Николай Семенович, долго жил в Вятке, был смотрителем городской больницы и резал по дереву.

Резчиком по дереву был и внук Семена Ивановича, сын Михаила Семеновича — Николай Михайлович Бронников, достигший наиболее высокого мастерства в изготовлении деревянных часов. Он был последним из славной династии вятских волшебников. В 1909 году он уехал из Вятки в Москву, где работал в известной часовой фирме «Павел Буре».

...Успех окрылил Семена Ивановича и он продолжил изготовление часов. В качестве материала стал применять слоновую кость, вытачивая из нее мелкие детали.

На очередной выставке в Вятке в 1862 году Семен Иванович показал деревянные и костяные часы с цепочками и другие изящные вещицы. Комитет выставки присудил Бронникову похвальный лист. В эти годы Семен Иванович работал уже не один — подросли старшие сыновья, Николай и Михаил.

Бронников и сыновья показали свои часы на Всероссийской выставке в Москве в 1864 году. И снова были награждены похвальным листом.

В 1867 году вятский губернатор получил предложение от канцелярии министра внутренних дел заказать Бронниковым двое деревянных часов. Заказ был выполнен. В 1870 году Николай и Михаил Бронниковы представили на Всероссийскую мануфактурную выставку в Петербурге карманные часы и получили дипломы с почетными отзывами и премией. На Всероссийской выставке 1872 года Бронниковы кроме часов показали и другие изделия — распятия, запонки, папиросницы, шкапулки для табака, серги.

Наивысшим взлетом славы братьев Бронниковых была Всемирная выставка в Вене, где в 1869 году они показали разные изделия из кости и дерева и получили дипломы. На выставке в Ка-

зани в 1886 году за деревянные карманные часы Бронникову получили малую серебряную медаль.

После десятилетнего перерыва в 1896 году на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде посетители вновь увидели «карманные каповые часы с пальмовым ходом и цепочкой в ореховом футляре». Их выставил Михаил Семенович Бронников, за что получил серебряную медаль. В 1900 году Вятское губернское земство отправило в Париж на Всемирную выставку каповые часы работы Бронниковых.

Последний раз в дореволюционное время каповые часы были показаны на Всероссийской выставке в Петербурге в 1902 году Николаем Михайловичем Бронниковым.

В 1967 году на Всемирной выставке «ЭКСПО-67» в Монреале в павильоне Советского Союза снова демонстрируются уникальные карманные часы из дерева, сделанные С. И. Бронниковым из Вятки 130 лет назад. И опять удивление и восхищение вызывали они у посетителей. Сейчас известны 32 часовых механизма работы вятских умельцев. Каждый из деревянных часов Бронниковых в деталях не похожи на другие, а все вместе не имеют себе ана-

лога в мировом народном творчестве. Где хранятся часы Бронниковых? В Оружейной палате Кремля, в Политехническом и в Государственном историческом музее — в Москве, в Государственном Русском музее, в Эрмитаже и в Государственном музее этнографии народов СССР — в Ленинграде. В Кировском областном краеведческом музее имеется пять экземпляров. Есть часы Бронниковых в Соликамском и Велико-Устюгом музеех, в физико-математическом салоне в Дрездене...

Есть деревянные часы и в частных коллекциях. Часы с куклами на фасаде нового здания Государственного театра кукол в Москве имеют прямое отношение к пристрастию главного режиссера театра, народного артиста СССР С. В. Образова. Сергей Владимирович — страстный любитель и собиратель всего прекрасного. Имеет он в своем собрании и два экземпляра часов работы Бронниковых. И самое удивительное то, что одни из них ходят.

Часы Бронниковых имеются также у известного собирателя и реставратора часов П. В. Курдюкова из Ангарска и, как уже говорилось, у автора этого очерка.

ПРЕРВАЮЩАЯ ИГРА

Повесть

**Дмитрий
СЕРГЕЕВ**

Рисунки Е. Стерлиговой

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Из особого отделения сейфа я извлек пакет, со всех сторон облепленный печатями. Он мог пролежать до конца полета, и я никогда не узнал бы его содержания. Если бы не исключительные обстоятельства.

Невольно припомнилась фраза из последнего разговора с Джамасом. «Если в ближайшее время не произойдет ничего исключительного...»

Не мог же Джамас знать о том, что произойдет на Земтере? Кто вообще мог предположить, что праведные рискнут напасть на нас?

В пакете значилось: «С сего часа на «Гроссмейстере» вступают в действие законы военного времени. Корабль поступает в распоряжение военного ведомства...» Дальше следовали кое-какие подробности: всем нам, мне и четверым постоянным членам экипажа, присваивались воинские звания; все, кто находится на борту, обязаны совершить священный обряд божбы; отныне мы должны перейти на другой шифр...

Я сообщил новость по селектору. Объявил:

— Через два часа всем собраться в тренировочном зале.

Особого волнения я не испытывал. Мне только не терпелось узнать, как именно решат использовать наш корабль. Никаких инструкций на этот случай в уставе не было.

Зинае и Джамасу я велел явиться в мою каюту. Нужно объявить им, что и они, находясь на борту корабля, поступают теперь в подчинение военного ведомства.

И еще — мне не хотелось в этом признаться самому себе — я не мог упустить последней возможности повидать их обоих до обряда, еще не вступив окончательно в роль военного начальника над ними. Пока есть время, нужно предостеречь Джамаса, чтобы впредь придерживал свой язык. Церемониться с ним я больше не стану.

Джамас и Зиная пришли вместе. Я забыл предупредить Зинаю, чтобы она не приводила Фебу. И не догадался запереть Пирата в другом отсеке. Собаки испортили торжественность

минуты. Мне пришлось ждать, пока они угомонятся.

— На Земтере война, — наконец объявил я.

— Этого нам только и не хватало! — непроизвольно вырвалось у Джамаса.

Зинаю мое сообщение вообще не затронуло. Она все еще поглаживала Пирата.

— Через два часа в тренировочном зале совершаем обряд.

— Как это? — спросил Джамас. В его глазах сверкнули смешливые искорки.

— Когда настанет время, узнаете, — жестко отрезал я: время пустых разглагольствований прошло. — Я посылаю запрос в центр, можно ли будет продолжать ваши работы. Пока не получу ответа, доступ в ледовую лабораторию для вас закрыт.

— Вынужден подчиниться.

Его уступчивость обескуражила меня. Я думал, он станет спорить, доказывать, что его опыты не имеют отношения к военным действиям...

Просигналил позывной селектора: «Гроссмейстер» вошел в зону действия постоянной космической связи. Сводка была по-деловому краткой. «Идут бои на подступах к Шоту. Противник несет тяжелые потери». Далее перечислялось, какие именно: сколько убитых, раненых, пленных...

Сводка как сводка. Странно одно — при чем здесь Шот? Это же наш город.

— Уточните название города в сводке, — приказал я и поймал на себе пристальный взгляд Джамаса.

— Вы думаете, ошибка? — спросил он.

— Уверен.

— Мы лишь совсем недавно получили сводку первого дня боев. А происходило это неделю назад, — заметил Джамас. — Нас просто не оповестили сразу о начале войны.

Он прав. Я не обратил внимания на даты. И все же...

— Не может быть, чтобы за неделю обстановка настолько изменилась, — возразил я.

Да и сам тон сводки не допускал этого, был победоносным: ни слова не говорилось о наших потерях. Наверно, они совсем ничтожны, не стоило и упоминать.

Вскоре пришло подтверждение: в названии города ошибки нет. Кроме того, сообщили подробности о том, как именно была спровоцирована война. Несколькими днями раньше в трех наших городах одновременно вспыхнули бунты. Мятеж подстрекали заброшенные в наши тылы отряды праведных, составленные, в основном, из элатов. Давнишние притязания на нашу территорию — вот, конечно, причина войны... На гнусные действия праведных мы ответили мощным ударом.

— Настолько мощным, что неделю спустя оцупились у стен Шота, — прокомментировал Джамас.

— Не нам с вами обсуждать замыслы командования, — оборвал я его.

— Памелл, я считал вас умным человеком. Неужели вы верите этим сказкам?

— Что вы называете сказками? — я посмотрел на часы: до назначенного мной времени сбора осталось около часа. Пусть он выскажется в последний раз.

— Да все, что они передали. Обе сводки.

— Как же, по-вашему, развивались события?

— Очень просто. Элаты, во всяком случае, ни при чем. Для восстания хватало и внутренних причин. А войну развязали затем, чтобы под шумок всех недовольных объявить пособниками праведных и покончить с ними. Но, видимо, восстание оказалось серьезней, чем предполагали. Вести бои на два фронта не под силу. И мятежные города отдали праведным: пусть чужие войска наведут там порядок, усмирят бунт.

— Вот что, Джамас, — сказал я серьезно. — Советую вам хорошенько поразмыслить. После того, как совершим божбу, я не стану выслушивать ваши бредни.

Интересно, сколько же времени не собирались мы все вместе? Очень все-таки странное существо человек. Первое время мы буквально не могли жить друг без друга. Но постепенно встречаться перестали совсем.

И вот, после стольких лет отчуждения, мы должны встретиться снова. Как пройдет эта встреча? Все же видеть друг друга по видеофону и вблизи — далеко не одно и то же.

По моему распоряжению роботы вкатили в спортивный зал специальную установку — большой стол с тумбою на нем. Несмотря на простоту формы, сооружение выглядело солидно, настраивало на ожидание чего-то таинственного, непостижимого. Уже одно то, что впервые за последние годы мы все пятеро собрались вместе, было необычно. Все украдкой разглядывали друг друга. С первого взгляда я не уловил, что именно оказалось для меня новым. Лишь не-

много спустя отметил — все мы ощутимо постарели. Отяжелели, что ли?

Строй получился не очень впечатляющим: слишком уж мало нас. Джамас и Зиная опаздывали. Я хотел связаться с ними и отчитать обоих, но в это время они появились. Феба вбежала вслед за ними, замерла неподвижно, разглядывая незнакомых людей, покосилась на Зинаю, словно спрашивая, как вести себя. И, видимо, потому, что хозяйка была встревожена, направилась по своему обыкновению обнюхивать ноги.

— Фебу удалить, — приказал я.

Зиная выпроводила сабаку.

— Становитесь в шеренгу, — показал я ей и Джамасу место на фланге.

Сам стал во главе строя, скомандовал:

— Внимание! — и включил установку.

Внутри величественной тумбы раздался легкий щелчок и почти неслышимый шелест. В тишине зала прозвучал голос:

— Отныне экипаж «Гроссмейстера» поступает в подчинение военного ведомства. В суровый час испытаний вы обязаны проявить мужество и верность. Дальнейшая судьба истинной веры во многом будет зависеть от вашей стойкости...

Речь была короткой, но впечатляющей. Ничего конкретного в ней не содержалось: ее сочинили двадцать лет назад такую, чтобы она годилась при любых обстоятельствах, — но все слова были жгучими и тревожно волнующими.

Едва умолк голос, зазвучал церковный гимн истинных, и старинный обряд божбы начался. Я приблизился к столу, верхний ящик в тумбе распахнулся сам собою. Внутри лежал обрядник — толстенная книга с древними священными текстами. Здесь же в кожаной папке хранился текст божбы. Под звуки обрядной музыки папка раскрылась. Голос у меня невольно дрогнул и сорвался от прилива чувств, когда я начал читать слова древней клятвы. Сейчас, в эти мгновения, каждый из нас может позволить себе быть взволнованным. Правую руку, как полагалось, я держал поверх переплета священной книги, ощущая легкую шероховатость добротной кожи. Затем по очереди к столу выходили другие. Они переживали те же самые чувства: голоса звучали торжественно и вдохновенно, вызывая невольный душевный трепет.

Лишь когда пришла очередь Джамаса, торжественность момента была смазана: невыразительным, тусклым голосом прочитал он высокие слова, попросту отбарабанил текст.

Последней была Зиная. Я невольно напрягся. От Зинаи приходилось ожидать какой угодно выходки. Она может, например, оборвать чтение на середине и спросить: «А что значит лечь косями? Тут сказано: «Если потребуется, лягу косями...»

— Зиная не будет божиться, — неожиданно заявил Джамас. — Ей нет семнадцати.

— Она говорила...

— Возраст ее большое место: Зинае хочется, чтобы ее считали взрослой. Нам пришлось запрашивать разрешение, чтобы ее допустили на корабль.

Я вынужден был согласиться с ним и подал сигнал об окончании процедуры. Опять что-то щелкнуло в тумбе, захлопнулась кожаная папка, закрылась дверца ящика. Раздался тот же голос:

— Поздравляю вас. Отныне вы стали воинами истинных.

— Господин истранг, позвольте войти.

В раскрытом люке на потолке появился Джамас.

Я с удовольствием отметил про себя, что он назвал меня не по имени, а по воинскому званию.

— Входите, ор-ранг. Но имейте в виду: решаю последний раз. Когда вы понадобится, я свяжусь с вами сам.

— Повинуюсь, господин истранг.

Джамас опустился на пол. Пират, как всегда, встретил его еще в воздухе. Теперь-то их объятия и вовсе были неуместны. Я примирился с этим лишь потому, что знал — последний раз. Это Зиная пока еще может приходить. Она не божилась и потому остается пассажиром.

— У вас есть ко мне дело, ор-ранг? — спросил я.

— Есть.

Что бы там ни было, он вынужден считаться с новой обстановкой и новыми отношениями между нами. Сесть без моего разрешения он не осмелился.

— Садитесь, — сказал я. — И выкладывайте, что у вас.

— Господин истранг, — сказал он, — я бы хотел знать, в чем теперь заключаются мои новые обязанности? Заниматься своим делом вы запретили...

— Ждать, быть готовым ко всему.

— А вы сами знаете, что именно нам предстоит?

— Я исполню свой долг до конца.

— Иначе говоря, сделаете все, что от вас потребуют?

— Я вовсе не обязан вступать с вами в разговор, но раз уж впустил вас...

— Тем более — последний раз, — подсказал он.

— Тем более — последний раз! — с нажимом повторил я. — Я исполню свой долг перед истинными. И заставляю повиноваться всех, кто находится на борту «Гроссмейстера». И никаких разговоров на эту тему не допущу.

— Хорошо. Но поскольку мы говорим в последний раз, позвольте один вопрос.

Я не сказал ни да, ни нет. Джамас воспользовался заминкой.

— Представьте: в ваших руках — средство одним ударом навсегда покончить с праведными. Уничтожить их города, их земли, поля... И такой приказ поступил бы...

— Такими средствами, увы, никто не располагает.

— Согласен. Ну, а если?.. И такое средство — у вас. Вы один решаете судьбу миллиардов, судьбу культур и цивилизаций.

— Если будет необходимо, я исполню свой долг. Я дал клятву.

— Что ж, выходит, и вас поймали на эту наживу? — В его голосе прозвучало нечто, вовсе уже недопустимое по отношению к старшему по званию.

— Про какую наживу вы говорите, ор-ранг? — сурово спросил я.

— Я имею в виду комедию, которую мы разыгрывали перед пустым ящиком с магнитофоном.

— Я прикажу арестовать вас!

— За что?

Он еще спрашивает! Да одной его улыбки достаточно, чтобы навеки упечь в тюрьму. В уставе, конечно, не предусмотрено, как следует улыбаться младшему чину, но я-то нутром чувствую, что означает его улыбка.

— Божба — один из способов лишить человека свободы, — продолжал он, как ни в чем не бывало. — Предполагается, что тот, кто взял с тебя божбу, несет ответственность за любые твои поступки, какие ты совершаешь, выполняя его волю. Обряд освобождает от необходимости думать...

— Прекратите!! Если я позволил вам разговаривать, это не значит, что вы можете говорить все, что взбредет. Не вынуждайте меня применять крутые меры. Отправляйтесь в свою каюту.

— Подчиняюсь, истранг! — по-уставному ответил он и повернулся к выходу.

— Отлучаться куда-либо без моего ведома запрещаю! — бросил я вслед ему.

Никаких изменений на корабле не произошло. Разве что все мы стали внимательнее следить за сводками новостей. Теперь можно было не ждать сеансов спецсвязи — ловили обычные радиопередачи. Изредка в сводках упоминались названия городов. Я пытался представить по ним линию фронта. Она проходила в глубине нашей территории.

Неожиданно пришла тревожная мысль. Зиная уверяет, что на Ларте нет вражды между истинными и праведными. Они даже выручают друг друга из беды. А станции и рудники тех и других разбросаны на планете вперемежку. Есть даже общие космические порты. Основное

военное сырье, без которого ни одна сторона не сможет вести долгую войну, доставляют с Ларта: земтерские рудники давно отработаны. Что же получается? Корабли праведных и истинных направились сейчас на Ларт за военным грузом. И там они будут стоять бок о бок, их будут нагружать одинаковым сырьем. Нелепость!

А тут еще элаты... Они усыпили бдительность таких вот простаков, как Зиная и Джамас, втерлись в доверие и сейчас, наверное, пожинают плоды. Что им стоит захватить на Ларте все рудники и контролировать космические порты? Как можно верить в искренность элатов?

С нетерпением дожидаясь я прихода Зинаи. Как обычно, она явилась с собакой. Лишь сейчас я заметил, что Пират едва ли не перерос Фебу. Правда, он все еще по-щенячьи нескладен и долгоног.

Мне показалось — Зиная чем-то сильно озабочена. Я не дал ей затеять обычную возню. Спросил:

— Тебе часто приходилось встречаться с праведными?

В ее напряженном взгляде мелькнул испуг. На секунду она растерялась: не ожидала вопроса. В последние дни, с тех пор как я посадил Джамаса под арест в каюте, мы с нею не разговаривали. Похоже, она не простила мне этого.

— Часто, — наконец сказала она.

— Очень часто? И вы подолгу бывали вместе?

— Очень. Подолгу. Однажды я целый месяц жила на их станции. Мы делали...

— А элаты среди них были? Ты лично встречалась с элатами?

— Конечно.

— Неужели ничего не замечала? Неужели они ни разу никого не обманули?

— Нет.

— Скажи, а они пытались обратить тебя в их веру?

— Нет.

— А как ты думаешь, сейчас они не нападут на истинных?

— Нападут? Зачем?

— На Земтере война. Разве они не захотят помочь своим?

— Нет, на Ларте этого не случится. Там все знают друг друга, — решительно заявила она.

И сколько я ни расспрашивал, стояла на своем:

— На Ларте никто ни на кого не нападает, там все помогают друг другу.

Припоминая события задним числом, удивляюсь, почему поведение Зинаи не насторожило меня. Отчего она так встревожилась, когда я заговорил с нею? Но верно и то, что опасаться мне было нечего. Джамас сидел в своей каюте под наблюдением опекунов. Они доложили бы мне, сделай он попытку выйти...

Поступила шифровка: «На стыковку с вами направлен грузовой космошип. Он заберет метон, находящийся в трюмах «Гроссмейстера». Готовность встречи доложить».

Вот когда узнал я, чем нагружали трюмы «Гроссмейстера» на Ларте! Мальки взяты, конечно, для отвода глаз.

Но тут-то все и завертелось...

Отдав необходимые распоряжения, я решил взглянуть, как размещен груз в трюмах, с какого борта удобнее провести стыковку. Ничего более кошмарного не могло бы случиться и во сне. Стратегического металла в трюмах не было — ни единого грамма. Вместо него лежали безобидные слитки пилана и страна. Вот что значит поручать ответственное дело лартянам...

Первым побуждением было немедленно расправиться с предателем. Джамас, конечно же, знал обо всем!

Но я удержался. Следовало подумать: нет ли здесь и моей вины?.. Однако упрекнуть себя было не в чем. Я строго соблюдал параграф устава — **не совал нос в чужое дело**.

«Если бы они доверяли нам, этого не случилось бы», — вдруг подумалось мне. «Они» для меня были: и экзаменационная комиссия нейро-квантиков, и тумба, перед которой мы божились, и те, кому я посылал донесения и кто отвечал мне, и те, кто составлял инструкции... Для «них» мы всего лишь говорящие приставки к автоматам. Более всего «их» заботит, не вышли ли мы из строя до времени. Вот отчего скрывают от нас даже и то, что нам просто необходимо знать.

Впервые я ощутил себя неполноценным человеком: все мои поступки и даже мысли предопределены инструкциями...

Я зашифровал подробную докладную и отправил на Земтер. Представляю себе, какой переполох вызовет она там.

Вызвал Джамаса и Зинаю.

— Можете торжествовать, — сказал я. Зиная недоуменно хлопала ресницами, глядя мне прямо в глаза. Но теперь я знал цену ее наивности. — Нет, увольте, с меня хватит! Ваше предательство оценят праведные. Возможно, они назовут это подвигом, а вас героями. Только свое вы получите. Жаль, что у меня нет власти расправиться с вами немедленно. Но знайте...

Меня прервал сигнал вызова. Я включил экран внутренней связи.

— Шифровка с Земтера, — объявил связист.

— Покажи.

В цифровом тексте имелся знак, который мне не нужно расшифровывать: по нему я узнавал степень срочности.

Напрасно только я велел связисту показать шифровку на экране: одновременно со мной ее

видели Зиная и Джамас. Однако Джамас не проявил особого любопытства — его взгляд мельком скользнул по экрану. Да и что он мог прочитать — одни цифры! К тому же никакого вреда он уже не причинит больше: отныне будет сидеть в своей каюте под присмотром опекунов, ожидая решения военного суда.

— Отправляйтесь! — сказал я. — Из кают ни шагу. Ждать своей судьбы вам недолго.

Недоумение и укоризна во взгляде Зинаи чуточку охладили мой пыл.

— А как же мальки? Я не могу бросить их!

«Да пропади они пропадом!» — хотелось мне воскликнуть, но что-то удержало меня, я пощадил Зинаю.

— Хорошо. Два раза в сутки можешь проводить их.

Дверь за ними закрылась.

Глупый Пират прыгал вокруг, хватал меня за штаны, звал из каюты — ему хотелось играть и резвиться. Я дал ему хорошего пинка. От изумления он даже не взвизгнул, только недоуменно посмотрел на меня.

«Рассчитайте маневр, цель которого — обрушить астероид на столицу праведных. Сообщите точное время маневра», — значилось в полученной шифровке.

«Вот это подарочек праведным!» — мысленно восхитился я. Мне и в голову не приходило, что ледяной астероид можно использовать вместо бомбы! Такая разнесет не только столицу праведных — половину материка сотрет в порошок. При этом пострадают и наши города. Но победа без жертв невозможна. Зато это будет окончательная победа. Да и командование постарается как-нибудь обезопасить своих, предупредить... Толком я не представлял себе, как можно обезопасить население — ведь после такого удара чудовищные землетрясения сотрясут всю планету. Но думать об этом не моя забота. Мое дело — в точности исполнить приказ. Поменьше рассуждать.

Сделать расчет было не так уж сложно. Через полчаса на Земтере наше командование уже знало время ответственного маневра. Им оставалось трое суток, чтобы подготовиться. Через три дня мы отпразднуем победу. Великолепную победу!

Меня так и подмывало сообщить об этом Джамасу. Посмотреть — как он примет новость?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вначале меня приплюснуло тяжестью, возникшей на короткий миг невесомость откуда, потом наступило состояние невесомости. Я все же успел пойматься за спинку кресла носком ботин-

ка. Пират, распластанный в воздухе под самым потолком, бестолково сучил лапами, пытаясь обрести нормальное состояние, удивленно тарачил на меня темные бусины глаз.

Каждодневные тренировки в течение всего полета нужны были именно для этой секунды — для непредвиденного. И они не прошли даром. Усилием мышц мне удалось втащить себя в кресло, правая рука легла на рукоятку пульта, взгляд скользнул по приборной доске. Стрелка, показывающая величину гравитации, возвращалась в нормальное положение; я почувствовал, как мое тело наливается тяжестью. В знакомом рисунке колеблющихся стрелок взгляд сам собою отыскивал главное. Непредусмотренный расход энергии был огромным. Приборы показывали, что на какую-то долю секунды включался аварийный густоктяжести. Он-то и не позволил ледяному астероиду рассыпаться на куски.

Хорошо, что в лаборатории никого нет. Не позавидовал бы я Джамасу, окажись он сейчас там. Услышать глубинный гул и хруст сдавленного льда, точно в кошмаре увидеть, как с потолка отваливаются ледяные глыбы, как на тебя ползут, сдвигаются массивные стены...

Эта картина промелькнула в уме, не мешая размышлять и действовать. Первой догадкой было: корабль попал в гравитационную заверть, по новейшей терминологии — джи-улово. Только откуда ей взяться, этой заверти? Почему ее нет на карте? Мы давно уже вышли на хорошо изученную трассу.

Я включил селектор, теперь все остальные на корабле видели меня. Очередность докладов они знали. Слушая их, я одновременно включил экран общего обзора: необходимо установить, что именно пострадало из внешней обстановки. Тускло сверкающая глыба льда на экране выглядела недвижимой. Ничего опасного не произошло: лишь два или три сигнальных маяка не подавали контрольных вспышек. Ущерб не велик. Громадный кусок льда, в котором заключен океан чистой воды, будет доставлен в целости. Но вместе с этой мыслью меня, точно занозой, кольнула другая: океан воды, который мы старательно бережем, — это бомба для праведных...

— Расход энергии составил 0,32 аварийного цикла... — докладывал между тем энергетик.

Если действительно была гравитационная заверть, мы коснулись лишь самого ее края. Попади корабль в центр джи-улова, мы не отделались бы так легко.

Следующим был штурман.

— Отклонение курса 0,71 галактического румба в направлении НГСЖ...

Это уже и вовсе пустяки. Нисколько не похоже на заверть... Я совершенно терялся в догадках.

После штурмана наступила очередь связиста. Но я и без доклада знал: у него тоже порядок. Случись что-нибудь исключительное, он не стал бы соблюдать очередность — сложившаяся обстановка давала ему такое право.

Внезапно на пульте замигал рубиновый глазок экстренного вызова. Связист, не закончив доклада, отключил свой передатчик. На экране возникло широкоскулое лицо Джамаса. У него-то что могло случиться?

Признаюсь, его вид неприятно удивил меня. Я и не подозревал, что лицо вафия способно выражать столь крайнюю степень растерянности. Первое серьезное испытание — и такой срыв. Он не знает даже, с чего начать.

— Что у вас? — сухо спросил я.

— Элион... Что стало с Элионом?!

— Возьмите себя в руки! Ваш опыт потерял всякое значение. Я прекращаю его.

— Вот как! Вы ответите, — пригрозил он.

Таким я никогда не видел его. Незнакомый и какой-то хищный блеск в глазах, напряженные складки на лбу.

Еще раз внимательно проверил все показатели на приборной доске. Всюду норма. Включил общий обзор, сфокусировал изображение и дал сильное увеличение. Два робота, обутые в ледолазные кошки, медленно ползли к погасшему маяку. Я включил звук и услышал голос энергетика:

— Уступ обходите справа по трещине!

Роботы послушно выполнили команду.

Теперь и я рассмотрел трещину. Прежде ее не было. Я проследил, куда она приведет: почти прямоком к погасшему маяку. Энергетик свое дело знал. Через час-два все повреждения будут ликвидированы.

Казалось, на этом можно было успокоиться. Ничего особенного не случилось, наш полет продолжался строго по графику. Ничтожное отклонение от курса можно не брать в расчет.

Однако какое-то смутное, непонятное беспокойство продолжало держать меня в напряжении.

«Мы же до сих пор не выяснили причину», — сообразил я.

В то, что корабль напоролся на джи-улово, я не поверил. Если бы это была заверть, мы бы не отделались так просто... Причина могла быть одна — произошел взрыв внутри астероида.

Чтобы просветить ледяной осколок, требуется огромная энергия. Включить установку проникающего излучения я мог, лишь согласовав действия с энергетиком. Немедленно связался с ним по закрытому каналу связи. Вместе с ним проверили запасы горючего.

Включили установку. Ею не пользовались уже более десяти лет. Тогда мы просвечивали

астероид, чтобы знать, достаточно ли он надежен. Составили подробную карту. Сейчас я слил с нею изображение, полученное на экране. Изменения были значительными: глубинные пещеры потеряли прежние формы, некоторых вовсе не стало. В центре, где находилась лаборатория Джамаса, образовался довольно длинный извилистый туннель. Судя по тому, что пустоты там сохранились, можно было предположить, что Элион уцелел. Хотя шансов на это было не так уж много.

Мои предположения подтвердились: именно отсюда, из этого места, и расходился сгусток трещин. Что же все-таки там произошло?

— Памелл, можно к тебе?

Обычно Зиная не спрашивала разрешения. Видимо, и на нее повлияло сегодняшнее происшествие. Две мордочки, ее и Фебы, выжидающе глядели на меня сквозь открытый люк на потолке. Пират, восторженно твякая, перевертывался в воздухе и уже подруливал к ним.

«Пожалуй, впредь нужно будет держать люк запертым, как требует устав», — подумал я.

— Памелл, нужно немедленно расчистить ход к бассейну. Я не знаю, что с мальками. Им пора задать корм.

Признаюсь, про мальков я совершенно забыл.

— Через два часа последствия аварии будут ликвидированы, ты сможешь навестить своих подопечных, — утешил я ее. — За два часа с ними ничего не произойдет.

Незаметно было, чтобы мои слова успокоили Зинаю. Она словно была заряжена тревогою. Ее возбуждение передалось собакам. Феба держалась настороженно, Пират бестолково суетился, недоумевая, отчего Зиная не затевает обычных игр. Несколько раз подбегал ко мне. Я избегал взгляда его восторженных доверчивых глаз. Было стыдно за незаслуженный пинок, каким я наградил его.

Вот уж не подозревал, что можно испытывать неловкость перед собакой.

Я запросил, как продвигаются работы по расчистке хода в спортивный зал. Попасть в бассейн можно будет только через него.

— Особого урона нет, — доложили мне. — Поврежден один робот-уборщик. И обнаружены еще два робота неизвестного назначения. Оба раздавлены.

Роботы неизвестного назначения — опекуны. Кроме меня, о них никто не знал. Потеря велика: в моем подчинении еще добрых два десятка опекунов. Я вспомнил, что дал своей гвардии задание охранять все главные входы, а остальные члены экипажа сейчас появляются там и сям. Как бы мои помощники не переусердствовали. Да и Джамаса теперь не нужно стегать: он уже не сможет проникнуть в свою

лабораторию. Я переключил всех опекунов на нейтральную позицию.

И нужно еще сказать Зинае, чтобы впредь она не заходила в мою каюту. Пусть играет с собаками в гимнастическом зале. Или в своей каюте.

— Господин истранг...

Голос показался незнакомым, я удивленно поднял голову. Джамас. Быстро же он воспользовался полученной свободой... Мельком я увидел обрадованно вспыхнувшее лицо Зинаи. Это неприятно кольнуло меня. Неужели ревность? Чушь! Много, чего не позволил бы никому другому, я потому лишь разрешал ей, что смотрел на нее, как на мальчишку. Впечатление от первой встречи с нею сохранилось незамутненным.

Джамас казался напуганным. Темные зрачки встревоженно бегали по комнате, словно он что-то искал в каюте.

Даже собаки заметили происшедшую в нем перемену. Кинулись было навстречу— он не удостоил их внимания, и они обескураженно возвратились на пол.

Хорошо, что Джамас явился. Мне следовало отчитать его. Он не смеет забывать, что обстановка переменялась.

— Войдите, ор-ранг.

— Мне нужно знать, когда восстановят ход в лабораторию,— заговорил он, не успев еще занять устойчивое положение на полу.— Я настаиваю...

— Не забывайте, ор-ранг!— оборвал я его и взглянул на часы: пора было объявить всем содержание шифровки.

Включил селектор. Признаюсь, я испытывал какое-то злорадство. Раньше меня постоянно смущало, что на корабле завелся человек, который имел свое собственное мнение и которого я невольно принужден был считать в чем-то выше себя. Сейчас он был всего лишь ор-ранг. Да и то ненадолго.

— ...Мы исполним свой долг,— строгим и торжественным голосом заключил я.— Отныне праведные навсегда перестанут угрожать нам. Это победа, господа! Заранее всех поздравляю с победой!

Я выключил селектор.

Зиная выглядела оглушенной, она как будто потеряла способность что-либо сознавать и чувствовать.

— М-да,— Джамас развел руками, словно хотел сказать: «В таком случае мои претензии отпадают».

Но именно вот этого «м-да», этого жеста я не ожидал от него. Что угодно, только не это.

— Похоже, судьба миллиардов не очень расстроила вас?

— Это победа!— приподнято сказал он.

Я был ошарашен.

— Недавно вы рассуждали иначе. Что же изменилось?

— Я много размышлял обо всем. Как-никак я прошел обряд божбы.

Вот тебе раз... Не похоже было, что он говорил с иронией или усмешкой.

— Должен во всем сознаться и просить прощения,— продолжал Джамас.— Я испытывал программу, заданную роботу. А в нее заложено было своеволие, непочтение к авторитетам, крайнее свободомыслие. Я держал с ним постоянную связь и передавал вам его ответы. Это были не мои мысли, не мои слова. Я ведь не мог знать, как станут развиваться события. Считал, что мой опыт все еще имеет какое-то значение... Искренне раскаиваюсь, что невольно ввел вас в заблуждение.

— Вы говорили не то, что думали?

— Помилуй бог! Я только испытывал новую программу для Элиона.

— А то, что в трюмах вместо стратегического металла оказался другой груз, тоже вошло в программу опыта?

— Я впервые услышал об этом от вас. Погрузкой ведали другие. Я не интересовался их делом.

Это походило на правду. В конце концов, каждый человек должен выполнять свои обязанности и не совать нос в чужие дела. Правило распространяется и на лартян. Однако...

— Не могу поверить человеку, который однажды солгал.

— Понимаю вас, истранг. Искренне раскаиваюсь.

Он стоял, напряженно вытянувшись, и преданно смотрел мне в лицо, как и полагалось младшему чину. Но меня почему-то внутренне передернуло от этой его угодливости. Не представлял я Джамаса таким.

— Можете возвращаться в свою каюту. Покидать ее без моего ведома по-прежнему не разрешаю.

— Вас понял, истранг.

Я посмотрел, как он взмыл к потолку, сохраняя раболепную позу. Должно быть, поэтому его движения были неловки и смешны. Нет, несколько меня не обрадовало его смирение. Прежний, несогласный со мною Джамас был куда приятнее...

Меня поразила необычная тишина в каюте.

Зиная сидела на полу. Собаки застыли перед нею, словно боялись вспугнуть мысли своей хозяйки. А у нее был такой вид, будто она силится решить трудную головоломку.

— Памелл...— От ее тихого голоса у меня пробежал холодок по спине: чужие тревога и страх передались мне.— Что случилось, Памелл?

— Что случилось?— нарочито бодро повторил я. Неужели она так расстроилась из-за каких-то злосчастных мальков?— Да ничего

особенного. Корабль попал в заверть, но опасность миновала, и...

— Нет, не то! Разве ты ничего не заметил? Что-то страшное случилось с Джамасом. Он не мог стать таким. Я же знаю его.

— Многие люди очень искусно притворяются. Ты слишком доверчива.

— Нет! Какой ты... Это был не Джамас!

— Кто же? — усмехнулся я.

— Это был тот.

Я догадался, кого она подразумевала.

— Глупости! Элион остался в центре астероида.

— Там Джамас! Настоящий Джамас. Он там, — в ее голосе звучала уверенность и короткая вспышка радости: наконец-то ей удалось решить головоломку.

— Исключается! — остановил я ее. — В моем распоряжении находятся специальные роботы. Я приказал им не выпускать Джамаса. Он не мог попасть в лабораторию.

— Но он был там! Я знаю...

Я изумленно смотрел в ее застывшие от напряжения глаза.

— Что ты знаешь?

— Так. Ничего... — Зиная явно растерялась. — Поверь мне, Джамас там!

— Он не мог попасть в лабораторию. Опекуны сообщили бы мне. Тебя он мог обвести вокруг пальца — но не их. Это же роботы. Их не подкупишь и не соблазнишь.

— Я не знаю, как он попал туда, но он был там!

— Он не мог попасть туда. Роботы...

— Да перестань! Затвердил: роботы, роботы! — в голосе Зинаи слышалось отчаяние. — Я не знаю, как он туда попал. Но он был там! И он там остался. Как ты можешь сидеть и рассуждать? Немедленно распорядись, чтобы начали пробивать ход в лабораторию!

— Замолчи! Не смей говорить со мной таким тоном.

— Не замолчу! — она готова была заплакать и совершенно не отдавала отчета в своих поступках. — Не замолчу! — Она даже притопнула на меня.

Феба зарычала, подозрительно глядя в мою сторону. Пират, не зная, что ему делать, визгливо затыкал, поглядывая то на меня, то на Зинаю. Ни с кем из нас ему не хотелось терять дружбу.

— Тем, что ты будешь топать и кричать на меня, делу не поможешь. Я должен побыть один. Отправляйся в каюту и не смей выходить!

Мой властный тон подействовал на нее. Она повиновалась.

И вдруг меня озарило.

Выходит, я ошибался, когда думал, что актриса из Зинаи не получится. Еще какая актриса

получилась! А если учесть, что играть свою роль ей пришлось без единой репетиции... Да еще так убедительно сыграть. Чуть-чуть я не влип, чуть-чуть не попался на удочку.

Не до конца ясно лишь одно. Зачем Джамасу нужен сейчас Элион? Или он хочет спасти из своей лаборатории что-то еще?

Но как же все-таки искусно сыграли они свои роли!

Едва Джамас пришел в себя после встряски, он связался с Зинаей. То, что вход в лабораторию завален, он, конечно, понял сам. Зачем-то ему необходимо побывать там. Зачем? Пока это загадка... Он связался с Зинаей, и они условились разыграть эту сцену. А иначе — как еще можно убедить меня в необходимости пробить новый туннель?

Но вот время для своего спектакля они выбрали неудачно.

В моих лихорадочных, торопливых рассуждениях все время был какой-то горький осадок. Я хорошо сознавал причину. Джамас для меня больше не существовал. Им займется военный суд, как только мы окажемся на Земтере. Неизвестно, правда, когда это будет. Но Зиная...

Я потянулся было к видеофону. Однако вызвать Зинаю не потребовалось.

— Памелл!..

Я оглянулся и в проеме дверного люка увидел ее лицо с изумленно раскрытыми глазами.

Я невольно вздрогнул от чувства, совершенно неуместного сейчас. Мысленно даже выругался. Я совсем не испытывал к ней справедливой ненависти — меня пронзило унижительное чувство обиды. Хорошо еще, что никто и никогда не узнает этого. Иначе я бы просто сгорел со стыда.

— Памелл!.. — Она стояла уже на полу возле моего кресла и, чем-то сконфуженная, просительно заглядывала мне в лицо. Я молчал, избегая ее взгляда. — Памелл, ты заподозрил, что я... Ну, что мы сговорились и обманули тебя?

Вот тебе раз! Этого вопроса я меньше всего ожидал от нее. На мгновение растерялся.

— Конечно же! — воскликнула она. Ее лицо выражало отчаяние. — Как я сразу не подумала об этом! Ты не поверил мне? Решил, что мы в сговоре?

«Старый дурак! — обозвал я себя. — Еще немного, и она растрогает тебя. Тс же мне истранг!»

Думаю, что мне все-таки удалось сохранить лицо невозмутимым: за двадцать лет я ведь разучился не только улыбаться.

— Да, я подумал именно это, — сказал я. — Всего лишь минуту назад я был уверен: так оно и есть.

— А теперь? — радостно вспыхнула она.

— Теперь верю тебе.

— Правда?! — в ее голосе звучал почти восторг. — Значит...

Да, черт возьми, об этом я не успел подумать. Ведь если они не в сговоре, тогда... тогда Зиная права, и ее подозрения... Нет! Это невозможно. Элион — это одеревенелое чучело — выдал себя за Джамаса?

— Подожди, — перебил я ее. — Ты серьезно думаешь, что здесь был Элион?

— Он. Джамас никогда не станет таким.

— Ты ослеплена! Ты просто влюблена в него. Так бывает. Ты не знала его по-настоящему. Ты просто воображала его другим.

— Неправда! Я хорошо знаю его!

— Ладно, — согласился я. — Но не этот же чурбан, который — ты сама говорила — передвигается на четвереньках...

— Я ничего не понимаю. Но это был он — Элион.

— Не мог же он мгновенно обучиться всему?

— Эксперимент, — подсказала Зиная и отчего-то отчаянно покраснела.

— Эксперимент, — повторил я. — Что это за таинственный эксперимент? Что ты знаешь о нем?

— Ничего. Джамас держал в тайне.

Вот когда я по-настоящему пожалел, что не знаю нейроквантики. Ведь описание эксперимента находилось у меня в руках, и я мог, если бы очень захотел, разобраться во всем. И не было бы сейчас никаких тайн.

— Хорошо, — решил я. — Мы отправимся в лабораторию. Не обязательно прорубать новый туннель. На корабле есть ледолазная лодка — она может передвигаться во льду...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вход в шахту из соединительного тамбура был уже расчищен. Несколько роботов под наблюдением инженера устанавливали временные крепи в коротком туннеле, ведущем к бассейну с мальками. Туда можно было пройти.

— Памелл, я сбегая, посмотрю, как там?

— Иди, — разрешил я. — В твоём распоряжении четверть часа.

Пират и Феба бросились вслед за нею. На роботов они не обращали внимания. Я мельком оглядел знакомый спортзал. Большеих перемен не произошло. Когда уборщики очистят пол от ледяного крошева и подровняют площадку, все станет как было. Собственно, восстанавливать спортивную арену теперь незачем. Через несколько суток все превратится в бесформенную полужидкую ледяную массу, которая расплывется по материке, заполнит впадины и хлынет в океан, слизнув по пути города...

Я поскорее отогнал эти мысли. Не мое дело размышлять о последствиях.

Ледолазка была пришвартована к борту корабля, попасть в нее можно только через спортивный зал. Я проверил исправность двигателей, систему управления и пульт дистанционной связи. Кабина рассчитана на пятерых, она занимает меньше трети всей лодки, остальное — двигатели и камеры с горючим.

Неожиданно появился Джамас. Он был сильно возбужден и даже не пытался скрыть этого.

— Вы собрались в лабораторию? И не предупредили меня?

— Ор-ранг! Не забываетесь, — одернул я его.

— Простите, истранг, — перестроился он. — Но вы должны понять меня! Все же я больше других заинтересован в судьбе оборудования. Я непременно должен попасть туда.

Быстрое решение пришло мне в голову. Там, в глубине ледяного астероида, я заставлю его признаться во всем, что он натворил. Если вздумает упорствовать, пригрожу тем, что брошу там его одного. Я был уверен: Джамаса можно взять на испуг.

А одновременно я докажу Зинае, что этот человек не заслуживает восхищения. Правда, она и не считает его человеком — думает, что это Элион. Пусть же увидит их вместе, ей придется расстаться с последними иллюзиями...

— Садитесь в кабину, — разрешил я Джамасу.

Возвратилась Зиная с собаками.

— Мальки живы! — крикнула она издали. — Я так боялась за них! У тебя готово? Можем отправляться?

Я не успел решить, следует брать собак или нет, как они запрыгнули в кабину следом за Зинаей.

Зиная не ожидала встретить здесь Джамаса. В полной растерянности она молча перекидывала испуганный взгляд с него на меня. Джамас, напротив, словно не заметил ни ее, ни собак.

Пока лодка медленно вонзалась в толщу льда, я еще раз проверил исправность всех узлов, испытал пульт дистанционной связи и предупредил остальных о нашей вылазке. Если потребуется, они свяжутся со мной по радио.

Наконец, можно было включить дюзы. Их вой на мгновение оглушил нас. Лодка рванулась вперед, теперь она пронизывала ледяную толщу, словно раскаленная игла. Мне все время приходилось следить за рычагами управления, удерживать нужный курс. За моей спиной жалобно скулил Пират. Путешествие в ледолазке пришлось ему не по вкусу: скорость была неравномерной, рывки сменялись торможением, и собак постоянно швыряло то вперед, то назад. Мы-то сидели в креслах, надежно пристегнутые к сиденьям...

На экране обозначился контур расплющенной пустоты — той самой, где находились лаборатория и соединительные коридоры. Я вовремя снизил скорость: лодка вошла в пустоту коридора и тут же остановилась. Места, чтобы развернуть ее в обратную сторону, было достаточно. На это ушло несколько минут. Теперь можно было выйти наружу.

Первой выпрыгнула Зиная, следом за ней собаки. Потом Джамас. Когда я вышел из кабины, их уже и след простыл.

Их торопливость показалась мне подозрительной. Почему они не дождались меня?

Не было видно даже отблесков света их индивидуальных светильников. Не в темноте же они пробираются? Странно все-таки... Я включил свой фонарь, луч света уперся в дальнюю стену. Разглядел небольшой затененный лаз, ведущий вглубь. Несколько трещин уводили в стороны от главного хода. Нужно быть хорошо уверенным в себе, чтобы рискнуть идти без света... Неподалеку в боковой трещине обрушилась льдина, грохот глухо разнесся в пустоте.

Я пустился вдогонку за Джамасом и Зинаей. У меня вновь зародилось подозрение, что они в сговоре. Они искусно разыгрывали взаимную вражду и отчуждение, чтобы притупить мою бдительность. Но теперь, когда достигли цели, не считали нужным скрываться... Я торопился настичь их. Жаль, что здесь в моем распоряжении нет опекунов. Вообще никого нет.

Что им нужно в лаборатории? Почему оба так рвутся туда?

Машинально я отломил осколок льда и сунул в рот. Ощутил приятный освежающий холодок. Лед показался мне сладковатым на вкус, во рту от него стало щекотно.

Любопытно, как быстро освоились собаки в невесомости. Мы-то продвигались с помощью кошек на руках и ногах.

Почему-то вдруг вспомнилась шахматная позиция в том положении, как она была прервана. Ответа на мои последние ходы с Земтера еще не пришло. Да, впрочем, и мне, и Глобу стало теперь не до шахмат. Что ж, игра прервана. Однако я никак не мог отвлечься от позиции. Более того, скоро выяснилось, что в памяти запечатлелась не только она — с такой же четкостью я увидел и остальные девять партий, одну за другой.

Со мною творилось что-то невероятное, необъяснимое: в доли секунды припомнились все ходы, сделанные раньше, я мог без малейшего усилия восстановить все до единой партии, даже самые первые из них. Сейчас я с невероятной легкостью отыскивал собственные ошибки и поражался глупости своих противников, которые не использовали столь очевидных промахов. Глоб, играй это он, не упустил бы возможности нанести мне разгромный удар.

Насколько же все-таки он играет сильнее прежних моих партнеров. И насколько я сам вырос!

В уме мелькнуло что-то важное, какой-то тревожный вопрос, который необходимо решить немедленно, не откладывая... Но я опять погрузился в шахматную позицию.

«Точно! Джамас был прав!» — едва не воскликнул я вслух в непонятном возбуждении. Джамас бесконечно прав: против меня играл не Глоб, а машина! Программа, заданная ей, стала ясна мне вдруг, будто я сам составлял ее. Воспаленный мозг работал неистово и стремительно, мог разыгрывать и анализировать все сыгранные мною партии одновременно. Я сортировал их, группируя похожие варианты, сравнивал, как играл сам и как играли против меня в аналогичных позициях когда-то и теперь. Мысленно проследил все этапы роста своих соперников, точнее — теперь я был убежден в этом — одного соперника, машины.

Почему же я не догадался об этом раньше?

Сейчас я и сам мог предсказать ответы машины на свои последние ходы.

Программа машины имела всего лишь один изъян. Видимо, Глоб убежден, что в любом положении можно отыскать единственный, наилучший ход. Он думает, достаточно определить все признаки, по которым следует оценивать плюсы и минусы позиции, и задать машине точные цифровые оценки. Свести поиск решения к простому арифметическому расчету. Но именно этот пункт и давал мне преимущество! Лучшего и единственного хода не может быть, я совершенно убежден в этом. Для меня на всех десяти досках было что выбирать. И теперь я знал, на каких вариантах следует остановиться.

Все эти мысли пришли мне в какие-то доли секунды.

В следующее мгновение меня поразила другая мысль. С чего у меня вдруг събывилась необыкновенная способность? Я как будто в самом деле видел перед собой все десять досок... Попробовал вспомнить что-нибудь другое. Выбрал самое трудное — папку с бумагами Джамаса.

Оказалось, что и их я тоже могу видеть с такой же четкостью, как шахматные фигуры. Значки и буквы формул, которые для меня не содержали ни малейшего смысла. Все страницы — каждую по отдельности — я мог рассматривать в подробностях, точно они находились сейчас перед глазами. Я попробовал читать. Мне удалось и это. Более того, я без усилия разобрал смысл написанного. Все, что я когда-то учил, но считал давно и прочно позабытым, вспоминалось в нужный момент. Там, где знаний не хватало, я постигал суть формул, вникая в чужую мысль.

Должно быть у меня воспалился мозг... Но если даже и так, воспаление не было болезнен-

ным. Я ни на мгновение не забывал, где нахожусь, куда и зачем продвигаюсь...

Мне стала ясна суть эксперимента. Джамас не побоялся дать мне свою папку, будучи абсолютно уверенным, что при моих знаниях я ничего не пойму. И он не ошибся. В обычном состоянии я ничего бы не понял. Но сейчас на меня накатился внезапный приступ вдохновения. То, что готовил Джамас, нельзя назвать киборгом. Киборг все-таки симбиоз человека и счетной машины. А Элион — не счетная машина, скорее искусственный человек, неодушевленная поначалу модель Джамаса. Эксперимент состоял в том, чтобы мгновенно, без длительного и трудного обучения передать Элиону все, что знал и умел сам Джамас. Зарядить Элиона духовно.

Так кто же сейчас находился с нами: Элион или Джамас?

И еще мне не ясно было, как Джамас попал в лабораторию. Он ведь не мог зарядить Элиона на расстоянии!

Впереди блеснул свет. Лабораторный зал был раздавлен, теперь из коридора в него можно было попасть сквозь пролом.

Злобно заворчала Феба, но, узнав меня, затихла. Яркий луч ударил в глаза, ненадолго ослепил.

— Это ты? — узнал я голос Зинаи. — А где Элион?

— Разве он не с тобой? — после яркого света я ничего не мог разглядеть в зале.

— Он опять что-то замышляет! Зачем ты его взял?

Наконец, глаза привыкли, и я увидел Зинаю. Вцепившись кошками в ледяной пол, она удерживала в руках продолговатый предмет, плавающий в воздухе. Я разглядел, что это человек, закутанный в одежды.

— Он живой! Он только закоченел, не может прийти в себя.

Человек — Элион или Джамас? — похоже, спал. Правда, дыхания не было слышно. Я пощупал руку: нет, все-таки живой, иначе давно бы окостенел в этом леднике.

— Нужно нести его в лодку и быстрее на корабль. Там он придет в чувство, — сказала Зиная.

— Будем надеяться — придет. Но... кто это?

— Джамас. Неужели ты до сих пор считаешь Джамасом того?

— Возможно, ты и права. Ты полагаешь, Элион способен на что-нибудь опасное... скажем, на убийство?

— Еще как способен! Разве это не ясно? Он же пытался убить Джамаса! Наверное, думал, что его раздавит льдами. А потом, когда мы собрались сюда, испугался, что Джамас жив. И что-то затеял опять... Где ты его оставил?

— Не паникуй, — успокоил я ее. — Пока он

ничего не сделал: если он надумает вернуться один, мы услышим рев мотора.

— Тогда будет поздно.

— Не будет. Свяжемся с кораблем. Его сразу же арестуют, а лодку снарядят за нами. Но скорее всего Элион заблудился. Ты видела, как много здесь боковых трещин.

Разговаривая, мы выбрались из зала в коридор.

«Будет поздно». Зиная и не подозревает, как она права. Связь с кораблем я могу держать только из лодки. Я не сказал об этом нарочно. Если ему взбредет в голову оставить нас, через сутки, другие мы превратимся в ледышки. Вернувшись на корабль, он сочинит какую-нибудь небылицу о нашей гибели... Но почему он тогда до сих пор не удрал? Чего он ждет?

И снова внезапная догадка поразила меня.

— Тише! — шепотом остановил я Зинаю. — Погаси фонарь.

Мы остались в темноте. Тусклое мерцание исходило теперь лишь от комбинезона Зинаи. Притихли в ожидании и собаки.

— Что? — совсем близко прозвучал возбужденный шепот.

— Оставайся здесь, не зажигай света, не

двигайся, не подавай никаких звуков. Я пойду один.

Я не стал говорить всей правды: положение было отчаянным. Я даже не был уверен, смогу ли сделать что-нибудь.

Теперь-то я понял, чего он ждет. Будь он уверен, что телеустановка в лаборатории вышла из строя, он давно бы пустился в обратный путь.

Я отчетливо представил его, сидящего сейчас в лодке в водительском кресле. Он положил руку на пусковой рычаг и ждет нас. Когда мы подойдем близко — включит дюзы. Струи раскаленного газа испепелят нас... Элион подозрительно прислушивается, ждет, когда на ледяных стенах пещеры появятся отблески света наших фонарей.

Я продвинулся совсем немного. Пробираясь по узкому лазу в темноте не так-то просто.

Внезапно услышал чье-то тихое дыхание. Загайлся. Кто-то осторожно и мягко прикоснулся ко мне сзади. Рука уткнулась в теплую шерсть, шершавый язык лизнул руку. Это была Феба. Издали донесся шепот Зинаи:

— Возьми ее, она будет слушаться тебя. Я велела ей.

Хоть я и не представлял, какой прок может быть от собаки, все же мне стало не так тревожно.

Вспомнился шум в боковой трещине, услышанный мною на пути в лабораторию. Как я не сообразил?.. Лед ведь сам по себе не мог грохотать: в невесомости глыбам некуда рушиться. Стало быть, там прятался Элион, выжидал, когда я пройду мимо.

Мы с Фебой достигли самого узкого пережима. Отсюда до лодки совсем недалеко. Я удвоил осторожность. Понятливая Феба, похоже, и дышать перестала.

Я и прежде поражался тому, как ловко передвигались собаки по коридору «Гроссмейстера» в невесомости. Сейчас Феба легко выбирала путь в крошечной темноте.

Наконец, последний поворот. Осторожно выглядываю: черный корпус лодки совсем рядом. Если сейчас запустить двигатели, от нас с Фебой не останется и горстки пепла.

Мои предположения оправдались. Из открытой дверцы кабины на ледяную стенку падала полоса света и тень головы. Элион наготове, голову высунул наружу, прислушивается, ждет. Как только слышит нас, захлопнет дверцу и рванет рычаг.

Тихо-тихо слышится похрустывание льдинок. В уме прикидываю, что лучше: попытаться подкрасться к нему и напасть или вступить в переговоры? Только вот не запустит ли он двигатели, едва услышит мой голос? И подкрасться незаметно невозможно...

Рядом я ощутил тепло. Это Феба. Влажный и теплый язык собаки коснулся моей щеки. Сейчас это дружеское прикосновение ничуть не противно мне. Феба словно чего-то ждет от меня.

А что если попытаться?..

Я прижался губами к самому уху собаки.

— Феба, вперед — взять, — шепчу ей. — Только, ради бога, осторожней...

Неслышный толчок лапами — и распластанное ловкое тело бесшумно проскользнуло сквозь пролом. Элион ничего не услышал, не изменил позы. Феба изящно скользила в воздухе, медленно приближаясь к нему. Сейчас он уже не мог видеть ее — мешала приотворенная дверца. Я затаил дыхание. Феба подобрала задние лапы, сжалась в комок, спружинивая мускулы для решительного броска. Я не уловил момента, когда она кинулась на Элиона. Раздался отчаянный вопль.

Я рванулся вперед, но застрял в тесной дыре. Вопль ужаса и непереносимого страха ни на мгновение не замолкал. Элион не ждал внезапного нападения, не приготовился к нему. Включить двигатели сейчас он не сможет, если даже ему и удастся рвануть рычаг: запустить их можно только при закрытой дверце. Я торопился на помощь Фебе. Однако меня опередил Пират. Он ухитрился проскользнуть сквозь дыру, когда она была почти полностью закрыта мо-

им телом. Собачий лай и ворчание удвоились. Я подоспел, когда Пират и Феба уже выволокли Элиона из кабины. Его трясло от пережитого страха, руками он закрывал лицо. Сквозь пальцы сочилась кровь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Начнем с шифровки, — сказал я, включив записывающий автомат. — Вы узнали ее содержание? Каким образом?

Джамас, устало откинувшись на спинку кресла, сидел напротив меня. По его губам скользила горькая усмешка.

— Почему эта чертова глыба не разлетелась на куски?

Я не ожидал такого вопроса. И вообще — спрашиваю здесь я.

— Так взрыв — дело ваших рук?

Собственно, это мне и без него ясно, я не понимал только, зачем понадобилось ему рисковать ради этого жизнью.

— Да, — признался он. — Дело моих рук.

Он с каким-то изумлением поглядел на свои бессильно лежащие кисти. Даже перевернул ладонями кверху, как будто самому не верилось, что это и есть те самые руки, которые повинны во всем.

— Зачем вы это сделали?

Помимо воли в моем голосе прозвучала жалость. Жалость, наверное, не к нему, а к себе. Я бы сейчас многим пожертвовал, чтобы вернуть наши недавние отношения. Но сейчас не время для сантиментов.

Джамас как-то странно смотрел на меня, будто хотел прочесть мои мысли.

— Чистосердечное признание смягчит вашу участь, — произнес я стереотипную фразу.

— Может быть, я еще и раскаяться должен? Этого вы добиваетесь? — с неприязнью произнес он. — Ни в чем не раскаиваюсь. Разве что... в своей ошибке.

— Какой ошибке?

Наш разговор будет записан дословно и передан в трибунал. Мне следовало придерживаться строгой последовательности в вопросах. Но у меня нет ясного плана: на корабле не оказалось инструкции по проведению допросов.

— Элион... Я слишком положился на него. Как на самого себя, — криво усмехнулся Джамас.

— Попрошу вас, — официальным тоном произнес я, — придерживаться последовательности. Первый вопрос: вы хотели взорвать астероид?

— Да! Хотел!

— Зачем?

— Чтобы сорвать вашу «гуманную миссию»? Вы же собрались избавиться от человечества от жажды...

Похоже, он действительно знал содержание шифровки. Иначе чем объяснить эту мрачную иронию в его голосе?

— Вы знали, какая операция готовится?

— Оказывается, это может звучать совсем невинно — «операция!»

— Вы знали содержание последней шифровки?

— Знал. Я видел ее.

— Моя вина. Я допустил, что текст закодированной телеграммы мне показали на экране видефона. — Я говорил это уже не Джамасу. Все равно мне придется давать показания для трибунала. — Я проявил непростительную халатность. Но... Вы могли видеть шифровку в течение нескольких секунд. Не больше.

— Этого достаточно. У меня фотографическая память.

Недавно и у меня ненадолго вдруг обнаружилась фотографическая память. Но я умолчал об этом.

— Мало запомнить, — сказал я вслух, — нужно еще расшифровать.

— Кодовые таблицы я похитил раньше, — Джамас чуть приметно усмехнулся. — Ваш сейф не больно-то надежен.

— Сейф вы не могли вскрыть! — не поверил я.

— Отчего же? Ключом служит узор линий на вашем указательном пальце — разве не так? Отпечатки ваших пальцев я снял с дверной ручки. А изготовить ткань, имитирующую кожу руки, было не сложно.

М-да, теперь я окончательно убедился, что на корабле орудовал квалифицированный шпион.

— Объясните по порядку: в чем именно состоял ваш план, какая роль отводилась в нем Элиону и почему замысел не удался?

— Так ли уж это важно теперь?

— И все-таки, — настаивал я.

— Хорошо, — не стал спорить он. — Элион — это моя копия. Вернее, я думал: получится копия. Боюсь, что вам тут многого не понять. Я создал биомолекулярного робота. Даже и не робота — живое существо. Затем я должен был спроецировать в его мозг свой интеллект. Как это сделать, я мог бы объяснить только нейроквантике.

— Не считайте других простаками, Джамас. — Этого не следовало говорить, но я не мог удержаться. — Ваш расчет построен на суммарном импульсе коллективного состояния мозговых нейронов.

— Вы разбираетесь в нейроквантике? — опешил Джамас.

— Это не имеет отношения к делу, — сказал я. — Продолжим. Вы: изготовили копию самого себя, зарядили ее собственным интеллектом... Что дальше?

— Видимо, изоляция была недостаточной, проникло постороннее облучение: Элион не стал точной моей копией.

— А если бы он был точной копией, что тогда?

— Один из нас — безразлично кто — оставался в лаборатории, другой возвращался на корабль, отключал аварийную систему. Взрывом изнутри астероид разнесло бы на куски. И вы бы не смогли погубить Земтер.

— Не весь Земтер, а только земли праведных, — уточнил я. — Почему же замысел сорвался?

— Элион... У меня мелькнуло подозрение, когда он высказал, что справедливее будет, если погибну я, а он останется в живых и судить будут его. «Должен же и я испытать хоть что-нибудь», — заявил он. Я согласился с ним. В конце концов, было безразлично, кто из нас останется в лаборатории, кто пойдет на корабль. Мы оба обрекли себя на гибель. По крайней мере, так считал я.

На потолке звякнул сигнал. Рассыльный автомат принес заказанный мною завтрак. Нам предстоял еще долгий разговор, и нужно, чтобы Джамас подкрепился.

Пока автомат расставлял посуду, Джамас сидел, откинувшись на спинку стула, и безучастно смотрел перед собою.

Рассыльный удалился, я запер дверь на автощеколду. Если бы я всегда соблюдал это правило!.. Поздно я спохватился: теперь мне и самому не сдобровать. Правда, суд надо мной состоится не скоро. После того, как на Земтер обрушится океан льда, всем явно станет не до меня.

Я ждал, когда Джамас покончит с завтраком. Он не спешил. Впрочем, делал это не намеренно. Просто не мог быстрее. По-доброму, ему следовало хорошенько отдохнуть.

Взорвать астероид Джамас хотел с помощью энерготоплива, предназначенного для питания силовой установки. Взрыв был бы не очень мощным, но вполне достаточным, чтобы ледяная глыба развалилась на куски, которые уже невозможно будет обрушить на Земтер — они промчатся в нескольких километрах от планеты.

Но, к счастью, Элион не стал копией Джамаса. Ему совсем не хотелось погибать ради чужих целей. Достигнув корабля, он подал ложный знак, будто аварийная система отключена и он выполнил все, что требовалось. Он был уверен, что подлинный Джамас, если и уцелеет после взрыва, проживет недолго. Никто не заподозрит подмены.

Не будь Зинаи, Элион достиг бы своей цели. Я бы еще долго недоумевал, что же произошло с Джамасом, почему он вдруг преобразился, стал непохожим на себя...

Микрофоны я отключил, мне хотелось кое-что выяснить для себя.

— Почему Элион все-таки не стал вашим двойником? Вы же передали ему все свои мысли, стремления, словом, весь интеллект...

— Очевидно, не только интеллект составляет сущность человека.

— Что еще?

— То, что мы называем натурой. Природа избыточно запаслива, она не скупится в средствах, чтобы сохранить вид или особь. Новорожденный еще не обладает характером, в зависимости от условий, от обстановки в нем развивается один из возможных вариантов, который впоследствии закрепляется окончательно. Ни окружающие, ни сам человек даже и не подозревают о том, что он мог бы стать и совершенно иным, что у него могли развиться совершенно другие задатки. А эти непроявленные задатки сохраняются на всю жизнь. В редких, исключительных случаях они оживают, причем их власть над человеком может оказаться очень сильной. Да, в каждом из нас сохранены ростки иного характера.

— Выходит, Элион?..

— Да. Как ни досадно признаваться в этом, Элион приобрел мою квазинатуру, о которой я не подозревал и не узнал бы, возможно, никогда.

— Он труслив и подобострастен, холоден и расчетлив.

— Видимо, сказалось необычайное волнение, испытанное мною во время эксперимента. Теперь Элиона вряд ли уже изменишь.

— Кстати, ему сделали перевязку и укол. Скоро он придет в себя.

— Как вы намерены поступить с ним?

— Случай беспрецедентный. Я еще не решил.

— Я бы хотел присутствовать при допросе. — Исключается.

Признаюсь, мне пока не приходило в голову допрашивать Элиона. Интересно, как он поведет себя?

— Ну, хорошо, а если бы ничего не произошло, для какой цели тогда предназначался Элион?

— Цель была простая — сделать двойника. Так много замыслов рождалось здесь, — указательным пальцем он прикоснулся ко лбу, — работы хватало бы на десятерых. Хотелось иметь бескорыстного и надежного помощника. Один из нас по очереди всегда сидел бы и работал, другой наносил визиты и прочее. Одну жизнь мы разделили бы на двоих. Мне казалось, меня такая жизнь устроила бы вполне. А он во всем будет таким же, как я...

Джамас говорил сейчас как будто вовсе и не со мной. Во всяком случае, мне так казалось. На моем месте мог быть кто угодно, а он гово-

рил бы то же самое: ему нужно было высказаться.

— До самого последнего часа я не был уверен, что решусь на эксперимент. Снова и снова проверял расчеты, испытывал установку. Я не мог дать себе отчета, зачем это делаю — ведь все уже было проверено и испытано. Теперь-то я знаю: боялся, что не уживусь с двойником, у нас возникнет разлад, ему захочется собственной жизни, собственной судьбы. Вот чего я боялся. А поскольку он — это я, значит, я не был уверен в себе...

Я уже давно включил магнитофон, и слова Джамаса записывались на пленку. Для дознания может понадобиться его исповедь.

— Когда пришла эти шифровка... Я и раньше подозревал, что наши способности на отчаянный шаг, лишь бы доказать кому-то свою правоту. Неизвестно даже кому... Теперь, когда они явно проигрывали войну, им, при их одержимости, не оставалось иного выхода. Я решил и, выследив, когда вас не было в каюте, вскрыл сейф, достал таблицы...

— Вам помогла Зиная? — Я спросил не ради протокола: мне самому хотелось знать, насколько она замешана в деле.

— Поскольку вы часто вместе с нею бывали в спортивном зале, я попросил Зинаю, чтобы она задержала вас, если бы вам вздумалось возвратиться раньше времени. Только и всего. Зиная ничего не подозревала, я не посвящал ее в свои планы, — прибавил он поспешно, только сейчас сообразив, что каждое его слово может быть использовано против Зинаи. — Я никогда, ни одним словом, ни намеком не дал ей понять, что затеваю. Она решительно ничего не подозревала... Когда вы включили эту идиотскую штуку? — спросил он, с ненавистью взглянув на торчащие из стола микрофоны.

— Я рад, что Зиная не замешана в деле, — громко, для микрофона, сказал я.

— Иначе вы допросили бы и ее?

— Допроса ей не избежать. Но она будет допрошена как свидетель — не как соучастник.

— И на том спасибо.

— Остается выяснить последний пункт: как вам удалось проникнуть в лабораторию? Опекуны должны были задержать вас.

— На Ларте среди моих друзей находится один из конструкторов «Гроссмейстера». От него я и слышал про так называемых опекунов. Сообразить, как они отключаются, было нетрудно.

— Значит, Зиная говорила правду: вы были в лаборатории? Выходит, кое-что она знала?

— А вы хотите во что бы то ни стало впутать и ее?

— Я хочу одного: установить истину. Это мой долг.

— О! Когда речь заходит о долге, тут уж

вашего брата лучше не трогать. Пощады не будет никому.

— С врагами, кто бы они ни были, не церемонятся.

Некоторое время мы молчали, разглядывая друг друга в упор. Его самообладание поражаело меня. Это не Элион. Похоже, его ничуть не страшит собственная судьба. Или он все еще на что-то надеется? Напрасно надеется — не тот случай.

— У вас была связь с разведывательным центром праведных, — сказал я. — Каким способом вы поддерживали ее?

— С разведывательным центром?.. — в его голосе прозвучало неподдельное изумление.

— Не прикидывайтесь простаком, Джамас. Кто-то же руководил вами? Давал задания?

— Вот как! — неожиданно он рассмеялся. — Вы убеждены в этом? Впрочем, рассуждать иначе вы и не можете, не способны. А если кто-то просто не пожелал стать соучастником массового убийства? Не по заданию, а в силу своих убеждений и совести? Этого вам не предсказать?

— Это было бы изменой истинной вере.

— Вы имеете в виду спектакль, который мы разыгрывали перед тумбой с магнитофоном и священной книгой?

Я нажал кнопку: из стены появились двое опекунов.

— Надеть наручники, — распорядился я.

Джамас не сопротивлялся. Роботы с увесистыми дубинками в руках стояли за его спиной, пучеглазо уставившись на меня и ожидая дальнейших инструкций. Этакое бравые и исполнительные молодцы. На них я вполне могу положиться. Программа, заданная им, сформулирована четко и однозначно: они только выполняют приказы.

— У меня последняя просьба, — сказал Джамас.

— Говорите, — разрешил я.

— «Гроссмейстер» должен быть оснащен двумя, если не тремя спасательными шлюпками?

Я кивком подтвердил: «Да, оснащен».

— Пожертуйте одной из них — отправьте Зинаю на Ларт. После всего, что уже случилось, это ненамного отяжелит вашу вину.

— Хорошо, — сразу согласился я. Подобная мысль уже приходила мне в голову. — Я сделаю это.

Видимо, Джамас не рассчитывал на быстрый успех, он не мог скрыть своей радости.

— Навсегда останусь благодарен, — заверил он. — И... я хотел бы повидать ее.

— Только в моем присутствии.

— Если нельзя иначе...

Я включил малый экран, так, чтобы Зиная могла видеть лишь мое лицо, не всю каюту. Одновременно вновь отключил магнитофон.

— Зайди ко мне, — сказал я. — Только собак оставь у себя.

— Оставлю, — с непонятным мне раздражением сказала она. — Можешь не волноваться.

Непроизвольная улыбка осветила ее лицо, когда она увидела Джамаса. Из-за этой улыбки, предназначенной другому, я сразу возненавидел ее. Однако усилием воли подавил в себе унижительное чувство.

— Джамас хочет поговорить с тобой, — сказал я.

— Истранг был настолько любезен, что не отказал мне. Сядь! — велел он Зинае, которая недоуменно рассматривала опекунов за спиной Джамаса.

— Что это? — она оглянулась на меня.

— Не беспокойся, тебя они не тронут, — улыбкой ободрил ее Джамас. — Сядь! — настойчиво повторил он. — То, что я хочу сказать тебе, очень важно.

Зиная машинально опустилась на стул. Я не уверен, что она слушала Джамаса. Ее лицо выражало одно лишь недоумение.

— Скоро ты возвратишься на Ларт. Памелл обещал, — говорил Джамас. — Скажешь моему помощнику Виру — ты знакома с ним...

Я напряг внимание: мне непременно нужно вникнуть в смысл того, что Джамас хочет передать на Ларт. При существующем на Ларте положении любая информация сразу же станет известна врагам.

— Скажешь так: наша общая ошибка — ошибка Глоба и наша с Виром — в том, что мы слишком поверили в абсолютность знаний и законов, уже открытых наукой. Ты слышишь меня, Зиная?

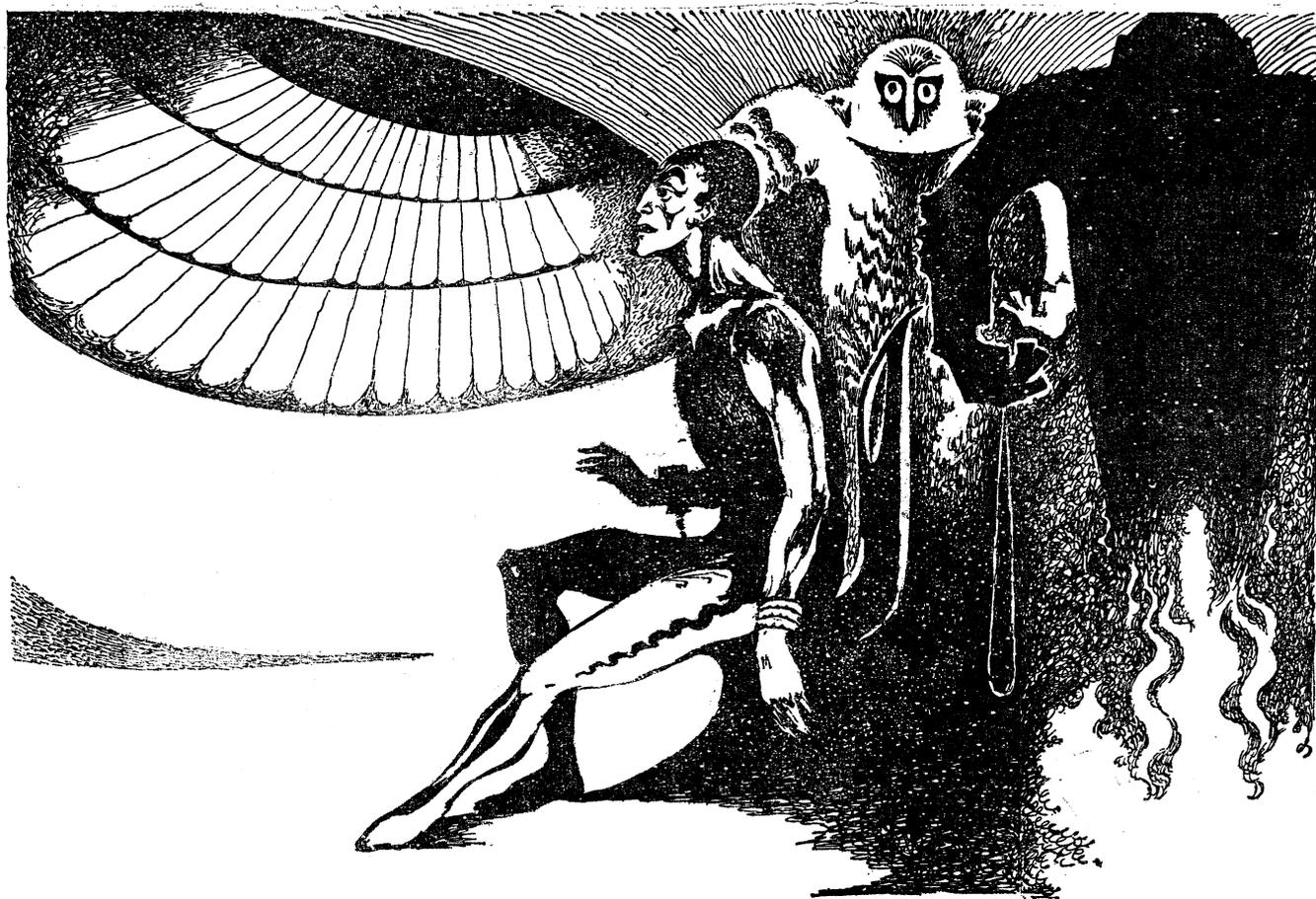
Она резко встряхнула головой.

— Слышу.

— Повтори.

— Ты сказал... — Зиная осеклась и опять уставилась на опекунов. — Что это?

— Тебя это не должно интересовать, — оборвал ее Джамас. — Я очень прошу тебя, Зиная, ни во что не вмешивайся — ты можешь только напортить и себе и мне. Ты прекрасно знаешь, как важна для меня работа, которой мы занимались с Виром. Я хочу предостеречь его от дальнейших ошибок.

Он пошевелился, тихонько звякнули наручники. Зиная только сейчас увидела их. И вновь повернулась ко мне.

— Это ты?! Это ты приказал?

— Зиная!..

Но теперь и Джамас потерял власть над нею.

— Ты!.. Ты!.. — она не находила подходящего слова, и это взбесило ее еще больше. — Ты не смеешь!..

— Зиная!! — вскричал Джамас. На этот раз она взглянула на него. — Истранг прав: он выполняет свой долг. И, пожалуйста, не вмешивайся не в свое дело. Ты все испортишь. Я же тебе сказал: мы договорились, Памелл поможет тебе возвратиться на Ларт. Ты ведь все время только об этом и мечтала. А если ты станешь бушевать и кричать на него...

— Он наденет наручники и на меня?

— У него есть такое право. Ты же знаешь о том, что идет война и он выполняет ответственный приказ.

— И ты тоже!.. — на этот раз испепеляющая ненависть во взгляде Зинаи была обращена на Джамаса. Мне показалось, даже и он опешил. — Ты позволишь ему выполнить этот дурацкий «ответственный» приказ?

— Ты сама знаешь: я сделал все, что мог. Подвел Элион. В нем я просчитался.

Вот как! Они невольно выдали себя. Собственно, я подозревал это сразу. Поэтому и не хотел допрашивать Зинаю. Она бы все равно созналась, и тогда я обязан был бы и ее предать военному суду.

«Хорошо, что не включен магнитофон», — мелькнула в голове кошунственная мысль.

— Элион... Я с самого начала не верила в него. Я же предлагала совсем другое!

— Лучше, если замолчишь! — прервал я ее невольно. — Будем считать, что ты ничего не сказала, ни в чем не призналась. Сейчас же соберайся, забирай своих псов. Необходимое снаряжение и запас продуктов в шлюпке имеются. Вы не будете нуждаться ни в чем. На орбите Ларта вас встретят.

— Я никуда не полечу! — заявила Зиная.

— В таком случае, я отправлю тебя насильно.

Навязали же на мою голову эту Зинаю! Мало того, что из-за нее я готов пойти на преступление...

— Джамас, ну почему ты не поверил мне?! Ты с самого начала не считал его за человека. Он же совсем не безнадежен!

Настала моя очередь изумляться. Выходит, они говорили обо мне, прежде чем Джамас решил использовать Элиона? И Зиная, похоже, отстаивала меня — то есть именно она считала меня за человека, а Джамас не соглашался с нею...

— Его еще можно убедить! Он же не робот.

А ты опустил руки! Тебе нет дела, что на Земтере будут убиты миллиарды людей! Ты только притворялся, что интересуешься их судьбой. Тебя волнует одно твоё открытие. А кому оно будет нужно?

— Ты все испортила, Зиная, — сказал Джамас. — Ты думаешь, теперь он отпустит тебя? Ты погибнешь вместе с нами.

— А я и не хочу спасаться! И спасти какие-то твои научные открытия... Они никому не нужны. И я сама буду разговаривать с ним.

— О чем ты хочешь говорить со мной? — спросил я.

— Памелл... Ты же не выполнишь этот дурацкий приказ?

— Зиная, Джамас дал тебе разумный совет ни во что не вмешиваться. Ты не божилась, и я не привлеку тебя к суду вместе с ним... Последний раз говорю: отправляйся в шлюп. У нас мало времени.

— Ненавижу! Ненавижу вас обоих!

Я надавил кнопку под столом — из стены выступили еще двое опекунов. Зиная попыталась вырваться из их лап, но сразу же затихла, оцепенев от боли.

— Не так грубо! — вскричал я, потеряв от волнения способность рассуждать здраво: эти молодчики со стальной мускулатурой не обучены деликатным манерам. — Отпустите!

Истуканы повиновались. Зиная, теряя сознание, опустилась на пол. Я подхватил ее, перенес в кресло. Брызнул в лицо воды. Румянец проступил на ее щеках. Опекуны заняли место позади нее. Я поспешил отключить их, всех четверых, — неизвестно, что они еще способны натворить.

— Выпей, — я придвинул Зинае стакан воды. Она оттолкнула мою руку.

— Не прикасайся!

— Ты сама вынудила меня прибегнуть к помощи опекунов.

— Вот и верни их. Зачем убрал?

— Я не думал, что они так поступят...

Все это время Джамас сидел не шелохнувшись, невидящими глазами уставившись прямо перед собою.

— Теперь ты поняла, что тебя ждет здесь, — сказал я. — Послушайся совета — возвращайся на Ларт. Ты испытала самое малое из того, чему обучены опекуны. В подчинении Памелла их несколько десятков. А он и сам толком не знает, на что они способны, ведь он всего лишь придаток к хорошо отлаженной машине. Как и все они — весь экипаж.

— Не пытайтесь задеть мое самолюбие, Джамас. Вы говорите глупости. Каждому ясно: кораблем управляем мы, а не наоборот.

— Тогда зачем вас отучали шутить? — ехидно спросила Зиная. — Чтобы легче было управлять кораблем?

— Именно, — подтвердил я, обращаясь к Джамасу. Смотреть в глаза Зинае не хватало духу, и я не хотел признаться себе в этом. — Иначе нельзя. Приказ, неверно понятый автоматом, может привести к непредвиденному. Если автомат...

— Туп, — подсказала Зиная. — Если твои автоматы тупы, должна отупеть и команда. Чтобы понимать друг друга на равных. Ты прекрасно освоился с ними — сам превратился в автомат. Джамас был прав, я зря спорила с ним. Да тебя и винить нельзя: за двадцать лет на твоём месте отупеет кто угодно. Теперь ты автоматически исполнишь чужой приказ... И, пожалуйста, не думай, для кого и зачем нужно убивать половину населения Земтера. Нагрузка не для твоих мозгов. Зачем тебе размышлять — у тебя приказ...

Зиная не могла остановиться, она совершенно не владела собой. У нее было безумное лицо. Она ненавидела меня и Джамаса — обоих нас, ненавидела какой-то болезненной истерической ненавистью.

— Зиная... — Голос Джамаса прозвучал мягко, почти вкрадчиво, он явно был озабочен ее состоянием.

— Что — Зиная?! — судорожно повернулась она к нему.

— Успокойся, возьми себя в руки. Я прошу тебя.

— Он просит меня! Он хочет мне добра! Он боится, что я наговорила лишнего и испортила его замысел. Он думает о своей будущей работе, которую без него завершит Вир. Он бескорыстен: его заботит не слава, а успех будущего открытия. Да такие, как ты, вдвойне опасней, чем он! — не оборачиваясь, Зиная рукой указала в мою сторону. — Ты ни в чем не смеешь упрекать его. Разве что в одном — он служит не тебе!

— Ты не должна так говорить, Зиная. — Ее слова задела его за живое. — Ты не права. Ты знаешь, я сделал все, что мог.

У меня не было времени слушать их бредовый разговор: пора было готовить корабль к последнему маневру. Через несколько часов мы приблизимся к расчетной позиции... По моему приказу из ниш появились опекуны. Я приказал увести Джамаса в карцер. Зинаю велел запереть в ее каюте.

— Не пытайся сопротивляться, — предупредил я Зинаю. — Они способны причинить боль.

— Подумайте, он еще заботится обо мне! Ему не хочется испытывать угрызений совести...

Необходимо взять себя в руки. К началу маневра я должен быть собран, готов к любым неожиданностям. Я обязан контролировать весь маневр от начала до конца: если в расчет вкра-

лась хотя бы ничтожная ошибка, может случиться непоправимое.

Прибегнуть к испытанному методу самовнушения — увидеть себя со стороны? Пять-десять минут — и я являюсь в роли полновластного и точного в своих действиях командира «Гроссмейстера»... Но сейчас мне претило прибегать к испытанному способу. В ушах все еще звучал презрительный голос Зинаи, ее обидные, хлесткие слова — так разговаривают с человеком, которого уже ни во что не ставят. В моей власти заставить замолчать их обоих. Но мне не забыть ее слов, ее интонации, ее уничижительного взгляда...

И еще один вопрос мучил меня. Выходит, между ними был какой-то разговор обо мне. Еще до того, как Джамас провел свой эксперимент, до того, как оживил Элиона. Любопытно, что именно говорила тогда Зиная. Почему она надеялась склонить меня к измене?

«Да ведь я же могу узнать все, что они говорили», — внезапно пришло мне на ум.

Для заключенных отведены две каюты-карцера. Обе сейчас заняты. В одну помещен Джамас, в другую Элион. Я вошел к Элиону.

Опять меня невольно покорило, когда я увидел знакомое лицо и фигуру человека в подобострастной позе, увидел вспышку страха в блуждающих глазах.

Элион был в наручниках. Прскушенная Фейбой рука перебинтована. Завидев меня, он тут же вскочил.

— Садись, — разрешил я.

В карцере один грубый стул и подвесная койка у стены, ничем не застланная. Элион дождался, когда я сел на стул, и лишь тогда опустился на краешек койки, из угодливости застыл в какой-то особенно неловкой позе.

— Поверьте, истранг, я глубоко раскаиваюсь...

— Очень хорошо, — прервал я его. — Раскаяние будет учтено судом. Но я хочу знать другое. Ты должен помнить все, что делал Джамас, все, что он говорил.

— Только до эксперимента. И я не могу нести ответственности за его поступки и намерения, — поспешно добавил он.

— За чужие поступки тебя не накажут, — заверил я его. — вспомни, о чем говорил Джамас с Зинаей перед тем, как он отправился в лабораторию.

Копируя Джамаса, Элион свел брови над переносицей.

— Я помню дословно, — сказал он. — Но поверьте, истранг, я совершенно не согласен с ним! Я питаю к вам совсем другие чувства!

— О чем они говорили? Не тяни!

Элион повторил весь разговор с протоколь-

ной последовательностью. Несколько раз он прерывал себя и клялся, что не разделяет мнения Джамаса.

— Поймите, истранг, мне страшно погибнуть ни за что! Мне только что открылось, как хороша жизнь. Я могу быть полезен вам!

— Не ной! — обрывал я его.

Своими стенаниями и клятвами он мешал мне мысленно увидеть сцену, происходившую между Зинаей и Джамасом.

— Мы не можем рисковать. Нужно действовать наверняка. Ты поддаешься чувству, а оно может подвести. За двадцать лет Памелл превратился в тупого исполнителя. Он подозрителен и недоверчив. Боюсь, что он примет меня за шпиона, работающего на праведных, заговори я с ним серьезно.

— Мне страшно, Джамас. Ты ничего не понимаешь. Ты... Мне кажется, ты становишься бесчувственным.

Я легко представил, какими глазами в этот момент смотрела на него Зиная.

— Не понимаю, чего ты боишься? Все время твердишь, что тебе страшно. У тебя создается ничем не оправданное предубеждение к Элиону. А ведь после эксперимента ты не отличишь нас друг от друга.

— Всегда узнаю! И не хочу этого. Я верю, с Памеллом еще можно договориться, он способен многое понять. Он преображается на глазах. Вначале он не замечал Пирата, брезговал им, а теперь привязался. Только он стыдится своего чувства, не хочет показать...

— Ну, даже если Памелл и полюбил щенка, одно это еще не обратит его в человека. В твоих рассуждениях нет никакой логики.

— Но он же не только щенка... — Зиная не закончила фразу, но я и так понял, что она имела в виду. Вовсе она не такая простушка!

— Что ж, может быть и так, — согласился Джамас. — Но влюбленность в женщину всего лишь животное чувство. На него способны и солдафоны.

— Не смей так говорить! Мне он тоже нравится. Не так, как ты — совсем иначе. Он стал мне как будто отцом или дядей.

— Нет, Зиная. Все это одни эмоции. Рисковать нам нельзя. Я отправляюсь в лабораторию. Памелл ничего не будет подозревать — он же не знает, что я могу отключить опекунов.

— И все же мне кажется... На него еще можно повлиять. Не робот же он!

— Что ж, нам это еще предстоит впереди — влиять на Памелла. После того, как взорвем астероид. Только вряд ли можно надеяться на пощаду. Запомни: ты не причастна ни к чему, не пытайся защищать меня, ни в коем случае. Иначе суд может угрожать и тебе.

— Я не боюсь.

— Верю. Но ты ничего не достигнешь, только навлечешь подозрения на себя. Тебя примут за соучастницу.

— Если тебя приговорят к смерти... Но все равно, что бы ни было потом. Сюда возвращайся ты — там пусть останется Элион. Непременно вернись сам!

Я представил, как Зинаю передернуло от омерзения при одной мысли, что вместо Джамаса вернется его двойник.

— Хорошо, — обещал Джамас. — Вернусь я. Для нас это не будет иметь значения...

Я собрался уходить. Элион вскочил на ноги.

— Истранг, умоляю, скажите, какая участь ждет меня. И поверьте, я исполню любой ваш приказ. Я ведь не стал содействовать Джамасу. Я жалею и раскаиваюсь, что не признался вам сразу.

Я ушел, не сказав ему ничего. Судьба этого несчастного не занимала меня. Мне он был так же омерзителен, как и Зиная.

Вот, собственно, и все. Ничего особенного я не узнал. Довольно странно рассуждает Зиная. Главное для нее не то, что я командир «Гроссмейстера», истранг, а то, что я способен привязаться к собаке. Наивная и глупая девчонка! Впрочем, не такая уж наивная...

Но более всего меня поразило, что никакие они не пособники праведных. Говорили они наедине и не могли предполагать, что я узнаю про их разговор...

На самые ответственные маневры я обязан составлять перфокарту с подробным расчетом. Узкая картонная лента, наколотая там и сям, выглядит вполне безобидно. Через два с половиной часа я вставляю ее в центральный пульт управления кораблем. Автомат мгновенно считывает замысловатый узор протоколов и отрапортует, что задание понято. Затем я повторю приказ устно.

Вот кому я по-настоящему завидовал сейчас — автомат. Ему безразлично, какой приказ выполнять. Была бы безошибочно составлена перфокарта... До того, что произойдет на Земтере, когда завершится маневр, ему нет никакого дела.

Сверил часы с контрольными. Если я запоздаю отдать распоряжение, астероид и корабль пройдут мимо планеты.

Зашел в кают-компанию, включил большой визирный экран. Земтер занял его почти полностью — громадный оранжево-дымчатый шар во всю стену. Он выглядел устрашающим, в первое мгновение у меня возникло почти осязаемое чувство падения. Таким я не видел Зем-

тер двадцать лет. Мы приближались к планете с дневной стороны, лишь самая восточная окраина шара была погружена в ночь. Великолепные радужные отливы синего и фиолетового цвета мерцали в том месте. Сквозь блеклую дымку просматривались очертания материков, кое-где смазанные облаками.

Я отчетливо представил, как все произойдет. Вначале, когда включатся двигатели, всколыхнется «Гроссмейстер» — мы ощутим это внезапным приливом тяжести. Инерция, заложенная в движении ледяной громадины, недолго будет противостоять нарастающей мощи двигателей. Сила эта своротит астероид с прежнего пути и разгонит под другим углом. Затем отключится аварийная система, безупречно оберегавшая его добрые десять лет полета. Последует слабый взрыв — и астероид развалится на несколько глыб. «Гроссмейстер», высвобожденный из ледяных объятий, круто изменит направление. А чудовищные глыбы войдут в сферу притяжения Земтера. Дальнейшее будет неотвратимо.

На экране мы сможем видеть огненный вихрь, указывающий путь ледяных обломков в атмосфере. Последуют ослепительная вспышка и взрыв, который опустошит земли праведных. То, что уцелеет, сметут потоки воды.

Предвидя эту роковую минуту, наши укроются в подземельях — все, кого успеют и сочтут нужным предупредить.

Собственно, какое мне до всего этого дело? Тот, кто отдал приказ, все обдумал и рассчитал. Значит, так нужно...

Впервые за двадцать лет я блуждал по кораблю без определенной цели. Случайно забрел в зал, где недавно совершали обряд. «Спектакль», — как выразился Джамас. Он ведь уже тогда замыслил свой план... Как он смел произносить священные слова?!

Безотчетно я вывел на середину зала церемониальный стол. Он послушно выкатился — ему безразлично, для какой цели его тревожат. Обыкновенный стол с ящиком-тумбой наверху. Я нажал пусковую клавишу, крышка плавно откинулась, я опять увидел древнюю священную книгу. От одного лишь вида ее кожаного переплета невольный трепет охватил меня. А вот и микрофончики, искусно вмонтированные по углам ящика, сразу на них не обратишь внимания.

Для Джамаса это был всего лишь обыкновенный магнитофон...

— Не смей трогать. Вскрытие карается смертью.

Невольно я отдернул руку — так властно прозвучал голос из ящика.

И вдруг мне стало смешно. Кого я испугался? Голоса, записанного на магнитофон двадцать лет назад!

Вскрыл ящик. Действительно, внутри помещен самый обыкновенный магнитофон, даже не по-

следняя модель из тех, какие были известны тогда. Да и зачем было ставить последнюю модель?

Я вынул катушку с записью присяги, неизвестно для чего сунул в карман комбинезона.

Зачем я сделал это? Я ведь прекрасно знал, что слова, прозвучавшие из ящика, не пустая угроза. Пощады мне не будет. Подобного кощунства я и сам никому не простил бы...

Отдавая распоряжение содержать узника по строгому режиму, я не представлял себе, что это означает.

Джамас лежал на койке, распятый, с прикрученными к голым доскам руками и ногами. Двое опекунов дежурили подле него.

— Строгий режим отменяется, — распорядился я и, чтобы сгладить неловкость, которую испытал невольно, добавил: — Не подозревал ничего подобного...

— Вы многого не подозревали, Памелл. Да и я тоже, — заметил Джамас, разминая и массируя освобожденные запястья, на которых багровыми кругами отпечатались следы наручников.

— Признаюсь, мне немного жаль, что ваш план не удался, — вдруг вырвалось у меня. Я и сам поразился своим словам. А впрочем... Если бы Джамас добился своего, от меня теперь бы ничто уже не зависело. — Вы напрасно доверились Элиону. Не представляю, как я мог принять его за вас.

Болезненная улыбка искривила тонкие губы Джамаса.

— Что ж, — сказал он, — выходит, вы все же предполагали в моем характере черты, способные превратить меня в подлеца?

— Я просто никогда не задумывался об этом серьезно. И недостаточно хорошо знал вас. Зная же сразу догадалась.

— Увы, правы вы, а не она, — произнес он с горечью. — Возможность стать таким, как Элион, таилась для меня всегда.

Я понял, что его мучает.

— У вас с ним ничего общего, — искренне заверил я Джамаса. — Если не считать внешнего сходства. Теперь-то меня и сходство не обманет: без труда отличу.

Несколько минут мы молчали. Вдруг одна мысль пришла мне в голову.

— А собаки... — сказал я. — Они ничего не подозревали, ничего не могли знать, ничего не анализировали и не сопоставляли...

Внезапный интерес вспыхнул во взгляде Джамаса.

— А ведь это правда! Собаки же не спутали нас! Значит, какое-то отличие не ускользнуло от них. А я-то был абсолютно уверен, что Элион точная копия!

Эта мысль взбудоражила его.

— В том-то и беда — моя и тех, кто думает создать механического или биомолекулярного робота, обладающего способностями человека... Мы считаем свои знания о природе и способностях человека конечными и абсолютными. На самом же деле всегда есть что-то, о чем мы не подозреваем, что нам кажется не играющим роли, второстепенным... Зиная была права, тысячу раз права, когда предостерегала меня от поспешности.

— Она терпеть не могла Элиона...

— Да, да! — воскликнул Джамас. — Она наделена прозорливостью от природы, не от рассудка. Она совсем иная, чем вы, чем я, чем мы оба. Вот сейчас, в эти минуты, вами владеет долг, а мной... Одна мысль заботит меня — как сохранить и передать другим свое открытие. Гибель Земтера я переживаю только рассудком. Меня это волнует и страшит — но лишь через рассудок. А Зиная воспринимает жизнь обнаженными чувствами. Гибель других отдается болью в ее плоти — не в рассудке. Мы с вами никогда не потеряем головы, она же почти не способна рассуждать трезво. Может быть, именно поэтому она иначе относилась и к вам. Для меня вы человек, вышколенный в робота. Живого человека превратить в робота легче, чем сделать искусственного. Это требует куда меньших затрат. Определенное воспитание, выучка...

Странно, что его слова ничуть не задевали меня, не казались обидными. Я слушал Джамаса, как будто речь шла не обо мне.

— Поверьте, Памелл, я не хочу вас обидеть, — сказал он, словно подслушав мои мысли. — Сейчас я признаю: у меня не было морального права думать про вас худо. Из того, что собственные идеалы я ставлю выше и благороднее ваших, еще ничего не следует. Я живу по другой программе, отличной от вашей. А хуже она или лучше, не мне судить. Нельзя почитать мысль выше природы, выше желаний. Нам только кажется, будто мы побороли желания: мы всего лишь изменили их, подчинили своей, а иногда и чужой мысли. При всей нашей способности мыслить логически и считать с бешеной скоростью...

Я не понимал и половины того, что он говорил. Не очень и старался понять. Но последняя его фраза вдруг напомнила мне о недавнем озарении.

Перебив Джамаса, я рассказал ему о необычном состоянии, которое испытал, когда полз по заваленному ледяному штрэку.

Вначале он слушал невнимательно. Потом заинтересовался.

— Вы говорите: это походило на озарение?

— Я далеко не тугодум, но подобной способности никогда не предполагал за собой. Буквально все стало доступно мне. Я не только

вспомнил текст вашего проекта, хотя до этого лишь бегло перелистывал страницы, но сумел прочесть и понять все. И на это ушли считанные минуты. Это походило на вспышку гениальности.

— Включался мозговой подвал?

— Подвал? — переспросил я недоуменно.

— Нейроквантика всегда пользовалась нарочито упрощенными терминами: подвал, чердак, яма... Мозг руководит всей деятельностью организма, всех его органов и систем. Этой постоянной, непрерывной работы своего мозга человек не осознает и не управляет ею. Наше сознание контролирует лишь работу ничтожной части нейронов — «чердака» мозга. Именно здесь совершается то, что мы называем мышлением. Большая же часть мозга — «подвал» — ведает необычайно сложной деятельностью внутренних органов, регулирует и поддерживает режим работы организма в постоянно меняющихся условиях... Хорошо тренированный «чердак» справляется с довольно трудными задачами. Однако человек не делается гением за счет одного лишь «чердака». Внезапные открытия, когда вдруг, в одно мгновение становится ясным то, что месяцы и годы казалось туманным и неразрешимым, это не что иное, как помощь из «подвала». Но передача решения из биологического «подвала» в рассудочный «чердак» не осознается человеком и поэтому производит впечатление чуда.

— Но в чем же разница между тем, кого мы называем гением, и самым заурядным человеком или даже бездарью?

— Принципиальной разницы в конструкции мозга у различных людей нет. И тем не менее, разница между гением и человеком заурядным огромна. Один из них не может жить, не ставя постоянно перед собою мучительных вопросов. От того, решит он их или не решит, зависит состояние его духа. Вероятно, есть предел нагрузки на нейроны рассудочного отдела мозга, предел, при котором неразрешимая задача передается в «подвал». При частом подключении «подвала» возникает уже более или менее регулярная связь... Обычный же, заурядный человек не мучается загадками — его вполне устраивают чужие открытия и мысли.

— Значит, духовные страдания вынуждают мозг делать уступки — заниматься решением задач, какие ему навязывает осознанный разум человека?

— Возможно, так оно и есть. Кое-кто предполагает, правда, что можно принудить мозг работать в подобном режиме и без душевной маяты — воздействуя на него либо химически, либо облучением.

— Что же было со мной?

— Наверное, вас сильно встревожила загадка: «Что же произошло?» — и это дало толчок...

— Но занялся я вначале сущей ерундой — стал разбирать шахматные позиции.

— М-да,— хмыкнул Джамас.— Может быть, результат игры имел для вас особое значение?

— Отчасти да. Но были и заботы посерьезней.

— А еще что?.. Вы хорошо помните свое состояние?

— Помню, что взмок от пота, когда протискивался сквозь трещину. Даже лед... Джамас! — воскликнул я невольно.— Вы никогда не пробовали льда? Вот этого льда, из которого состоит наш астероид?

— Нет. Подумывал только, что надо бы испытать его кристаллическую структуру, магнитный заряд. За миллиарды лет астероид подвергался ведь всевозможным облучениям. А просто попробовать... Нет, не приходило на ум.

— А я попробовал. Он какой-то странный — сладковатый и щекотный...

— Может быть, лед и был причиной, на время включившей ваш мозговой «подвал»? Может быть, этот лед приобрел как раз те свойства, которые ищут ученые? Чуть! Этого я не могу допустить!

— А все же это был странный лед, Джамас!

Каюта Зинаи вдвое меньше моей, но много просторней, чем карцер. Феба, пострадавшая в схватке с Элионом, перебинтованная, лежала на кровати. Зиняя дежурила подле нее. Она не обернулась, когда я вошел. Молчание Зинаи и ее упрямая поза раздражали меня.

— Готовься,— сухо сказал я.— Через час полетишь на Ларт. Фебу заберешь с собой. Пирата тоже.

Зиняя не шелохнулась.

— Ты слышала?

— Уходи! — ее голос прозвучал глухо, но твердо.

Феба подняла голову, угрожающе зарычала и хотела вскочить, но Зиняя удержала ее.

— Лежи, лежи. Не обращай на него внимания... Уходи! — повторила она, сверкнув на меня ненавидящим взглядом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феба отказывалась есть.

— Фебушка, миленькая, ну хоть капельку! Тебе нужно поправляться, набирать сил,— угаривала ее Зиняя.

Собака преданными глазами смотрела на хозяйку, повиливая хвостом, лизала ей руки.

— Аппетит у нее скоро появится,— сказал Джамас.— И ей, и Пирату тяжело находиться постоянно в невесомости. На «Гроссмейстере» было не так... Но они привыкнут.

— Правда? — обрадовалась Зиняя.— Я так боюсь за нее! Скорее бы уж вернуться на Ларт.

Как медленно мы летим: еще целых три месяца... А на Ларте сейчас хорошо — не затихая поют метели... Памелл, ты слышал когда-нибудь, как все дрожит от пурги — и стены, и сам воздух? Не может быть лучшей музыки, чем вьюга. Разве что звон — тихий звон и шорох, какие всегда слышны при сильном морозе. Крепкий мороз — это чудесно!

— Мне случалось выходить в открытый космос. Там мороз посильнее, чем на Ларте.

— Это совсем не то! В космосе пустой мороз, а у нас снег и метель. В космосе пустота и глушь. Не люблю космоса...

После уютного и просторного «Гроссмейстера» в общей каюте маленького шипа чересчур тесно. Мы помещались все вместе — три человека и две собаки. Меня не покидало чувство непрочности, ненадежности нашего мирка, угнетало ощущение беспредельной пустоты, которую пронизывала наша ракета. Земтер, встреча с которым еще недавно устрашала меня, теперь держал в плену мои мысли и чувства. С ужасом предвидел я мучительную и постоянную тоску по нему, тоску, от которой не избавлюсь до конца дней.

Вспомнилось недавнее, поразительной явью живущее во мне, во всех моих чувствах, включая осязание.

...На ощупь перфокарта гладкая и жесткая. Мне не вдруг удалось смять ее в зажатом кулаке — она упорно сопротивлялась. Почему-то не приходила в голову простая мысль, что перфокарту можно выкинуть и не мять. Раз уж я решил не пользоваться ею...

Где-то далеко глухо прокатился тяжелый взрыв, от которого всем своим чревом вздрогнул наш «Гроссмейстер». На экране я видел, как один за другим погасли контрольные маяки, и астероид медленно начал разваливаться на куски.

Все! Теперь уже никто не свернет ледяные глыбы с их орбиты. Лишь через двадцать лет они снова пройдут вблизи Земтера.

Сумеют ли тогда земтеряне воспользоваться спасительной влагой, заключенной в них? А попутно, может быть, разгадают и необычные свойства этого льда? Или опять предпочтут междоусобную войну?

Размышлять мне некогда. Меньше, чем через час, с Земтера поступит запрос: что случилось? Как только там узнают правду, управление кораблем передадут в руки моего заместителя. Нужно спешить...

Теперь я уже затрудняюсь сказать, когда принял решение ослушаться приказа: в каюте ли Зинаи, или при последнем свидании с Джамасом? А может быть, решение созрело уже тогда, когда я вскрывал церемониальный ящик?

Или когда допрашивал Элиона? Впрочем, какое это имеет значение теперь, когда все уже в прошлом и я ничего не могу изменить!

На малую громкость включаю приемник, настраиваю на земтерскую станцию. В который раз ловлю одну и ту же передачу.

«Совершенно неслыханное предательство. Бывший командир «Гроссмейстера» перешел на сторону праведных и бежал на Ларт вместе с нейроквантиком Джамасом...»

Нас бранят и поносят по нескольку раз в сутки. Оба мы объявлены вне закона и, если когда-нибудь попадем в руки властей, нас ждет казнь. Однако на Ларте нам ничто не угрожает. Ларт взбунтовался, не подчиняется Земтеру. Истинные и праведные, которые, сказать по правде, во многом здесь изменились, чему, возможно, содействовали совершенно иные общественные отношения, образовали самостоятельное государство, отказались поставлять на Земтер стратегическое сырье. Так что на Земтере война скоро должна прекратиться сама собою.

— Вряд ли у них хватит ума остановиться,— заметил Джамас.

— Но если Ларт не даст им возможности вооружаться,— возразил я,— воевать станет просто нечем!

— Изобретут новые средства уничтожать друг друга!

— Они дикари,— вставила Зиная.— Цивилизация превратила их в дикарей.

— Ты говоришь глупости, Зиная. Цивилизация не может превратить человека в дикаря. Цивилизация создает бла...

Я остановился на полуслове. У меня не было ни малейшего желания продолжать этот спор. Да и начал я его лишь потому, что во мне еще жил прежний вымуштрованный земтерянин.

— Что ж, может быть, на Ларте развитие пойдет по иному пути? — предположил я.

Джамас с сомнением покачал головой.

— Лартян слишком мало. И у нас нет своего прошлого, наше прошлое на Земтере. Оторванные от него, мы зачахнем, не дав свежих ростков. Наши надежды могут быть связаны только с Земтером...

Джамас сильно изменился: его все время тяготила какая-то мысль. Это заметила и Зиная. Я видел, как она исподтишка встревоженно наблюдала за ним. Кажется, я догадывался о причине его беспокойства. Мне хотелось поговорить с ним с глазу на глаз, и я выбрал момент, когда Зиная перевязывала Фебу.

— Вас не должна заботить судьба Элиона. Он сам постоит за себя. Думаю, что он прекрасно уживется с земтерянами.

— Я тоже так считаю. Мне только противно думать, что породил его все-таки я.

Некоторое время Джамас молчал, погруженный в свои мысли.

— Памелл,— неожиданно он поднял голову, изучающе взглянул мне в лицо.

Я ждал, что он скажет.

— Не будет ли у вас желания совершить одну... ну, скажем,— усмехнулся он,— увеселительную прогулку? После того, как мы достигнем Ларта, разумеется.

— Что за прогулка? Куда?

— На Земтер.

— Вы шутите?

— Нет, Памелл,— сказал он серьезно,— не шучу.

— Но нас же будут судить! Они не посчитаются с тем, что вы большой ученый.

— Конечно, не посчитаются. Приговорят к смерти, другого я не жду.

— Тогда зачем же?..

— Зачем? — он внезапно оживился, заговорил быстро и убежденно.— Затем, чтобы посеять в умах людей семена сомнения. Сказать на суде правду о том, почему мы вынуждены были поступить именно так. Кто-то же прислушается к нашим словам! Не роботы же они!

— Что ж, я согласен.— Собственно, раздумывать мне не о чем. Я был даже рад такому исходу. Казнь на Земтере пугала меня меньше, чем долгая жизнь на чужом для меня Ларте.— Только зачем нам лететь на Ларт? Запасов горючего у нас хватит.

— А Зиная,— напомнил он.— Как быть с ней?

— Я полечу с вами!

Вот как — оказывается, она все слышала! Мы чересчур увлеклись и начали разговаривать в полный голос.

— Зиная, не говори глупостей.

— Почему? Почему ты считаешь, что я говорю глупости?! — надела она на Джамаса.— Умник! Я очень, очень прошу вас,— теперь она обращалась к нам обоим,— возьмите меня с собой! Вы правильно решили, и я хочу быть с вами. А приговора я не боюсь.

— Ну, хорошо... Полетишь,— сдался Джамас.

— Тогда...— Зиная радостно обернулась ко мне.— Начинай маневр!

— Мы вовсе не спешим, Зиная,— улыбнулся Джамас.— На Ларт мы вернемся не только из-за тебя. Пока на Земтере идет война, нет резона лететь туда — они нас казнят без суда, по законам военного времени. А нам непременно нужно, чтобы состоялся гласный суд.

За металлической обшивкой каюты беззвучно проносится черная пустота. До Ларта еще далеко. Хватит времени все вспомнить и обо всем передумать...

ХЛЕСТАКОВ, ОН ЖЕ ВОЛКОВ

**Владимир
АРИНИН,
Владимир
ПАНОВ**

Рисунки
Р. Каггикова

В 1969 году вологодский краевед В. К. Панов, занимаясь историей вологодского дворянства, неожиданно для самого себя сделал любопытное литературоведческое открытие: он обнаружил редкие архивные материалы, которые связаны с гениальной комедией Н. В. Гоголя «Ревизор».

В последующие годы В. К. Панов и журналист В. И. Аринин продолжили поиски, которые привели к новым литературным находкам. Эти материалы и легли в основу очерка.

...Осенью 1835 года Гоголь в разговоре с Пушкиным попросил поэта подсказать ему сюжет — «русский чисто анекдот» — для комедии.

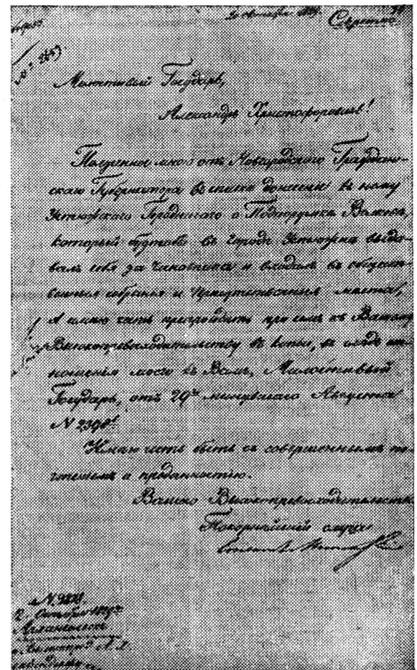
Как свидетельствует писатель В. Соллогуб, Пушкин рассказал Гоголю «про случай, бывший в городе Устюжне... о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей».

Любопытно, что самого Пушкина, приезжавшего в Нижний Новгород для сбора сведений о восстании Пугачева, местное чиновничество тоже приняло за тайного ревизора. «На этих двух данных (случай в Устюжне и случай с Пушкиным), — пишет Соллогуб, — задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя крестным отцом».

Гениальный поэт, возможно, сам хотел воспользоваться сюжетом, не случайно он сделал в своих планах такую запись: «Криспин приезжает в губернию на ярмарку — его принимают за (неразборчивое слово). Губернатор честный дурак. — Губернаторша с ним кокетничает. — Криспин сватается за дочь».

Однако затем Пушкин отказался от своего замысла и «подарил» его Гоголю, который сразу увлекся сюжетом. Писался «Ревизор» легко, на одном дыхании. «Да здравствует

Владимир Иванович Аринин — вологодский журналист, работает в газете «Красный Север». В Вологде живет и краевед **Владимир Капитонович Панов**. Публикуемый очерк — плод их совместного поиска и труда.

комедия!» — увлеченно воскликнул Гоголь в письме к Погодину.

Все это общеизвестные факты. Литературоведы прекрасно знали, что в основу «Ревизора» положено действительное происшествие, случившееся в 1829 году в уездном городке Устюжне (в то время этот городок относился к Новгородской губернии, ныне — Вологодская область).

Сохранилось и было давно опубликовано письмо новгородского губернатора А. Денфера устюженскому городничему Ивану Александровичу Макшееву. Денфер запрашивал Макшеева о происшествии.

Вот этот документ:
«20 мая 1829 года

Милостивый Государь мой Иван Александрович! Известясь частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях и в карете, некто в партикулярном платье с Мальтийским знаком проживает во вверенном Вам граде более 5 дней, о причине столь долгого его нахож-

деня, ниже того к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей и даже сами Вы не знаете, почему необходимо имену иметь от Вас сведения по какому случаю проживал он в Устюжне, не входили в общественные собрания и в присутственные места и не обращал ли он какого-либо внимания на какие-нибудь предметы, если же он и ныне находится в Устюжне, спросите его и меня без промедления времени уведомите.

С почтением имену честь быть
Милостивый Государь мой
Ваш покорный слуга
АВГУСТ ДЕНФЕР.

Но что ответил городничий?
Никаких документальных свидетельств не было.

...Центральный государственный архив Октябрьской революции. Здесь среди материалов бывшего III отделения собственной канцелярии его императорского величества имеется одно внешне ничем не примечательное дело, заведенное на некоего вологодского помещика Платона Волкова, который и был в некотором роде... Хлестаковым. Жандармы знали об его похождениях и собрали на него материалы.

В деле П. Волкова находится и копия пресловутого ответа устюженского городничего новгородскому губернатору. И. Макшеев пишет А. Денферу:

«Почтеннейшее письмо ваше 27 мая имел счастье получить, на которое имену честь донести, что точно 10 мая был приехавший в вверенный мне город отставной подпоручик Вологодской помещик Платон Григорьев Волков, прибыл в город на почтовых лошадах с Вологодского тракта, а на другой день прибыли его лошади в карете; прислуга при нем: два лакея и кучер; сам был в партикулярном платье, имея Мальтийский знак.

По приезде в город расположился в квартире, а на другой день пригласил к себе штаб-лекаря, брал у него лекарства, за которые его удовлетворил. Я у него был, и он мне объявил, что по случаю болезни пробудет дней пять в городе, в домах был у меня два раза, у г-на исправника, у откупщика и на именинах у штаб-лекаря.

В присутствии не входил, а был у меня в Городническом правлении

часто, просил показать ему острог, где смотрел его расположение и сие желал по моему заключению, из любопытства, в лазарет его пригласил штаб-лекаря, где он только посмотрел Аптеку, в училище духовном и Городовом был сам по себе, в соборе служил Молсбен и просил Протопопа показать ему ризницу, и все оное делал отношением к лицам, до кого касалось, самым вежливым образом, а 17 мая отсюда отправился в С.-Петербург и будет иметь жительство у дяди его Бобрыкина в собственном его доме в Литейной части Фури табской улице близ кирки св. Анны.

Я за нужное не полагал об партикулярном человеке довести до сведения Вашего Превосходительства, зная совершенно, что он не из числа подозрительных людей.

Верно. Правитель канцелярии Троицкий, сверяя титульный советник Глунышев».

Этот документ, наконец-то, найденный, в чем-то мог и несколько разочаровать. Устюженский городничий И. А. Макшеев сообщал обо всем слишком кратко, пытался смягчить краски, замаять скандал. Но, вероятно, происшествие наделало много шума, стало «русским анекдотом». Не случайно же всем этим заинтересовался сам всеисильный Бенкендорф. И поэтому на Волкова было заведено специальное дело под грифом «секретно».

О происшествии в Устюжне и самом Волкове некоторые подробности можно узнать из нескольких документов жандармского дела.

Хлестаков в комедии стал «ревизором» в какой-то мере случайно. А вот Волков сознательно одурачил устюженское начальство. И, видимо, солидно ободрал чиновников.

Приехав в Устюжну, Волков действовал решительно. Нацепил на себя Мальтийский орден, хотя ношение этого ордена в России к тому времени было запрещено. И выдал себя за ревизора корпуса жандармов — грозного учреждения. Как докладывал Бенкендорфу генерал-майор Балабин, Волков «выдавал себя за чиновника канцелярии Вашего превосходительства, требовал себе квартиру, продовольствие для людей и лошадей, был на нескольких обедах у разных чиновников, обещал всем свою протекцию и, как говорят, оставял адреса в канцелярию Вашего превосходительства...»

Любопытно, что в России того времени произошло несколько подобных историй. В разных городах страны чиновники принимали за ревизоров совершенно посторонних лиц.

Вяземский писал: «Все это в порядке вещей, не только в порядке комедии». Комедия Гоголя явилась событием в русской литературе. А скандал с «ревизорством» в Устюжне и сам факт появления комедии перекликались с чиновничеством. Но опасались Сквозник-Дмухановские, Земляники и прочие зря. Власти не собирались менять порядки в стране, «ревизировать» их. Но Гоголь на веки «ревизовал» в своей комедии российские нравы того времени.

Пушкин, рассказав Гоголю «русский анекдот», видимо, знал о том, что произошло в Устюжне, в самых общих чертах. Но исследователи давно обратили внимание на то, что в комедии имеются моменты, которые свидетельствуют о более широкой осведомленности Гоголя. Ведь не случайно же у Гоголя несколько раз встречаются детали, которые характерны именно для тогдашней Устюжны. Это подчеркивают все исследователи. К примеру, городничий в комедии оправдывается перед Хлестаковым: «На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы...» И, действительно, упомянутые холмогорские купцы привозили для продажи мясо именно в Устюжну и далее — в Петербург. И затем — помните? — Хлестаков польстился в трактире на свежую семгу. Семгу купцы везли в Петербург тоже через Устюжну. Вряд ли случайно упоминается дважды Устюжна и в другом произведении Гоголя — в «Тяжбе». Хлестаков в «Ревизоре» (кстати, он одет, как и Волков, в «партикулярное платье») едет в Саратовскую губернию, но действует он в «устюженской» обстановке.

Создается впечатление, что Гоголь знал подробности и устюженской жизни и скандала, происшедшего в этом уездном городке. Но откуда? Ведь Гоголь никогда не бывал в Устюжне. Напрашивается следующий ответ.

Гоголь мог получить самые подробные сведения о случае с мнимым ревизором от генерал-майора Балабина, начальника первого корпуса жандармов. Балабин, конечно, был полностью осведомлен об «устюжен-

свой человек, хотя и с некоторыми изъянами. Вологодский губернатор даже принимал его у себя в доме.

Конечно, мы называем Платона Волкова «вологодским Хлестаковым» чисто условно. Между литературным типом и реальным человеком — «дистанция огромного размера». Но, вероятно, жизнь и похождения П. Волкова послужили для Н. В. Гоголя материалом в его творческой работе.

Литературовед В. Сахаров пишет в упоминавшейся уже нами статье, что фамилия Волкова, «как это следует из дневника О. М. Бодянского, слависта, приятеля Гоголя, была известна писателю». Это косвенное, но все же доказательство, что Гоголь знал о Волкове.

Снова цитируем В. Сахарова: «В необъятной литературе о Гоголе издавна существует некий своеобразный тупик. Это вопрос о прототипе Хлестакова».

Думается, что теперь из этого «литературного тупика» можно выйти. Обнаруженные материалы позволяют это сделать. Факты свидетельствуют: прототипом Хлестакова во многих отношениях мог быть Платон Волков.

19 апреля 1836 года. Александровский театр. Первое представление комедии Николая Васильевича Гоголя «Ревизор».

На спектакле — весь Петербург. В ложе — Николай I. В партере холодное сверканье орденов, позументов знати, роскошь туалетов, обнаженные плечи дам. В театре весь литературный Петербург — Пушкин, Жуковский, Крылов, Вяземский, сам Гоголь... Галерка ломится от простой публики.

Спектакль начался. Критик П. В. Анненков вспоминал: «Уже после первого акта недоумение было написано на всех лицах... По окончании акта прежнее недоумение уже переродилось почти во всеобщее негодование, которое довершено было пятым актом... Общий голос, слышавшийся по всем сторонам избранной публики, был: «Это невозможность, клевета и фарс».

Император, как пишет Герцен, «помирал со смеху» во время представления, а по окончании спектакля со значимостью произнес: «Ну и пьеса! Всем досталось, а мне более всех».

Пьеса Гоголя, по выражению П. А. Вяземского, «имела блистательный и полный успех на сцене, хотя не успех общего одобрения». Свободномыслящая Россия приветствовала комедию и спектакль. Казенная, официальная Россия выступала против. Правая печать, все эти Булгарины, Вигели и прочие, обрушились с нападками на Гоголя, обвиняя его в клевете, в очернении действительности. Все это — общеизвестные факты.

Но присмотримся внимательнее

к одному из самых отрицательных отзывов той поры, напечатанном в журнале «Библиотека для чтения». Автором его был издатель журнала О. Сенковский. Это, как известно, сложная, противоречивая фигура. Осип Сенковский значит был в те времена на всю Россию под псевдонимом «барон Брамбеус». Писатель, журналист, ученый, он был несомненно незаурядным, талантливым человеком. Но одновременно с тем придерживался консервативных взглядов, иногда и вел себя довольно беспринципно. Являясь сторонником «чистого искусства», он резко выступил против реализма Гоголя. В частности, он пытался доказать, что в «Ревизоре» нет ни завязки, ни развязки потому, что это история одного известного случая, а не художественное создание...

Конечно, «барон Брамбеус» ругал «Ревизора», исходя из своих взглядов, но есть одна деталь, на которую стоит обратить особое внимание.

Дело все в том, что «вологодский Хлестаков», подпоручик Платон Волков был сотрудником журнала «Библиотека для чтения», «своим человеком» для Сенковского. Есть упоминание, что одно время он даже являлся помощником редактора журнала.

Как же реагировал сам Платон Волков на появление комедии Гоголя? Ведь самолюбие у него было «хлестаковское». Будучи дуэлянтом, авантюристом, он был способен на любой поступок. Но все же Платон Волков, видимо, посчитал, что в этой бурной обстановке лучше промолчать. Он решил... не узнавать себя в Хлестакове. А свою защиту предоставить Сенковскому.

В 1852 году «Ревизор» был поставлен в Вологде, шел он недолго, но в 1854 году был возобновлен.

Несомненно, этот спектакль должен был вызвать в Вологде особый интерес. Ведь кого-кого, а Платона Волкова в Вологде знали все. Прекрасно знали и об его эпопее с «ревизорством» в Устюжне.

Правда, к этому времени Платона Волкова уже не было в живых. Он закончил свое бурное существование в 1849 году, оставив после себя scandalную славу и 50 тысяч рублей долгов. Но ведь жили те, кто был дружен с Волковым, связан с ним, хорошо знал об устюженском скандале. И сам спектакль на вологодской сцене принимал характер общественного скандала.

...Толстый том «Вологодских губернских ведомостей» за 1854 год. Номер от 3 декабря. В нем рецензия на постановку в Вологде «Ревизора». И знакомая подпись под рецензией... Волков. Только не Платон Волков, а Юрий Волков. Кто это? Племянник «вологодского Хлестакова»? Именно он написал рецензию на по-

становку «Ревизора» в Вологде.

Вот выписки из этой рецензии: «Пользуемся случаем высказать свой взгляд на пьесы Гоголя вообще и на «Ревизора» в особенности... Что глубоко огорчает нас, усердных читателей великого таланта этого писателя?.. Это отсутствие всякого теплового чувства в создании задуманных им личностей...»

Итак, автор рецензии хотел бы, чтобы Гоголь проявил «теплое чувство» к своим персонажам, скорее всего — к Хлестакову. Что ж... Понять племянника «вологодского Хлестакова» можно, но вот только согласиться с ним нельзя.

Но далее автор рецензии честно признается, что «личности Хлестакова и слуги Осипа, по нашему мнению, совершенно возможны». Он подробно разбирает образ Хлестакова и отмечает отличную игру актера Трусова на вологодской сцене в этой роли.

А был ли прототип у городничего, у пресловутого Антона Антоновича Сквозник-Дмухановского?

Действительно, «лжеревизор» Волков одурачил в 1829 году реального устюженского городничего Ивана Александровича Макшеева. Что известно о нем? И. А. Макшеев был гвардии капитаном Кексольмского полка, но в 1824 году ушел в отставку и получил должность городничего в Устюжне. Он-то и принял авантюриста Волкова за ревизора. А впоследствии, после появления комедии Гоголя, его фамилию современники стали связывать со Сквозник-Дмухановским. Правда, по служебной линии устюженский городничий никаких неприятных последствий не имел. Вот только в комедию попал...

Сохранился любопытный документ — записка сына И. А. Макшеева, Алексея Ивановича Макшеева, в котором сын доказывает, что его отец и Антон Антонович Сквозник-Дмухановский — совершенно разные, ничем не похожие друг на друга лица.

Что же, это вполне возможно. Н. В. Гоголь создавал обобщающий тип чиновника того времени. Великий писатель мог использовать при создании образа Хлестакова какие-то моменты жизни П. Волкова, но что касается городничего, то И. А. Макшеев не представлял для Гоголя интереса. Городничий в «Ревизоре», вероятно, не похож на реального городничего в Устюжне, но персонаж гоголевской комедии великолепно похож на многих городничих того времени..

КРАСКИ ПРИРОДЫ

**Анатолий
ПОЛЯКОВ**

Анатолий Николаевич Тумбасов — художник. Но призвания у него два — он еще и писатель.

Ценитель старины глубокой и певец уральских новостроек, беззаветный природолюб и страстный краевед, А. Н. Тумбасов часто путешествует по стране с альбомом и блокнотом в руках. Он участвовал — и не без успеха — во многих крупных художественных выставках, написал несколько книг.

Недавно в Пермском книжном издательстве вышла новая книга А. Н. Тумбасова «Дрема луговая» — книга коротких новелл о природе, — иллюстрированная автором. 78 рассказов — всего на полстранички каждый в ней. Но хоть и мал каждый рассказик, да емко. Сколько в нем поэзии, красок, какой любовью к природе дышит каждая строка!

Вот послушайте новеллу о капели.

«Взойдет солнышко, и на кончике сосульки будто оживает капелька. Оживет и закрутится, как на невидимой ниточке. Покрутится, покрутится да и... плюх!

Упала первая капелька в снег.

За ней мягко плюхнулась вторая. А третья капелька уже со звоном — плик! И началось: плюх-плик, плюх-плик!..

Весна начинается с капели.

Художник, он живописует и словом. Он не только наблюдательный натуралист, наизусть выучивший «лесную книгу», но и писатель, замечая тонкости человеческого характера, умеющий найти самое подходящее слово.

«В деревне бабушка угостила меня свежим ерушником — караваем, испеченным на поду в русской печи... С хлебом бабушка предложила редьку:

— Семь перемен, а все редька: редька триха, редька ломтиха, редька с квасом, редька с маслом, редька в кусочках, редька в брусочках да редька целиком, — улыбнулась и еще присказала: — Да приправить хренком, вот будет блюдо — куда с добром.

Бабушка одинока, а потому рада поговорить.

— Ильин день прошел, — сообщила она. — А это уж гляди — при-

осень. Оттого с утра солнышко, к обеду хмарь, то дождичек, то снова ясно, то ветер с юга, то с севера. И в природе на дню тоже семь перемен, — улыбается бабушка».

На такую книгу, как «Дрема луговая», трудно писать рецензию — ведь она бессюжетная, сродни поэзии. И велико искушение цитировать. И не удержусь еще от одной цитаты. Она взята из последней новеллы «Вокруг нас», которая, завершая книгу, открывает ее замысел.

«От первой капли до первопутка — снежного покрова, проходят времена года. Бесконечна смена картин и красок в природе.

Всякое и разное встречается нам. Что-то выше осинки, что-то ниже былинки. Вверху огляди, пригнись посмотри, в тиши посиди и послушай...

Скрытое выдает себя звуками, а безголосые бывают пестры и нарядны. Одних мы знаем и любим, другие неугодны нам. Но не всякий хищник вреден. Жук жуку рознь. Гриб грибу, хотя и брат, да не каждый можно брать. Все луга разноцветьем полны, да не все цветы для букета годны...

А в общем вокруг нас — большое и малое, безголосое и звонкое, пестрое и нарядное, яркое и бледное — все в природе слажено и между собою связано.

О хорошо изданной книге говорят: ее приятно держать в руках. Именно такова и книга А. Н. Тумбасова «Дрема луговая». Чудесные цветные картинки, много выразительных заставок, сами новеллы — все здесь радует глаз. Ну, а главное достоинство книги — конечно же, не ее внешний вид, а внутреннее содержание. Высокохудожественные новеллы знатока и ценителя природы художника А. Н. Тумбасова понравятся каждому, кто станет читать «Дрему луговую».

ЦЕНТРОСТРЕМЛЕНИЕ

(Из записок географа)

**Игорь
ЗАБЕЛИН**

Рисунки
А. Курникова

В полдень по Африке бродят только туристы. И те не всегда по своей воле. Мы, например, предпочли бы сейчас катить на микроавтобусе в Банги, в отель, где можно встать под прохладный душ, а потом выпить алжирского вина — кубики льда так мелодично постукивают при этом о стекло!

Расписание нарушилось неожиданно. Утром, при относительной прохладе, мы благополучно доехали до водопадов Бвали на реке Лин. В бунгало под темной соломенной крышей, где мы готовились к короткому пешему переходу, отдыхали молодые немцы, приехавшие из ФРГ. Они путешествовали на собственной машине, временно своим располагали, как хотели, и в Бвали остановились порыбачить и покупаться. После короткого разговора о рыбацком счастье, мы, оставив у автобуса шофера, африканца из племени гбайя, спустились к реке. Там были черные скользкие камни, замшелые деревья, перелитые лианами, насыщенный теплой влагой воздух, и стоял грохот.

Словно в сказке, я шел сквозь матово-прозрачную, грохочущую и вибрирующую стену, физически ощущая, как вдавливаюсь в нее, как усиливается сопротивление стены, и вдруг случилось чудо: стена рассыпалась. Не произошло ничего необыкновенного. Просто мы вышли к водопаду, и стена исчезла. Никогда раньше мне не приходилось испытывать такого пронзительного цветового удара: ослепительно белый водопад, ослепительно зеленый тропический лес, — и цветовой контраст разнес матово-душную стену...

Потом нам снова пришлось пройти сквозь потный лес, мы еще осматривали маленькую, единственную в Центрально-Африканской Республике гидроэлектростанцию, но я благополучно пронес ощущение ослепительности и свежести от водопада до бунгало.

На обратном пути наш шофер вел себя необычно. Он несколько раз останавливал автобус, чего африканские шоферы делать очень не любят, и предлагал нам прогуляться. Само по себе это было совсем неплохо: мы уходили вперед по дороге, он догонял нас минут через десять-пятнадцать, и все снова садились в автобус.

Сделав очередную остановку, шофер любезно объяснил нам, что в трех километрах впереди находится деревня, и непринужденно развалился на своем сиденье.

Мы не спеша зашагали в сторону деревни, а руководитель нашей группы остался в машине перезаряжать фотоаппарат.

Руководитель догнал нас весьма растерянным.

— Мы дальше не поедem, — сказал он. — Шофер го-

Игорь Михайлович Забелин — кандидат географических наук, член Союза писателей. Путешествовал по всей Средней Азии, был в экспедициях в Восточной Сибири, на Чукотке и на Охотском море. Совершил девять поездок по Африке. Забелин — автор известной книги «Физическая география сегодня», многих повестей и рассказов.

В нашем журнале публикуется впервые.

ворит, что бензин кончился. Я проверял. Бензина нет. Наверняка он его немцам продал.

Оставаться на дороге под полуденным солнцем не имело смысла, и все решили идти в деревню, надеясь там найти хотя бы тень.

Мне пришлось вернуться к автобусу, потому что я не взял с собою сумку с документами и фляжкой.

К деревне шел один. Леса здесь не было уже и в помине. Кустарниковая саванна — брус, как ее тут называют — начиналась сразу же за накатанной колеей. Двухметровая желтая трава, покрытая красно-кирпичной пылью, сплеталась в совершенно непроходимые заросли. Лишь редкие тропинки уходили куда-то в сторону. В полдень тропинками никто не пользовался: солнце уже добралось до зенита, и я шагал по собственной тени, сожалея, что она у меня под ногами, а не над головой. Ни одна птица не парила в небе, не перелетала с куста на куст. Не порхали бабочки. И ни малейшего дуновения. Было жарко, душно, липко. Так чувствуешь себя летом в тайге или тундре, когда из-за гнуса приходится закутываться и опускать на лицо накомарник. В тайге или тундре, по-моему, даже хуже. Здесь, в Африке, я хоть мог раздеться. Тело, правда, тотчас облепили крохотные пчелки, но они не кусали, как мошка или комары, — они просто слизывали соль с кожи, и к легкому их щекотанию можно привыкнуть.

Над кирпично-красной дорогой приподнимались водянистые, чуть подсиненные миражи, и было ощущение замкнутого пространства, узкого овала, который полз вместе со мною.

В Москве мне однажды позвонили из газеты и спросили, где, по моему мнению, находится центр Африки. Несколько секунд я растерянно мычал в трубку, а затем неуверенно сказал, что, пожалуй, где-нибудь в Республике Чад или в Центрально-Африканской Республике. Звонил мне журналист, немало поездивший по Африке, и я немножко обозлился — мог бы и сам кое-что прикинуть.

— Вы же географ! — парировал он мои сердитые слова.

Я не мог отрицать, что я географ, но именно поэтому у меня имелись основания скептически относиться ко всякого рода символическим центрам.

И все-таки когда обозначился маршрут моей седьмой африканской поездки — Чад, Центрально-Африканская Республика, Конго — я не без удовольствия подумал, что не так-то это плохо — побывать в центре Африки...

Теперь Чад уже позади, да и поездки по Центрально-Африканской Республике подошли к концу. Эта, на водопады Бвали, последняя. Рано или поздно в Банги спохватятся, вышлют нам навстречу другую машину. Из окна своей комнаты — отель стоит на самом берегу Убанги — я увижу широкую реку, как раз напротив отеля рассеченную грядой черных скалистых островов. Ночью на противоположном лесистом берегу Убанги, в Конго, вспыхнут мятущиеся оранжевые костры и донесутся отсюда приглушенные водою, непонятные и потому, наверное, кажущиеся тревожными ритмы там-тамов... А утром мы улетим на запад, в сторону Атлантического океана — расстанемся с Центрально-Африканской Республикой.

Я меланхолично думал обо всем этом, неторопливо отмеряя обещанные три километра до деревни, и постепенно у меня возникло ощущение, что не далее как вчера я действительно побывал в самом-самом центре Африки. Это было именно ощущение, и логически я легко мог опровергнуть самого себя. Но логика в жару противопоказана, да и синие миражи над красной дорогой и желтой саванной кружили голову. Бог весть на каком круге, но я увидел перед собою зеленую от склонившихся деревьев реку Лобаи, в которую вчера, уже под вечер, уткнулись наши машины. Тогда мы только что, не снижая скорости, проскакали застроенный каменными домами и хижинами городок Мбаики, а на берегу Лобаи вокруг нас сомкнулся тропический лес, и в этом лесу мы должны были найти пигмеев.

Переpravившись на пароме через Лобаи, мы заехали

в ближайшую деревню, и один из ее жителей вызвался проводить нас к пигмеям. Мы ехали, пока машины могли ехать, а потом пошли пешком по узкой сухой тропе. По каким-то признакам обнаружив, что до пигмейской деревни уже недалеко, проводник попросил нас остановиться и, взяв с собою привезенный в подарок мешок соли, один ушел вперед. Он вернулся быстро, очень довольный, и сказал, что вождь приглашает нас в деревню.

Все так же следуя за проводником гуськом, мы через каких-нибудь двести метров вышли на поляну, окруженную невысокими — по плечо человеку обычного среднего роста — хижинами. Посредине поляны стояло несколько маленьких гармонично сложенных мускулистых мужчин. Они улыбались нам, и улыбки их означали, что мы можем чувствовать себя в их деревне свободно.

Какие-либо разговоры с пигмеями, к сожалению, практически исключались: пигмеи кое-как объяснялись на местном наречии и их не без труда, но понимал проводник. А местное наречие с трудом понимал наш гид из Банги — высоченный красавец-сержант; с его помощью мы лишь установили, что пигмеи, с которыми мы встретились, принадлежат к сравнительно многочисленному племени бабинга, и на этом переговоры закончились.

Меня сначала больше всего удивила малолюдность деревни: несколько десятков прямоугольных хижин и круглых шалашей, сплетенных из веток и прикрытых травой и листьями, свидетельствовали о весьма многочисленном населении, да и поляна была вытоптана так, что на ней не сохранилось ни одной травинки; очаги, возле которых стояли глиняные горшки и даже бутылки из-под кока-колы, свидетельствовали, что хижины не пусты, но я заметил в них лишь нескольких женщин с грудными детьми.

Вождь деревни что-то крикнул, и на середину поляны выбежали трое мужчин с длинными, ничем не украшенными барабанами; они положили барабаны на землю и сели на них. Барабанщики были молоды и франтоваты: у пигмеев — плотные курчавые волосы, но двое из музыкантов так выбрили себе головы, что остались лишь узкие черные гребни; третий, правда, относился к своей внешности безразличнее.

Вождь подал знак, и руки барабанщиков пришли в стремительное движение: гулкая, отзывающаяся эхом дробь посыпалась в лес, и всего через несколько минут из лесу, как увеличенные в размерах дробины, стали выскакивать на вытоптанную площадку плотные, казавшиеся круглыми, люди. Они ничуть не удивлялись нашему присутствию. Судя по тому, что дамы были уже при параде — на поясах вокруг бедер спереди и сзади висели пучки травы и у всех были веселые, прямо-таки довольные лица, — по всему этому нетрудно было догадаться, что барабанщики сообщили им и о нашем приходе, и о подарке — мешке соли, столь ценимой в тропической Африке по сей день.

Вскоре на площадке стало тесновато, и чем больше пигмеев выбегало из лесу, тем зримей возрастало общее веселое возбуждение. Пигмеи о чем-то темпераментно перекрикивались, подсмеивались друг над другом и, вероятно, над нами, шутили, и у меня было ощущение доброты и доброжелательности, царивших на крохотном пятнышке, отвоеванном у непролазного леса... Барабанщики иногда выбивали короткие фразы, и это еще больше взвинчивало пигмеев... Я бродил среди этих загадочных людей, считающихся исконными обитателями тропической Африки, присматривался к ним, и чувствовал, что мне передается их возбуждение и что мне тоже хочется улыбаться и смеяться вместе с ними, и хочется, чтобы они видели мою улыбку...

Дробь там-тамов вдруг взорвали сумерки, и общий вздох облегчения пронесся в ответ. Мгновение — и плотный круг танцоров скрыл от меня барабанщиков. Танцевали все — мужчины, женщины, даже женщины с детьми, которых они держали на бедре. Танцоры шли в затылок друг другу, отлаженно следуя пока еще спокойному ритму. Нетерпеливые пытались взвинтить темп, они что-то

вскрикивали и чего-то требовали, но круг был так тесен, что выбиться из него никто не мог.

Я не заметил, как оказался в центре танцующих двухметровый красавец-сержант; одетый в светло-бежевый мундир, он величественно застыл возле барабанщиков с магнитофоном в руках... А ритм все убыстрялся, и к топоту крепких ног, к грохоту задыхающихся барабанов вдруг прибавилась очень мелодичная, на высокой ноте песня. Для меня — песня без слов, живущая, несмотря на там-тамы, на топот, своей самостоятельной, хотя и не обособленной жизнью.

...Теперь, на раскаленной дороге в саванне, я видел вчерашнюю картину обобщенно — я видел стремительную карусель, закрутившуюся вокруг светло-бежевого монумента. И я увидел, как крутится вчерашний лес, как приходит в кругообразное ленивое движение полуденная саванна... Вся Африка вращалась вокруг обелиска в пигмейской деревне, вокруг своего центра.

Процеженная сквозь листья деревьев, тень плохо защищает в Африке от солнца. Поэтому мои спутники благоразумно предпочли прочную тень от крыши прямоугольной хижины. Хозяева хижины, как я узнал, предложили располагаться в общей центральной комнате, — сами они на время сиесты удалились в боковые спальни, но мои товарищи предпочли не терять из виду шоссе, и остались снаружи. Я нашел свободное затененное место, достал из сумки фляжку и пустил ее по кругу.

Предстояло томительное ожидание, и я равнодушно огляделся вокруг. Прямо напротив нас, по другую сторону площади, росла пальма, густо увешанная гнездами ткачиков; издали гнезда напоминали гири, и было странно, что листья не гнутся под их тяжестью. Зарывшись в пыль, дремали курицы, величиною с двухмесячных цыплят. Безмятежно спали похожие на шакалов собаки — они разобрали всю свободную тень. Собственно, кроме нас не спали только ярко разодетые торговки на маленьком дридоржном базаре — сторожили проходящие машины.

Обнаружив перед торговками бутылки с молочнокислой жидкостью, я, по неистребимому стремлению ко всякой новизне, отправился на разведку. Как я и рассчитывал, в бутылках оказалось пальмовое вино. Перелив содержимое бутылки во фляжку, я продегустировал вино, и с некоторым удивлением обнаружил, что по вкусу оно напоминает тувинский кумыс. Я пишу «тувинский», потому что в Туве кумысом называют не только перебродившее молоко кобылиц, но и особым образом заквашенное коровье молоко. Коровий кумыс кисловат, приятно освежает и совершенно лишен спирта.

С Тувы, между прочим, и началось мое недоверие ко всякого рода геометрическим центрам материков. Дело происходило сразу же после войны, и я работал тогда в золоторазведочной экспедиции. Не помню теперь по чьей вине, но пошли у нас в экспедиции разговоры, что лет этак двадцать пять назад приезжали в Туву два англичанина искать центр Азии. Вероятно, это были сотрудники из американской палеонтологической экспедиции профессора Эндрьюса, работавшей во Внутренней Монголии, но тогда мы о ней ничего не знали. По слухам, англичане точно высчитали центр материка, поставили там памятный знак, но памятный знак с иноязычной надписью разрушили в годы гражданской войны, и где он стоял — все забыли.

Должен признаться, что и геологи, и мы, студенты, весьма скептически относились к этому самому «центру», понимая, что высчитать его практически невозможно, но все-таки допускали, что если оный и существует, то находится он где-нибудь в районе Шагонара, километрах в двухстах западнее столицы Тувы — Кызыла.

Дальнейшие события разворачивались следующим образом.

В Туву, которая вошла в состав Советского Союза, приезжало в ту пору множество новых людей, и многие любознательные, прослышав про центр Азии, непременно хотели узнать, где он находится. С их точки зрения об этом непременно должны знать в экспедиции. Но уже к концу мая все участники экспедиции разъехались по своим

районам, и на основной нашей базе, в Кызыле, остался один завхоз. К нему-то и направляли свои стопы любознательные.

Я не стану утверждать, что двери базы не закрывались из-за посетителей. Но мне доподлинно известно, что история эта в конце концов надоела завхозу.

Будучи человеком практического склада ума, он вытесал кол, выстругал дощечку, прибил дощечку к колу, и на дощечке черным по белому написал: «Здесь центр Азии». Потом он водрузил это сооружение перед воротами нашей базы.

И обрел спокойную жизнь.

Любознательные подходили к базе, обнаруживали перед ней крестообразное сооружение с желанной надписью, и, вполне удовлетворенные, отправлялись обратно, не тревожа завхоза.

Слух о том, что наконец-то найден центр Азии, достиг и вышестоящих инстанций, и открытие это было оценено весьма положительно: дощечку вскоре заменили бетонной тумбой, сохранив, разумеется, прежний смысл надписи. Прошло еще несколько лет. Талантливые архитектурные головы придумали монумент: пьедестал, земной шар, обелиск-игла, и решили, что лучше смотреться будет монумент на берегу Енисея, — что значат, в конце концов, какие-то сотни метров?

Во всяком случае теперь уже никто не сомневается, что в Кызыле, на берегу Енисея, — почти у слияния Бий-хема с Каа-хемом, — действительно находится геометрический центр азиатского материка.

Молва о нем широко распространилась благодаря пишущей братии: и никто, очевидно, не задумывается, что даже наисовременнейшие компьютеры не способны сколько-нибудь достоверно высчитать геометрический центр колоссального, очень сложного по очертаниям континента.

...Теперь уже мало кто помнит историю «открытия» геометрического центра Азии.

Потягивая кисловатое, как тувинский кумыс, пальмовое вино, я в глубине души почему-то жалел, что знаю эту историю. И было мне почему-то грустно, что ни посреди исторической деревни, ни хотя бы вот тут, под пальмой с гириями-гнездами, еще не воздвигнут обелиск с надписью, утверждающей, что именно здесь находится самый-самый центр африканского материка.

Склонность к самообману?.. Вероятно. Не смею утверждать, но вполне возможно, что тоже грустные чувства испытывали и первые разумные читатели сочинения Коперника «Об обращении небесных сфер», — в нем ведь доказывалось, что вбитый Птолемеем и простоявший четырнадцать столетий столб с надписью «Земля — центр вселенной» поставлен не на месте... И сожалели, наверное, об этом, и посматривали разочарованно на небо... А неразумные читатели — те вели себя совсем иначе, те истово боролись за птолемеевский столб, не подымая взора к небу.

Впрочем, своим ближайшим потомкам Коперник оставил надежду, что хоть Солнце-то — истинный и потому непоколебимый центр мироздания.

Нам, сегодняшним жителям Земли, сложнее с обозначением каких бы то ни было центров...

Няня детей Пугачева

**Аркадий
КОРОВИН**

В Центральном Государственном архиве древних актов хранится немало дел, посвященных Е. И. Пугачеву и его сподвижникам. В одном из них есть протокол допроса 15 ноября 1774 года жонки Ирины. Допрашивали ее в Москве, в стенах тайной экспедиции.

Уральская купчиха Ирина Федоровна Ширинкина-Шадрина родилась в селе Тюбук.

На допросе она показала:

Зовут... Ириной, от роду ей 23-й год, дочь атамана Сибирского Казачьего Войска Федора Захаровича Шадрина. Родители, жившие за Екатеринбургом в Тюбукской казачьей станице, лет 18 назад померли, после чего она, Ирина, жила сначала на Саткинском железном купца Максима Лугинина заводе у своей сестры Дарьи, а затем, выйдя замуж за кунгурского купца Кондратия Ермолаевича Ширинкина, жила сначала два года «своим домом» в Кунгуре, а потом переехала с мужем на Саткинский завод, где они также жили «своим домом», пропитание имея от производимого мужем ее торгового промысла.

Одним словом, жила молодая красивая купчиха, горя не ведая.

6 декабря 1773 года работные Саткинского завода перешли на сторону Пугачева, а 22 декабря открыли ворота крепости отряду И. С. Кузнецова.

Семья Ширинкиных жила смиренно. Но вот отряды восставших вынуждены были временно оставить Сатку. И тут купец Ширинкин проявил себя. Он принял участие в бою с пугачевцами под селом Лагушиным, чтобы выслужиться перед начальником карательного отряда полковником Михельсоном.

В мае же, «дня два спустя после праздника Николая-чудотворца» Пугачев со своей толпой нечаянным об-

разом, — так говорила на допросе Ирина, — поутру рано подошел к их заводу, зажег тамошних обывателей домы... затем повесил ее мужа и двух приказчиков. А ее, Ирину, «злодейские» казаки потащили, было, к злодею (то есть к Е. И. Пугачеву) на расправу, но как он из заводу вышел, то и осталась она жива».

Молодая красавица приглянулась пугачевскому полковнику Анисиму Тюрину. Нижнеломовский ямщик Анисим Андреевич Тюрин в экстракте — в списке карательной комиссии Михельсона — значится вторым, после уктусского атамана полковника Григория Федоровича Финикова, важным преступником.

В руки властей А. А. Тюрин попал раненым.

И. Ширинкина показала при допросе, что «вплоть до разбития Пугачева под Царицыным...находилась у его полковника Анисима, Андреева сына, Тюрина в услужении... Сей Тюрин — человек немолодой. Она варила про него есть и мывала рубашки».

Анисим Андреевич Тюрин упомянут в списке секретных колодников Колывано-Воскресенских заводов, находящихся в Змеиногородской тюрьме. 15 сентября 1775 года он возглавил побег колодников, но они были пойманы.

Отряды пугачевцев уходили с Урала на Волгу. В их обозе везли и Ирину Ширинкину.

В боях под Черным Яром войска Екатерины II захватили в плен многих активных участников Крестьянской войны. В руках Михельсона оказались и обозы с семьями восставших.

Пред грозные очи Михельсона подвели 23-летнюю Ирину. Она стояла, опустив голову.

— Приставить ее нянькой к де-

тям, то бишь выродкам Пугачева, — распорядился Михельсон.

Дальнейшая судьба тюбукской красавицы сложилась так.

«По приказу Михельсона к тем малолетним злодейским детям представлена она нянькой и со оними, равно с матерью их, а злодейскою женою, от Михельсона отправлена она за караулом в Царицын, а из онога отосланы в Симбирск, из которого пересланы сюда в Москву в тайную экспедицию», — записано в протоколе.

В течение нескольких месяцев Ирина Ширинкина была нянькой детей Е. И. Пугачева. Молодая уральская женщина, видимо, привязалась за это время к детям Пугачева — Аграфене, Христине и Трофиму и их матери — первой жене Е. И. Пугачева Софье Дмитриевне Недюжиной. В вину Ирине Ширинкиной тайная экспедиция ставила, что она оказалась любезной в семье злодея.

Судьба семьи Е. И. Пугачева известна: жена и дети его умерли в разные годы в Кексгольмской крепости.

А. С. Пушкин записал в своем дневнике 17 января 1834 года, что Николай I на балу у графа Бобринского сообщил о смерти сестры Пугачева, последней из его семьи. Пушкин был поражен этим сообщением.

По рапорту Кексгольмского коменданта полковника Меева от 15 апреля 1833 года известно, что последней из семьи Пугачева умерла его дочь Аграфена «5 апреля сего года от болезни и старости». (Кексгольмская крепость — ныне город Приозерск на западном берегу Ладожского озера). Или Николай I спутал одну из дочерей Пугачева с его сестрой, или Пушкин неверно записал рассказ царя.

Тюбукская казачка Ирина Федоровна Шадринна-Ширинкина оказалась свидетельницей всех мучений семьи Е. И. Пугачева.

Тайная экспедиция решила расправиться и с ней. Ширинкину приговорили к наказанию кнутом, а потом сослали в один из уральских монастырей.

Впервые о Каповой пещере

Светлана
ДОЛГОВА

Славится Башкирия своими пещерами с нетающими в летнее время льдами, подземными озерами, ключами и реками. Самая знаменитая в этих местах — Каповая пещера.

В 1959 году зоолог А. В. Рюмин открыл в пещере наскальные рисунки — красочные и рельефные изображения доисторических животных: мамонта, пещерного медведя, льва, зубра, дикой лошади. В 1960—1964 годах пещера исследовалась специальной экспедицией Института археологии Академии наук СССР под руководством О. Вадера.

С того времени к пещере началось паломничество туристов. О пещере писали и пишут немало. Но впервые ее обследовал и написал о ней 215 лет тому назад Петр Иванович Рычков — известный историк, географ и путешественник XVIII века.

В 1734 году П. И. Рычков был приглашен на должность помощника начальника Оренбургской экспедиции. С этого времени и до конца жизни он не покидал Оренбургского края, принимал участие в походах замечательных русских ученых и путешественников — И. К. Кириллова, В. Н. Татищева, И. И. Неплюева.

Оказавшись в первых числах января 1760 года по делам службы на Вознесенском медеплавильном заводе в Башкирии, Рычков узнал о существовании крупной пещеры, расположенной в 12 верстах вниз по реке Белой и решил осмотреть ее. Вместе с ним отправились в путь несколько служащих завода, лекарь Графен, солдаты и хорошо знавшие места башкиры.

«Изярядный проспект» открылся перед путешественниками, когда они прибыли к месту. Вход в пещеру имеет вид грандиозного грота. Из-под задней его стены вытекает широкий поток воды, холодной и прозрачной; сажень через 50 он впадает в реку Белую.

Прямо на восток от входа находится первый зал пещеры, который, отмечает Рычков, «от света снаружи можно и сеньми назвать». На правой стене путники увидели три довольно большие скважины, но из-за крутости стен, без лестницы, осмотреть их не смогли. «Сие место, — пишет Рычков, — никакой темноты

не имеет, ибо довольно освещается оно предписанным первым притворором, или сеньми, отколь выход на свет; и можно почесть его за такое место, в котором для нужной обороны не одной тысячи оружейных людей способно стоять может».

В углу зала блестели, переливаясь, «ледяные столбики, длиною аршина на два, а иные и выше сажени, лед их был весьма чистой и прозрачной».

Арка открывает второй зал, «где навалены поперек всей пещеры камня большие и малые». Здесь же удалось осмотреть несколько побочных ходов, которые в свое время (по мнению Рычкова) служили удобным убежищем для защиты и являлись ближайшим выходом на поверхность горы. В этом зале было тепло, так что путники «принуждены были, скинув шубы, в одних комзолах ходить, хотя в самый тот день престокий мороз был».

В третьем зале Рычков нашел, как он выражается, «сухую человеческую голову», пролежавшую в пещере многие сотни, а может быть, и тысячи лет. Здесь же, на стене, путники заметили летучих мышей, они были так смиренные, что их без труда снимали со стен пещеры.

Груды камней затрудняли проход в другие залы, факелы слабо освещали стены и потолок. Пробираясь приходилось через глыбы камней ползком или согнувшись. Наконец, путники достигли последнего, шестого зала. По правой стороне его два низких грота. Из первого Рычков нашел лаз в небольшую пещеру, из второго грота хода нигде нет. По левой стене, возле входа в зал, высятся ровная площадка и над ней высокий свод, в котором виден вход наверх, но без лестницы туда влезть было нельзя. С площадки узкой щелью пролезли, лежа, в небольшую комнату. Это была самая конечная комната пещеры.

П. И. Рычков не только осмотрел пещеру, но и собрал о ней все легенды. Ему рассказывали, что здесь «в древнейшие времена жилали люди, и имели хлебопашество свое, довольно лесу, лугов, всяких угодий, и множество скота и лошади».

Другие уверяли, «что из оной пещеры в старину на поверхность

горы в разных местах бывали выходы, но ныне, где те выходы, не знают...»

Рядом с пещерой есть озеро Конский выгон, название его связано с преданием. В давние времена башкир Усергенской волости Кунурбай, ночая у этого озера, поймал зверя, похожего на собаку. Вышел из озера старый человек и попросил отдать ему зверя, обещая за это подарить жеребца, от которого у башкир будут хорошие кони. Кунурбай согласился, и старик вывел ему из озера «преизрядную лошадь, притом дал ему и узду с прибором серебряным, приказав, чтобы он, сяди на лошадь, отнюдь не оглядывался, но ехал бы прямо в свое жилище». Башкир слова не сдержал и оглянулся — прекрасные лошади выходили из воды. После этого часть лошадей бросилась обратно в озеро, а другие остались у него. С тех пор эти места славятся прекрасными лошадьми.

Рычков сообщает и достоверные события, которые произошли в тех местах. В 1754 году вспыхнуло восстание против царского произвола на крупнейших заводах Южного Урала. В следующем году восстание охватило большинство районов Башкирии. В пещере, на реке Белой, восставшие крестьяне «жен и детей своих... тысячи по три и более душ, под прикрытием нескольких из своей братии, в сей пещере с своим имением оставляли; да и скот их при них же был, который они пасли на горах, а когда нужда требовала безопасности, то и оной загоняли в пещеру».

Рычков незамедлительно отослал подробное описание пещеры в Академию наук в Петербург. Вскоре, в

марте 1760 года, оно было напечатано в первом общедоступном научно-популярном журнале Академии наук — «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» под названием «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славою и наибольшую почитается».

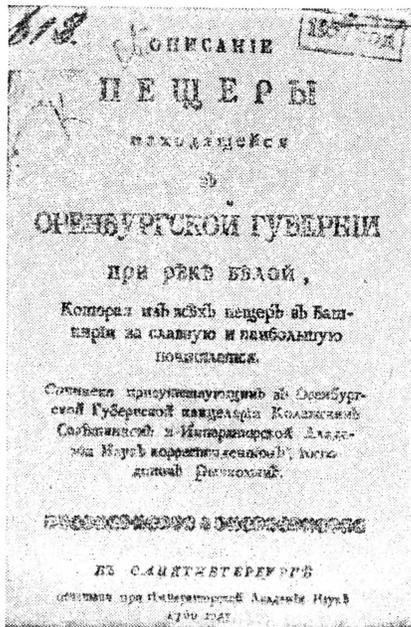
До сих пор этот труд Рычкова был известен только по журналу. В библиотеке Центрального государственного архива древних актов в коллекции известного историографа Г. Ф. Миллера, с которым Рычков находился в постоянной переписке, обнаружено «Описание пещеры», выпущенное отдельной книгой. Это издание не было известно ученым и библиографам. Выпущенное, видимо, небольшим тиражом, оно в настоящее время представляет чрезвычайную библиографическую редкость. Академия наук, напечатав труд Рычкова дважды — в журнале и отдельным изданием, — несомненно по достоинству его оценила и пыталась привлечь внимание к малоизученным землям Урала.

И в заключение о том, какое название имела пещера на реке Белой. Местные башкиры называли, да и сейчас называют, пещеру Шульган-Таш. Речка Шулган, что в трех километрах севернее входа в пещеру, «проваливается», исчезает, и снова на поверхность земли появляется только при выходе из пещеры. Происхождение названия «Капова» точно не известно. Так она могла быть названа потому, что раньше местные жители считали ее искусственной, выкопанной их далекими предками. П. И. Рычков считал пещеру произведением природы, но расширенной и приспособленной для жилья древними людьми. Академик И. Лепехин, посетивший пещеру в 1776 году, за-

метил, что «капающая вода делает особенный тихий и жалостный звук». Исследовавший пещеру в конце XIX века член географического общества Ф. Симон полагал, что название «Капова» пещера получила «от капообразных напльвов по стенам, придающих ей особенную прелесть».

Много загадок еще не разгадано в окрестностях Каповой пещеры. В сочинении Рычкова «Описание пещеры» есть слова, обращенные к нам, его потомкам — к ученым, путешественникам, краеведам: «Ежели б в вышеозначенные непрерывные Уральские горы и происходящие от них отроги, кои начинаясь от хребта Уральского продолжено на немалое расстояние, испуская из себя многие реки и источники, осмотрены были чрез людей ученых и любопытных, то всемерно б нашлось в них много таковых вещей, которыя б служили к немалому приращению народной и натуральной истории здешних мест».

На снимках: титульный лист и иллюстрация к книге П. И. Рычкова.

КОТ ЛАВРЕНТИЙ И БЕЛКИ

**Юрий
ПОДКОРЫТОВ**

*Рисунки
З. Баженовой*

В одном уральском санатории возле сторожки установлены три скворечника. С весны до осени в них живут скворцы, а зимой — зеленый дятел.

Но однажды дятел вернулся с работы и увидел, что его домик занят, — в нем поселился пушистый зверек — белка. Здесь и родились у нее трое бельчат.

А весной, когда вернулись скворцы, их встретило грозное поцокивание и горящие глаза. И скворцы улетели искать новое жилье: белка, хоть и маленький, но зверек. Семейство белки занимало уже все три скворечника.

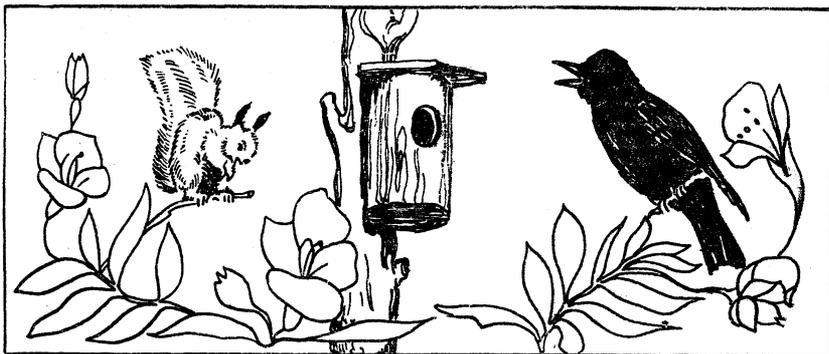
Как-то в солнечный день на крылечко вышел хозяйский кот Лаврентий. Он был совершенно черен, не считая белого пятнышка на груди, зеленоглаз, как все коты, и в меру ленив — от безмятежной жизни.

Лаврентий сладко потянулся и посмотрел на скворечню — у него были на сей счет свои тайные мысли. И удивился: на крыше скворечника принимали солнечные ванны два рыжих зверька, а третий раскачивался на ветке. На котят они были не похожи. «Раз не котята, — решил Лаврентий, — то мыши!»

Лаврентий выпустил когти и бесшумно стал карабкаться по стволу.

И вдруг откуда ни возьмись налетели на Лаврентия две взрослые белки, коготками расцарапали коту морду и чуть было не оторвали фельдфебельский ус.

...Бельчата подрастали, прыгали с ветки на ветку, устраивая настоящие цирковые представления. А кот Лаврентий часами сидел на крылечке, наблюдая за веселой возней. Об охоте он больше не помышлял.

МЕДВЕЖЬЯ ПАСЕКА

Иосиф
ШИМАНСКИЙ

Стояла в лесу совхозная пасека — самая отдаленная, километров за сорок от села. Забрался однажды ночью на эту пасеку медведь. Два улья разворочал, а один унес в тайгу. Все вокруг обыскали — не нашли улья.

Пасечник дед Терентий пошутил:

— Мишка, видать, надумал собственную пасеку в тайге завести.

Так оно и было на самом деле. Отправился Терентий накануне медосбора посмотреть, как липа набирает цвет. Шел он не спеша. Тайга дышала всей грудью — все цвело, благоухало. По распадку бежала речушка, пела свои песни на перекатах.

«Через недельку липа зацветет, — определил Терентий. — Надо к медосбору готовиться». И решил заглянуть к старой дуплистой липе, стоящей на косогоре. Он к ней всегда навещался, когда в тайгу ходил. Как-то зимой, в снежный буран, эта липа его от верной гибели спасла.

Подошел. Увидел летящих к липе пчел. А совсем рядом — улей, тот самый, с его пасеки.

— Вот так чудеса! — воскликнул Терентий. — Ни за что бы не подумал, что Мишка сюда улей приволочет.

Посмотрел — в дупле пчелы: работают, мед носят. И Мишка, видать, ходит — тропа свежая к дуплу проложена.

ПОПАЛСЯ С ПОЛИЧНЫМ

Что медведи не могут жить без меда — знают все. А вот что они любят молоко, не каждый поверит.

После вечерней дойки молоко ставили на ночь в бидонах в озеро, чтобы оно не прокисло.

Забрел однажды медведь к ферме, наткнулся на молоко. Попробовал — понравилось. И зачастил каждую ночь в гости к животноводам.

Утром доярки шумели:

— Кто молоко ворует?! Опять в двух бидонах не хватает. И когда это кончится?

Пастух Степан Сомов, увидев у озера большие следы, сказал:

— Может, медведь, а то и тигр. Вон какие следы оставил.

Женщины засмеялись, недоверчиво поглядывая на Степана. А доярка Матрена Тимофеевна сказала:

— Ну и шутник ты, Степан. Вечно что-нибудь придумаешь. Хиба ж медведи молоко пьют?

Прошло еще пять дней. На шестой утром — у фермы переполох. Пастух Сомов кричит:

— Бабоньки, медведь! В бидоне сидит, Здоровущий, с козову будет!

Збежались доярки. А мишка сидит в кустах с бидоном на голове и рычит. Не повезло бедолаге — попался с поличным.

ПРИТВОРА

**Владимир
ВЫВОДНОВ**

В один из погожих осенних дней сидел я со своей собакой Джуной на прогретой солнцем полянке. Вернее, сидел я, а Джуна рыскала вокруг. Что-то в земле вынюхивала, лапами разгребала, фыркала.

— Джуна! — кричу ей. — Отдохни немного. До дому далеко еще.

Куда там. Только хвостом виляет. У одного из кустов она вдруг резко остановилась, замерла, втягивая ноздрями воздух, и бросилась в гущу ветвей. В ту же минуту оттуда выскочил зайчонок. Сделав несколько неуклюжих прыжков, он присел, прижав ушки. Увидев меня, зайчонок задрожал от страха и бросился к противоположному концу поляны. Не успел я опомниться, как Джуна настигла его. Когда я подбежал к ним, лопоухий лежал уже без всяких признаков жизни. Джуна сидела над ним с видом победителя и довольно урчала.

— Эх ты! — набросился я на собаку. — Как тебе не стыдно за таким маленьким, беззащитным зверьком гоняться!

Я отогнал Джуну, внимательно осмотрел зайчонка. Никаких следов укусов или крови на нем не обнаружил.

«Наверное, умер от страха», — подумал я.

Осторожно взял зверька и положил его на густые ветки кустарника, чтобы Джуна не могла его достать. Отчитал еще раз собаку, взял ее на поводок и направился домой. Пройдя метров десять, оглянулся: на ветках зайчонка уже не было, смешно подпрыгивая, он удирает по кособору.

СОЛОВЕЙ- РАЗБОЙНИК

**Николай
НИКОЛАЕВ**

Валерик потел над задачами. Он ерзал на стуле, кусал карандаш, скреб затылок. А в распахнутое окно врвался певучий, цветистый май.

За калиткой кто-то призывно свистнул. Сына будто ветром сдуло: вылетел во двор с книгой. Но вскоре вернулся.

— Кто там?

— Сашка. За арифметикой приходил.

Не успел сын десятка цифр написать — снова свист. Опять побежал. А зайдя в комнату, недоуменно передернул плечами.

Только сел — фи-и-и-у! — раздалось еще громче.

И в третий раз бегал мальчуган к самой калитке, но ни во дворе, ни на улице никого не было.

Когда в четвертый раз засвистали, я не выдержал:

— Да что там за Соловей-разбойник? Чего ему надо?

— Не знаю, — ответил сын. — Никого нет.

А в это время: фи-и-и-у!

Теперь мы уже оба выскочили. Обежали вокруг дома. Но ни в палисаднике, ни за кустами черной смородины свистуна не нашли.

— Странно, — сказал я.

Но лишь шаг сделали в коридор — за спиной свист. Повернулся — никого. И решил я схитрить. Подошел к углу дома, присел за бочкой, что у водосточной трубы стояла. А над головой: «фи-и-и-у!

Поглядел вверх. На акации — скворец. Черный с белыми крапинками, будто кусок угля известью обрызгали. Притаился за толстой веткой, шейку вытянул, черным выпуклым глазком этак любопытно смотрит. И, кажется, посмеивается над нами: «Что, мол, вы, чудачки, по двору мечетесь?».

С того дня мы и зовем своего скворушку Соловьем-разбойником.

КАНАДЦЫ НА МАНЫЧЕ

Наша лодка тихо плывет по мелководью. Мы пробираемся с другом-охотником через прибрежные камыши Веселовского водохранилища и диву даемся. Над водой возвышаются, как копны на залитом лугу, желто-зеленые пирамидки. Они мастерски сделаны, удивительно похожи одна на другую. Но кто их соорудил? И зачем?

На одной копне-пирамидке сидит серый с рыжим отливом зверек. Он лапками трет мордочку, отфыркивается, нежится на солнце. На другой — такой же зверек с длинным плоским хвостом и крупная черноголовая чайка. Кажется, они ведут задушевную беседу. Недалеко от них свернулся в колючку, положил сверху приплюснутую голову уж и сладко дремлет.

Чем дальше мы пробираемся, тем больше этих необычных сооружений. Мы догадываемся, что это домики, а зверьки-то строители.

Вскоре перед нами открылся целый городок на воде. И у каждого домика плавали, ныряли, суетились зверьки, таскали срезанные зубами камышинки, чакан, водоросли и мастерили.

И вот мы причалили к острову. Нас встретил егерь Манычского заповедника Владимир Иванович. Он рассказал: трудолюбивые зверьки — ондатры. Их завезли к нам из далекой Канады. Полюбились им наши водоемы. Новоселы обрели новую родину, стали быстро плодиться, строить на воде «города».

Камышовые пирамидки можно встретить теперь в лиманах, озерах, в заливах Маныча, на всем мелководье водохранилища.

МЫШЬ-МАЛЮТКА

Лежал я в засесте у плеса среди густых озерных зарослей, ждал зорьку. Подо мной — сухой камышовый настил.

Вечер был настолько тих, что даже беспокойный камыш будто притаился, прислушался. Вода застыла, как стекло. Ее зеркальную поверхность нарушали лишь комары-водомеры. Они на длинных ногах, как лыжники, носились во всех направлениях.

Иногда у самого засеста, быстро работая веслоножками, выныривал жук-плавунец. Он выпускал пузырьки, запасался свежим воздухом и вновь исчезал. Несколько черных головастиков гонялись за личинками комаров. Через лежащую на отмели стрелку чекана, пульсируя всем телом, переползала пиявка.

Справа послышался шорох. Среди бурых корневищ озерной заросли суежилась малюсенькая мышка. Она переворачивала опавшие сухие листочки, что-то искала среди водорослей. Затем села, умылась тоненькими лапками и вдруг, словно вспомнив что-то, стала быстро карабкаться вверх по камышинке.

Куда же это она?

На двухметровой высоте мышья-малютка затерялась. Присмотрелся. В гущине листьев на стебле — гнездышко: плотный темно-серый шарик не более кулака. Сбоку темнеет небольшое отверстие.

Чье же это жилище? Камышовки? Вряд ли. Скорее — славки-портного.

Снова показалась мышка. Она посидела на гнездышке, посмотрела в небо, и, заметив летящую чайку, стремительно опустила к воде, затерялась в корневищах.

Все это заинтересовало меня. Стволом ружья нагибаю камышинку. Вот он, удивительный домик безвестного строителя.

Каково же было мое изумление, когда из гнездышка я вытряхнул на ладонь не птенцов славки-портного, а четырех совсем крохотных еще голеньких мышат.

Вот зачем на такую высоту взбиралась мышка-малютка!

Материнская любовь подсказала ей, где соорудить домик, чтобы во время бурь его не захлестнуло водой, чтобы поющие ветры, качая камыш, баюкали ее детей, словно в зыбке.

Положив малышей на их мягкую постельку, я бережно опустил камышинку.

ДРУЖОК И МУРЛЫШКА

Тетка Анна несла зимой воду из проруби. Услышала — котенок мяукает. Но где? Кругом снег. Сняла с плеч коромысло. Ведро поставила. Прислушалась и давай сугроб разгребать. Верно ведь — маленький желтый котенок снегом засыпан. От усиков до кончика хвоста обледенел весь. Подышала тетка Анна на него да в меховую рукавицу. Дома на печи отогрела, молоком отпоила...

Наступили весенние погожие дни. Котенок, сломя голову, по двору носился. Увидит утенка — стукнет лапой: «Давай, мол, поиграем». На цыпленка прыгнет — тот писк поднимает. Квочка — тут как тут: «Кох... кох!» Котенок — на дерево. Сидит там и будто посмеивается: «Попробуй-ка, доберись...»

Как-то он не в меру расхрабрился и камнем влетел в собачью конуру. А там цепной пес Дружок дремал. Котенок ощетинился, хвост торчком, зубки оскалил, а сам дрожит. Дружок — цап его за шерстку, прижал к земле лапами, понюхал-понюхал, а потом облизывать стал. Испуг у котенка исчез. Ему понравилась ласка. Он поднял лапки и давай щекотать морду собаке. Так они подружились.

Летело время. Котенок вырос и стал взрослой кошкой Мурлышкой. И в осеннюю непогоду, и в зимнюю стужу Мурлышка приходила в конуру, ложилась рядом с Дружком, прижималась к его горячему лохматому боку. Дружок был счастлив. Он лежал неподвижно, даже цепью не звенел, оберегал ее сон...

Однажды тетка продала домик, переехала жить на другой берег реки. Увезла с собой Мурлышку. Дружка оставила по просьбе нового хозяина.

Мучительное отчаянье овладело собакой. Пес не стал никого признавать. Не подпускал хозяина. Перестал есть. Две ночи рыл землю, грыз доски конуры, выл по-волчьи.

Позвали тетку. Дружок бросился к ней, дрожал, умными глазами умолял: «Возьми!» Она забрала его.

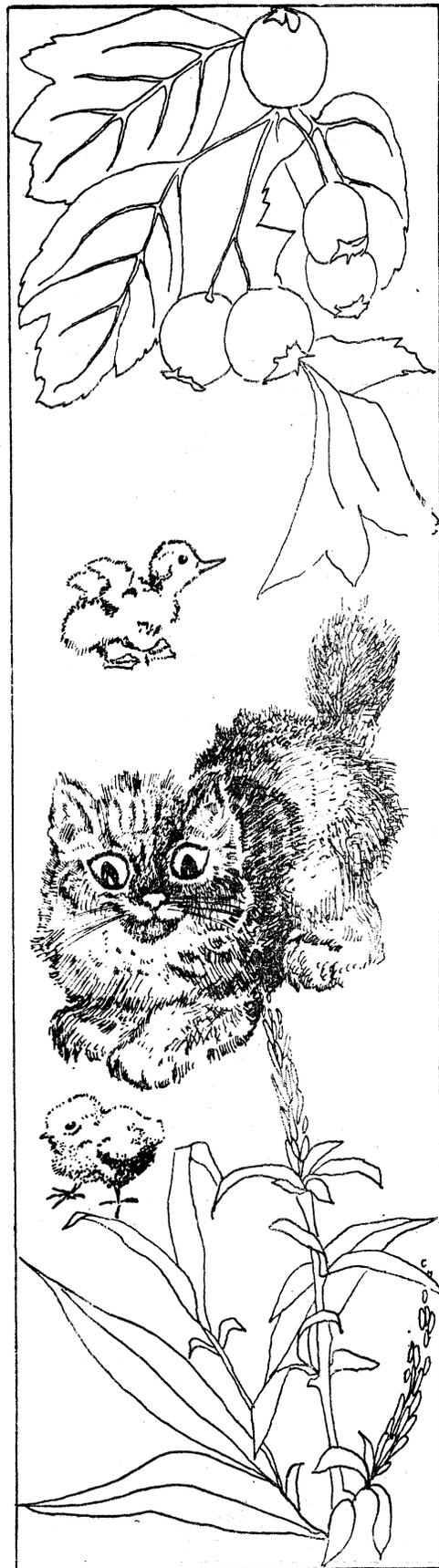
Пес быстро привык к новому двору. Он снова видел Мурлышку.

Восемь лет прожила тетка Анна на новом месте без видимых перемен. Только волосы у нее совсем побелели. Время на все ставит свое клеймо.

Дружок и Мурлышка были неразлучны. Заметно дряхлели.

Как-то осенним утром Мурлышка не подошла к своей чашечке. Тетка нашла ее мертвой в густых кустах смородины.

Почуял смерть Мурлышки Дружок. С того часа он не пил и не ел. На четвертые сутки и его не стало.

Принц

Дворцу царя положено возвышаться над жильем челяди. Где-нибудь в горах это делается просто. Устраивает орел, царь птиц, свое гнездо на уступе, у самой вершины скалы, — и иерархия соблюдена. А как быть в таких случаях в Тюменской области, где на тысячи километров тянется плоская равнина? Верхушка сосны не выдержит гнезда, а пониже устрой его, вроде и царем не почувствуешь себя.

Родители этого птенца нашли выход из положения — они устроили гнездо на площадке треугольной вышки. Только вот беда — для людей такое гнездо очень доступно, если они его обнаружат. А на людей власть орлов не распространяется. Здесь родители бессильны. Они кружатся в сторонке, не решаясь подлететь. Ну, а птенец перед объективом аппарата держится орлом. Правда, вид его непрезентабельный — он еще не оперился и больше напоминает полуощипанную курицу, чем своих родителей. Но осанка и надменный взгляд выдают в нем принца.

Фото А. ПАШУКА

Кладбище мамонтов в Гарях

В экспозиции Нижнетагильского краеведческого музея уже около 50 лет находится громадный скелет мамонта. Этот скелет был собран из отдельных костей, найденных в Гаринском районе.

И до сих пор река Сосьва ежегодно вымывает десятки костей мамонтов и других животных. Здесь находится так называемое «кладбище древних животных».

В поселке Гари на берегу Сосьвы работает археологическая экспедиция Нижнетагильского краеведческого музея. Она собра-

ла здесь большое количество костей мамонтов. Некоторые кости достигают метровой длины и весят 15—20 килограммов. Однако в основной своей массе найденные кости принадлежали молодым мамонтам. На кладбище были найдены кости шерстистого носорога, пещерного медведя, северного оленя, сайги.

Археологи установили, что около 15 тысяч лет назад на этом месте находилась стоянка древних людей — охотников на мамонтов. Здесь были найдены различные кремневые орудия.

Жрица и зверь

Эта ценная находка была сделана при раскопке древних курганов неподалеку от Актюбинска, вокруг которых давно витает легенда о некоей жрице, плененной кровожадным зверем...

Археологи Академии наук Казахской ССР собрали большую коллекцию ювелирных изделий, изготовленных, как предполагается, двадцать пять веков назад.

Особо ценны ожерелья из золотых бусинок, кольца и серьги из сплава серебра с золотом, бронзовая фурнитура для кожаной одежды.

Нашли археологи и каменный жертвенник в погребении жрицы — блюдо на ножках в форме головы какого-то сказочного зверя...

Все о Лермонтове

Первой персональной энциклопедией будет Лермонтовская. В составе ее редколлегии известные ученые — В. А. Мануйлов, В. Г. Базанов, И. Л. Андроников, Н. И. Пруцков. В числе авторов — их около двухсот — литературоведы, историки, психологи, философы, коллекционеры, художники, артисты, поэты...

Трехтомное издание, которое можно назвать

«Все о Лермонтове», подведет итоги более чем 130-летнему изучению жизни и творчества великого русского поэта.

В «Лермонтовской энциклопедии» каждому стихотворению, пусть оно совсем маленькое, посвящается статья или заметка.

Второй персональной энциклопедией будет Пушкинская — трех- или четырехтомная.

Играет атомный орган

Сотни и тысячи труб различного диаметра работают в атомных реакторах, нефтеочистительных установках, на химических заводах. Нередко они не доступны для внешнего осмотра, а такой осмотр необходим. Что же делать — демонтировать всю установку или реактор?

Размышляя над этой проблемой, английские инженеры вспомнили об органе — о звучащих трубах короля музыкальных инструментов. И вот запели 3000 трубок одного из английских атомных реакторов. Отклонения в звучании помогли определить дефекты, которые невозможно увидеть даже на фотографии. Ноты атомного органа сообщили с точностью до сантиметра какой отрезок трубы вышел из строя.

Парад планет

Ученые Кембриджского университета Джон Гриббин и Стивен Плейджмен заинтересовались последствиями «большого построения» планет, которое предстоит в 1982 году. Они установили, что каждые 179 лет все девять планет Солнечной системы выстраиваются, как на параде, в одну линию с одной стороны Солнца. Что повлечет за собой этот небесный почетный караул?

Человечеству, предупреждают ученые, в 1982 году предстоит пережить целую серию опасных потрясений. Сильное притяжение выстроившихся в одну шеренгу планет вызовет резкое усиление магнитной активности светила. Солнечные бури нарушат радиосвязь в земной атмосфере, вызовут изменения направления воздушных потоков. Поворот ветров приведет к перемене погодных условий: осадки и температуры перераспределятся на планете самым невероятным образом.

Спасите тигра!

Еще в 1930 году только в Индии насчитывали до 40 тысяч тигров, а на всем азиатском континенте — 100 тысяч. Сейчас на нашей планете по самым оптимистическим подсчетам осталось не более пяти тысяч тигров.

В Индии начал осуществляться проект «Тигр».

На территории страны создаются восемь заповедников, достаточно больших, чтобы обеспечить постоянный приток тигриного поголовья. Покупка, продажа или экспорт тигровых шкур в Индии теперь приравняются к уголовным преступлениям.

Прикурить от солнца

Самое прозаическое применение солнечной энергии нашла западногерманская фирма «Ровента». Она начала выпуск зажигалок, в корпус которых вмонтировано четыре аккумулятора, подзаряжающихся от солнечного света. Их мощности хватает на то, чтобы прикурить полсотни раз. Вес зажигалки 500 граммов.

мулятора, подзаряжающихся от солнечного света. Их мощности хватает на то, чтобы прикурить полсотни раз. Вес зажигалки 500 граммов.

Семейство «Богатырей»

На Севастопольском морском заводе им. С. Орджоникидзе строят плавучие краны. «Черноморец» грузоподъемностью 100 тонн может самостоятельно передвигаться по морским просторам на расстояние до 20 миль. Завод выпустил 20 таких кранов.

Затем морской завод освоил производство «Богатырей» грузоподъемностью до 300 тонн!

А в скором времени у «Черноморца» и «Богатыря» появится третий брат — «Витязь». Он сможет поднимать грузы весом до 1600 тонн. Главное назначение «Витязя» — подъем затонувших судов. До недавнего времени для подъема судов нужны были месяцы, новый плавучий кран выполнит эту работу за несколько суток.

В доме на Ильме

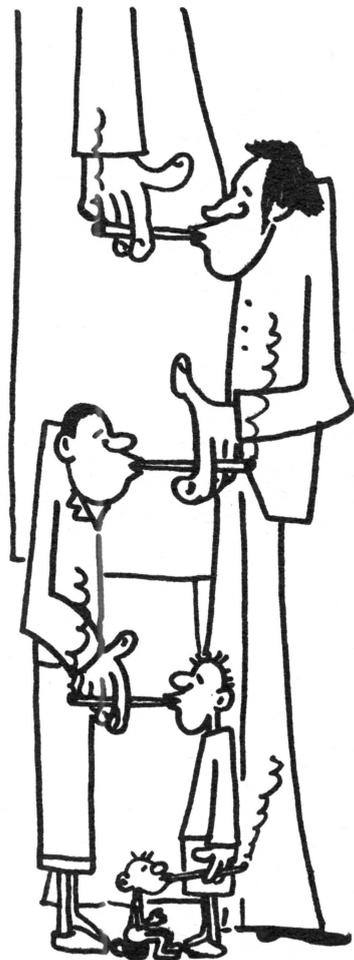
В Веймаре жил и творил великий немецкий поэт Гете. Здесь он принимал знаменитых писателей, музыкантов, ученых, художников. Во время таких приемов Гете знакомил гостей со своей уникальной коллекцией минералов. С глубокой благодарностью Гете принял подарок Л. А. Яковлева, дяди А. И. Герцена, — гранатовую табакерку. А русский минеролог А. Г. Строганов пополнил коллекцию хозяина дома собранием крупинок уральского золота, изумруда, берилла, топаза, граната, турмалина, яшмы.

Однажды русские горные инженеры послали в Веймар два самородка — золотой весом 243 золотника и платиновый — 233 золотника 69 долей.

В доме Гете сохранились книги русских ученых — А. Г. Строганова — «человека декабристских чувств и настроений», Д. А. Голицына, Г. К. Разумовского.

В доме на Ильме у автора «Фауста» бывали Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, В. К. Кюхельбекер.

Рисунки
В. Милейко
и
Н. Дмитриева

— Дотянем до финиша?

Воспитание

ТУРБАЗА. Линогравюра
Валерий МОЖАЕВ [г. Сухой Лог]

ПЕТЬКА ТЕРЕХОВ ЕХАЛ НА БАМ В ОДИНОЧКУ. ЕГО НЕ ПРОВОЖАЛИ ОРКЕСТРЫ, ЕМУ НЕ ГОВОРИЛИ С ТРИБУН ПЛАМЕННЫХ НАПУТСТВЕННЫХ РЕЧЕЙ, И ДЕВЧОНКИ НЕ БРОСАЛИ ЦВЕТОВ В ОКНА ВАГОНА. НЕ БЫЛО ЭТОГО. А БЫЛО ГОРЬКОЕ, ДОСАДЛИВОЕ ОЩУЩЕНИЕ ВИНЫ ПЕРЕД МАТЕРЬЮ, КОТОРАЯ

НЕГОДОВАЛА И КРИЧАЛА, ЕЩЕ НАДЕЯСЬ, ЧТО МОЖЕТ НЕ ОТПУСТИТЬ...

Документальную повесть «ПЕТЬКА ТЕРЕХОВ ЕДЕТ НА БАМ» читайте в следующем номере журнала.